

ИРО
СВЕТ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
СПЕЦИАЛИЗОВАН

ISSN 2949-5059 (print)
ISSN 2949-5075 (online)

Вопросы

современной лингвистики

Voprosy sovremennoj lingvistiki

KEY ISSUES

OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Организационный мунос
как зона неартикулируемого
в организационном дискурсе

Паремии тематической группы
«двадцать четыре сезона» в китайском
языке: лингвокультурологический анализ
(на материале хрононимов
Личунь, Цинмин и Дунчжи)

2026 / № 2.

T.1

ISSN 2949-5059 (print)

2026 / № 2. Т. 1

ISSN 2949-5075 (online)

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Лингвистика

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (см.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (германские и романские языки); 5.9.8 – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

Journal is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into "the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree" (see: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in Philology: 5.9.6 – Languages of the Peoples of Foreign Countries (Germanic and Romance); 5.9.8 – Theoretical, Applied and Comparative Linguistics.

ISSN 2949-5059 (print)

2026 / № 2. Vol. 1

ISSN 2949-5075 (online)

KEY ISSUES OF CONTEMPORARY LINGUISTICS

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Ахренова Н. А. — д-р филол. наук, доц., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Заместитель главного редактора:

Максименко О. И. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Тарасова М. С. — канд. филол. наук, Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Александрова О. В. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Викчулова Л. Г. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Вишнякова О. Д. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Демьянков В. З. — д-р филол. наук, проф., Институт языкознания РАН;

Епифанцева Н. Г. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Жирова И. Г. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Калинин О. И. — д-р филол. наук, проф., Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Карабулатова И. С. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Карпова О. М. — д-р филол. наук, проф., Ивановский государственный университет;

Киосе М. И. — д-р филол. наук, доц., Московский государственный лингвистический университет

Ковачевич Б. — доктор наук, полный профессор, Белградский университет (Сербия)

Коста Петер — доктор философских наук, профессор, Университет Потсдам (Федеративная Республика Германия);

Левченко М. Н. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Малюга Е. Н. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

Маслова В. А. — д-р филол. наук, проф., Витебский государственный университет им. П. М. Машерова (Республика Беларусь);

Морадхани Ш. — доктор философских наук, доцент, Университет Рази (Керманшах, Иран)

Николаева О. В. — д-р филол. наук, доц., Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток);

Пешкова Н. П. — д-р филол. наук, проф., Башкирский государственный университет;

Прохорова О. Н. — д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Скуратов И. В. — д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Сулейманова О. А. — д-р филол. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Тер-Минасова С. Г. — д-р филол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова;

Филиппова И. Н. — д-р филол. наук, доц., Государственный университет просвещения;

Хабаров А. А. — д-р филол. наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ;

Хухуни Г. Т. — д-р филол. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Чеснокова О. С. — д-р филол. наук, проф., Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

Рецензируемый научный журнал «Вопросы современной лингвистики» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по теории языка, сравнительно-историческому, типологическому и сопоставительному языкознанию, теории и практике перевода, германистике, романскому языкознанию.

Журнал адресован учёным-лингвистам, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам, учителям-исследователям, переводчикам.

Журнал «Вопросы современной лингвистики» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73342.

Индекс журнала «Вопросы современной лингвистики» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40713.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках "eLibrary" (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте: www.linguamgou.ru.

При цитировании ссылка на журнал «Вопросы современной лингвистики» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии журнала. Рукописи не возвращаются.

Вопросы современной лингвистики. — 2026. — № 2. Т. 1. — 158 с.

© Государственный университет просвещения, 2026.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.linguamgou.ru

Founder:
Federal State University of Education

———— Issued 6 times a year ————

Editorial board

Editor-in-chief:

N. A. Akhrenova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Deputy editor-in-chief:

O. I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education

Executive secretary of the series:

M. S. Tarasova – Cand. Sci. (Philology), Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

O. V. Alexandrova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. G. Vikulova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

O. D. Vishnyakova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

V. Z. Demyankov – Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

N. G. Yepifantseva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

I. G. Zhirova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. I. Kalinin – Dr. Sci. (Philology), Prof., Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

I. S. Karabulatova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

O. M. Karpova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Ivanovo State University;

M. I. Kiose – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Moscow State Linguistic University;

B. Kovačević – PhD, Full Professor, University of Beograd (Serbia)

Kosta Peter – Dr. phil. habil., Prof., University of Potsdam (Germany);

M. N. Levchenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

E. N. Malyuga – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;

V. A. Maslova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Vitebsk State University named after P.M. Mashero, Republic of Belarus;

S. Moradkhani – PhD (Doctor of Philosophy), Associate Professor, Razi University (Kermanshah, Iran)

O. V. Nikolaeva – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Far Eastern Federal University (Vladivostok);

Pang Gyo-Youn – Dr. Sci. (Philology), Prof., Hankuk University of Foreign Studies (Korea);

N. P. Peshkova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Bashkir State University;

O. N. Prokhorova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Belgorod National Research University;

I. V. Skuratov – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

O. A. Suleimanova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Moscow City University;

S. G. Ter-Minasova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lomonosov Moscow State University;

I. N. Filippova – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Federal State University of Education;

A. A. Khabarov – Dr. Sci. (Philology), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

G. T. Khukhuni – Dr. Sci. (Philology), Prof., Federal State University of Education;

O. S. Chesnokova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

ISSN 2949-5075 (online)

ISSN 2949-5059 (print)

The reviewed scientific journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scientists about the theory of language, comparative-historical, typological and comparative linguistics, the theory and practice of translation, Germanic and Romance linguistics.

The journal's target audience is linguists, university professors, graduate students, undergraduates, research teachers, translators.

The journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (mass media registration certificate No. FS 77-73342).

Index of journal "Key Issues of Contemporary Linguistics" according to the Union catalog "Press of Russia" – 40713.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "Cyber-Leninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site: www.linguamgou.ru.

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the journal does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Key Issues of Contemporary Linguistics. – 2026. – № 2. Vol. 1. – 158 p.

© Federal State University of Education, 2026.

The Editorial Board address:

10A build 2 Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.linguamgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- Валуйцева И. И., Ефремова Е. В.* Организационный мунос как зона неартикулируемого в организационном дискурсе 6
- Гао М., Ломакина О. В.* Паремии тематической группы «двадцать четыре сезона» в китайском языке: лингвокультурологический анализ (на материале хрононимов Личунь, Цинмин и Дунчжи) 20
- Лебедева А. А., Новикова М. Г.* К вопросу о социокультурологической и прагматической адаптации при переводе текстов юридического дискурса: герменевтико-коммуникативный подход 32
- Никитина М. С.* Сопоставительный анализ норвежского языка (букмол) и латиноамериканских вариантов испанского языка в ценностном аспекте... 50
- Хухуни Г. Т., Осипова А. А.* Лингвистическое переводоведение: страница прошлого или актуальное настоящее?..... 66
- Пугачева Е. Ю.* Особенности лексико-стилистических средств вербализации образа Робин Гуда в балладном дискурсе 80
- Цзоу Цзиньна, Сюе Эньюй, Карабулатова И. С.* Структурные особенности терминологии в китайских и русских научно-технических текстах. 96

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

- Колоскова О. А., Пономаренко Е. В.* Средства вербализации реалий деловой жизни в период 2000–2025 годов с позиций динамико-системного подхода. . 110
- Котеняткина И. Б., Чеснокова О. С.* Гимн Никарагуа как риторическое воззвание к гражданскому согласию 127
- Мельник Е. С., Линь Чжао.* О специфике употребления глагольных времён в заголовках газетных текстов (на материале современного испанского языка) 139

CONTENTS

THEORETICAL, APPLIED AND COMPARATIVE LINGUISTICS

- I. Valuytseva, E. Efremova.** Organizational Munos as a Zone of the Unarticulated in Organizational Discourse 6
- M. Gao, O. Lomakina.** Paremiyas within the “Twenty-Four Solar Terms” Thematic Group in Chinese: A Linguoculturological Analysis of the Chrononyms Lichun, Qingming, and Dongzhi 20
- A. Lebedeva, M. Novikova.** On the Problem Of Sociocultural and Pragmatic Adaptation in Legal Texts Translation: Hermeneutic-Communication Approach. . . 32
- M. Nikitina.** A Comparative Analysis of the Norwegian Language (Bokmål) and Latin American Varieties of the Spanish Language in the Value Aspect 50
- G. Khukhuni, A. Osipova.** Linguistic Translation Studies: The Page of the Past or Actual Present? 66
- E. Pugacheva.** Peculiarities of Lexico-Stylistic Means of Robin Hood Image’ Verbalising in Ballad Discourse 80
- Jinna Zou, Enkui Xue, I. Karabulatova.** Structural Features of Terminology in Chinese and Russian Scientific and Technical Texts. 96

LANGUAGES OF THE PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES

- O. Koloskova, E. Ponomarenko.** Means of Verbalizing Business Realia in 2000–2025 from the Perspective of Dynamic Systems Approach. 110
- I. Kotenyatkina, O. Chesnokova.** The Anthem of Nicaragua as a Rhetorical Appeal to Civil Consent 127
- E. Melnik, Ling Zhao.** On the Specifics of Verb Tense Usage in Newspaper Headlines (Based on Contemporary Spanish Language Material) 139

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Научная статья

УДК 81-114.2

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-6-19

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ МУНОС КАК ЗОНА НЕАРТИКУЛИРУЕМОГО В ОРГАНИЗАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ

Валуйцева И. И.^{1*}, Ефремова Е. В.²

¹ Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

² АНО «Научно-исследовательский институт организационной психологии
и психолингвистики «Устроение», г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор: e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.02.2026

После доработки 27.02.2026

Принята к публикации 02.03.2026

Аннотация

Цель настоящего исследования – анализ феномена молчания в организационном дискурсе и теоретическое обоснование категории организационного муноса (авторский неологизм), понимаемого как структурно закреплённая зона неартикулируемого в организационной коммуникации.

Процедура и методы. Основной метод – анализ научных трудов, исследующих проблемы коммуникации в организациях с социопсихологической, семиотической и дискурсивной позиций, выработка собственного комплексного подхода к феномену молчания, на базе которого в дальнейшем строится лонгитюдное включённое наблюдение за коммуникативными практиками компаний различной организационной природы.

Результаты. Показано, что молчание в организации следует рассматривать не как коммуникативный сбой, а как системное условие, определяющее границы артикулируемого и неартикулируемого в совместной деятельности, и что подобные зоны формируются не отдельными решениями участников взаимодействия, а архитектурой дискурсивного пространства организации.

Теоретическая и практическая значимость. Расширяется понятийный аппарат исследований организационного дискурса, проводится интеграция социологических теорий структуры и действия в анализ дискурсивных ограничений. Введение категории муноса позволяет рассматривать молчание как структурный элемент системы, формирующий границы организационной реальности, что может иметь практическую значимость для построения эффективной коммуникации в организациях различной структуры и численности.

© СС ВУ Валуйцева И. И., Ефремова Е. В., 2026.

Ключевые слова: организационный дискурс, молчание в коммуникации, неартикулируемое, организационный мунос, дискурсивные ограничения

Для цитирования:

Валуйцева И. И., Ефремова Е. В. Организационный мунос как зона неартикулируемого в организационном дискурсе // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 6–19. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-6-19>

Original research article

ORGANIZATIONAL MUNOS AS A ZONE OF THE UNARTICULATED IN ORGANIZATIONAL DISCOURSE

I. Valuytseva^{1*}, E. Efremova²

¹ Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

² Research Institute of Organizational Psychology and Psycholinguistics "Ustroenie", Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Received by the editorial office 20.02.2026

Revised by the author 27.02.2026

Accepted for publication 02. 30.2026

Abstract

Aim. This study analyzes the phenomenon of silence in organizational discourse and provides a theoretical justification for the category of organizational munos (the author's neologism), which is understood as a structurally fixed zone of the unarticulated in organizational communication.

Methodology. The main method is the analysis of scientific works that study the problems of communication in organizations from a sociopsychological, semiotic and discursive perspectives, as well as the development of an integrated approach to the phenomenon of silence, which is further used to conduct long-term participant observation of the communicative practices of companies of various organizational types.

Results. It is shown that silence in an organization should be viewed not as a communicative failure, but as a systemic condition that determines the boundaries of what is articulated and what is not articulated in collaborative activities, and that such zones are formed not by individual decisions of the participants in the interaction, but by the architecture of the organization's discursive space.

Research implications. The conceptual framework of organizational discourse research is expanded, and sociological theories of structure and action are integrated into the analysis of discursive constraints. The introduction of the munos category allows us to consider silence as a structural element of the system that forms the boundaries of organizational reality, which can have practical significance for building effective communication in organizations of various structures and sizes.

Keywords: organizational discourse, silence in communication, the unarticulated, organizational munos, discursive limitations

For citation:

Valuytseva, I. I. & Efremova, E. V. (2026). Organizational munos as a zone of the unarticulated in organizational discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 6–19. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-6-19>

Введение

В современной лингвистике и психолингвистике организация рассматривается как опосредованная через язык социальная реальность, воспроизводимая через устойчивые формы коммуникации. Организационный дискурс в этом контексте понимается как совокупность институционализированных речевых практик, посредством которых формируются нормы взаимодействия, распределяется ответственность и задаются рамки интерпретации происходящего. Язык выступает здесь механизмом регуляции совместной деятельности, обеспечивающим воспроизводство организационного порядка на когнитивном и символическом уровнях.

Исследования в этой области в значительной степени сосредоточены на следующих вербальных формах: официальных текстах, управленческих сообщениях, декларациях целей, ценностей и стратегий. В фокусе оказываются те элементы организационной реальности, которые получили явное языковое оформление. При этом иное измерение коммуникации, связанное с устойчивыми зонами умолчания и невыразимого, остаётся недостаточно изученным.

Феномен молчания долгое время рассматривался либо как вторичный по отношению к речи, либо как её фоновое сопровождение. В исследованиях управления и организационной психологии он получил интерпретацию в рамках понятий *organizational silence* и *employee silence*. Классические работы в данной области трактуют молчание как сознательное утаивание информации, оценок или опасений, потенциально значимых для организации, и связывают его прежде всего с мотивационными основаниями поведения сотрудников – страхом негативных последствий, соглашательскими установками или стремлением сохранить социальное согласие [1; 2; 3].

В настоящем исследовании мы опирались на концепцию габитуса П. Бурдьё,

описывающую интериоризацию социальных ограничений в виде дорефлективных схем восприятия и действия [4], а также на представление Ю. М. Лотмана о семиосфере как пространстве, внутри которого возможны процессы смыслообразования [5]. На этом основании сделано предположение о существовании в организациях устойчивых зон неартикулируемого, формирующегося намерениями участников коммуникации и архитектурой дискурсивного пространства, которое, по Т. ван Дейку, регулирует доступ к говорению через контроль контекста, жанров и интерпретационных рамок [6].

Для описания данного феномена в настоящей статье вводится понятие *муноса*. Это неологизм одного из авторов статьи, предназначенный для обозначения структурной немоты в организационном дискурсе, не сводимой к индивидуальному акту молчания. Лексема «мунос» сходна с латинским словом *mūtus* – *безмолвный, молчаливый, немой*¹ (*mutos* – форма *аккузатива мужского рода множественного числа от прилагательного mūtus* (молчаливые (безмолвные, немые / молчаливых (безмолвных, молчаливых))).

Цель настоящего исследования состоит в теоретическом обосновании категории организационного муноса и анализе её эвристического потенциала для изучения организационного дискурса. В рамках данной цели ставятся следующие исследовательские задачи: определить специфику организационного муноса как зоны неартикулируемого в организационной коммуникации; разграничить понятие организационного муноса и распространённые в современной литературе категории *organizational silence*, *employee silence* и *voice*; описать дискурсивные механизмы, посредством которых ситуативные акты молчания могут закрепляться как структурное свойство организационного дискурса; показать,

¹ См.: *mutus* [Электронный ресурс] // Викисловарь : [сайт]. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/mutus> (дата обращения: 02.02.2026).

каким образом категории габитуса и символической власти позволяют объяснить устойчивость зон неартикулируемого в организационной коммуникации.

Основным методом сбора эмпирического материала выступило длительное включённое наблюдение, реализованное в формате участника исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении понятийного аппарата исследований организационного дискурса и интеграции социологических теорий структуры и действия в анализ дискурсивных ограничений.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения предложенной аналитической рамки при диагностике коммуникативных дисфункций в организациях. Понятие организационного мунуса позволяет выявлять структурные зоны невыразимого, возникающие в управленческом дискурсе, и анализировать механизмы их воспроизводства. Это создаёт основания для разработки практик организационной рефлексии и пересмотра коммуникативных регламентов, направленных на снижение дискурсивных ограничений и расширение пространства легитимной артикуляции проблемных ситуаций.

Степень разработанности проблемы

В современной литературе по менеджменту и организационному поведению феномен молчания концептуализируется преимущественно в рамках понятий *organizational silence* и *employee silence*. Ключевым этапом в развитии данного направления стала статья Э. Моррисон и Ф. Милликен [7], в которой организационное молчание было описано как коллективный феномен, препятствующий выявлению проблем и блокирующий процессы изменений.

В дальнейшем исследовательская оптика сместилась на уровень индивидуального субъекта, что было зафиксировано в концепции *employee silence*. В работах

К. Пиндера и К. Харлос [2] молчание определяется как сознательное утаивание подлинных оценок рабочей ситуации от лиц, обладающих возможностью повлиять на происходящее. Ключевым элементом данной трактовки является интенциональность: субъект рассматривается как обладающий потенциальной способностью к артикуляции, но воздерживающийся от высказывания на основании когнитивной оценки рисков, бесполезности усилий или социальных последствий.

Доминирующие концепции *organizational silence* и *employee silence* трактуют молчание как форму осознанного утаивания информации, предполагая наличие у субъекта сформированного речевого замысла и потенциальной возможности его артикуляции. В рамках этих моделей молчание мыслится как стратегия – оборонительная, соглашательская или оппортунистическая – и противопоставляется «голосу» (voice) как активной форме участия [8].

Развитие подхода привело к формированию развёрнутых мотивационных типологий молчания. В частности, Л. Ван Дайн с соавторами [3] предложили различение соглашательского, оборонительного и просоциального молчания, а последующие исследования дополнили эту схему более сложными формами стратегического и оппортунистического молчания [1, p. 683; 8]. Современные исследования демонстрируют, что молчание может быть связано и с организационными нормами выражения мнений, и с институциональными условиями артикуляции [9; 10]. Несмотря на усложнение классификаций, данные модели трактуют молчание, прежде всего, как поведенческую стратегию или реакцию субъекта на организационный контекст. Таким образом, обращение к категориям габитуса, символической власти и дискурсивных ограничений для объяснения устойчивости зон невыразимого в поведении сотрудников организации представляется необходимым.

Молчание в современных работах исследуется и как результат индивидуальной мотивации или институциональных ограничений, и как элемент структуры профессионального разговора, выполняющий в процессах коллективного осмысления ситуации и организационного взаимодействия различные функции [11, р. 271–275].

В лингвистике молчание рассматривается в качестве значимого элемента речевого действия и контекстуально обусловленной формы коммуникации (работы Н. Д. Арутюновой [12]). В других исследованиях оно считается элементом коммуникативного процесса, обладающим прагматической функцией, и интерпретируется как нулевой речевой акт [13–15].

В рамках психолингвистики речь анализируется как средство организации совместной деятельности, а разрывы между замыслом и пониманием связываются с несовпадением смысловых фокусов участников коммуникации [1, р. 681–682; 16; 17, с. 31]. Вместе с тем данные подходы преимущественно ориентированы на анализ процессов порождения и восприятия артикулированной речи и в меньшей степени затрагивают феномены институционализированной невыразимости.

Однако организационное молчание не сводится к стилистическим фигурам умолчания или экономии речевых усилий, речь идёт о состоянии, при котором определённые аспекты опыта оказываются когнитивно и символически недоступными для оформления в рамках существующего дискурса.

Исследования последних лет демонстрируют устойчивый рост интереса к феномену организационного молчания, включая метааналитические и систематические обзоры последних лет [8; 18; 19]. В этих работах молчание рассматривается как поведенческая реакция сотрудников и структурный элемент организационного взаимодействия.

В нашем исследовании в качестве теоретического основания используются концепция семиосферы Ю. М. Лотмана [5], теория габитуса П. Бурдьё [4], а также семиосоциопсихологический подход к текстовой деятельности, разработанный Т. М. Дридзе [20]. Это хорошо известные теории и для соблюдения требуемого журналом объёма статьи мы сочли целесообразным не приводить цитаты из их работ.

Сферный подход предполагает рассмотрение организации как дискурсивной системы, в которой коммуникация выполняет организующую функцию. Смысл в этой системе производится и регулируется в зависимости от конфигурации дискурсивного пространства, молчание в данном контексте трактуется как специфическая зона дискурса, обладающая собственной функциональной нагрузкой и связанная с поддержанием устойчивости организационного порядка.

С позиций семиосоциопсихологии Т. М. Дридзе [20] организационный мунос может быть интерпретирован как системный разрыв в текстовой деятельности, препятствующий формированию смыслового контакта на уровне интенциональных структур. Такой подход позволяет рассматривать организационную реальность как совокупность не только порождённых текстов, но и устойчивых зон невыразимого, которые структурируют деятельность не менее жёстко, чем формальные регламенты. Тем самым преодолевается разрыв между лингвистическим анализом дискурса и социологическим анализом властных отношений, неоднократно отмечавшийся в исследованиях критического дискурс-анализа [21].

Вводимое нами понятие «организационный мунос» определяется как категория, фиксирующая институционализированные зоны неартикулируемого, что позволяет акцентировать не намеренное удержание высказывания (*silence*), а состояние неартикулируемости, обусловленное ограниченным доступом к леги-

тимным жанрам и номинациям организационной речи. Осознанный отказ от использования терминов *organizational silence*, *muteness*, *silencing* обусловлен необходимостью развести поведенческое молчание и дискурсивно закреплённые зоны невыразимого. Неологический характер термина в данном случае выполняет аналитическую функцию, фиксируя самостоятельный уровень описания, относящийся к организации дискурса, а не к выбору субъекта. Мунос задаёт границы допустимой артикуляции и функционирует как форма структурной цензуры, которая, будучи интериоризированной, не осознаётся участниками коммуникации как внешнее ограничение. Термин «мунос» вводится для описания устойчивой зоны неартикулируемого внутри дискурсивной системы, обладающей собственной структурой, границами и механизмами воспроизводства. В отличие от *discursive muteness*, мунос не редуцируется к отсутствию речи; в отличие от *structural silence*, он не описывает лишь эффект подавления; в отличие от *discursive closure*, он фиксирует не процедуру закрытия, а результат – институционализированное пространство невыразимого, сохраняющееся даже при формальном наличии каналов высказывания.

Концептуализация организационного муноса как структурного свойства организационного дискурса требует выхода за пределы линейных моделей коммуникации, в которых молчание интерпретируется как отсутствие сигнала или сбой передачи информации.

Материалы и методы исследования

Методологическая рамка настоящего исследования основана на интеграции семиотического, социологического и дискурсивного подходов, позволяющих рассматривать молчание как элемент смысловой организации социальной системы.

Данная работа носит теоретико-концептуальный характер и выполнена в

русле качественной аналитической традиции организационной психолингвистики и дискурс-анализа. Выбор качественного подхода обусловлен спецификой объекта исследования – феноменом организационного муноса, который не поддается прямой количественной операционализации и проявляется преимущественно в форме структурных ограничений артикуляции.

Исследование опирается на конструктивистскую эпистемологическую позицию, согласно которой организационная реальность формируется и воспроизводится через дискурсивные практики участников. В этой логике молчание рассматривается как элемент дискурсивной организации, требующий интерпретативного анализа в контексте конкретных коммуникативных ситуаций.

Ключевым аналитическим инструментом выступает интенциональный анализ, направленный на реконструкцию мотивационно-целевой структуры коммуникативных актов. В контексте исследования организационного муноса данный подход позволяет выявлять систематические лакуны в текстовой деятельности организации. Анализируются ситуации, в которых коммуникативная интенция не может быть реализована в рамках доступных дискурсивных жанров либо подвергается искажению в процессе интерпретации. Мунос в этом случае проявляется как устойчивый разрыв в логике дискурсивного воспроизводства, при котором определённые элементы опыта системно исключаются из организационных текстов.

Эмпирической основой исследования выступили материалы длительного профессионально включённого наблюдения, осуществлявшегося одним из авторов статьи с 2018 по 2025 годы в ходе работы с 18 организациями коммерческого, образовательного и управленческого профиля различной численности (от 20 до 5000 сотрудников), например, Ассоциация дополнительного профессионального об-

разования «Русская Школа Управления», ООО «НПФ XXI век», ООО «Лука». Сбор материала проводился в рамках корпоративных образовательных программ, программ повышения квалификации руководителей, управленческих тренингов, групповых консультационно-аналитических сессий и обсуждений, связанных с организационным развитием. В поле наблюдения входили ситуации коллективного обсуждения управленческих решений, анализа организационных конфликтов, распределения ответственности, а также предоставления обратной связи между руководителями и сотрудниками. Особое внимание уделялось эпизодам, в которых проблемное содержание присутствовало в совместной деятельности участников, однако не получало прямого речевого оформления в легитимных жанрах организационной коммуникации. К таким эпизодам относились перенос обсуждения на неопределённое время, замена конфликтных номинаций нейтральными управленческими формулами, оформление несогласия как *«различия позиций»* или *«вопроса для дальнейшей координации»*, использование безагентных конструкций и ритуального согласия при отсутствии содержательной аргументации. Указанные материалы в настоящей статье не рассматриваются как статистически репрезентативная выборка: их значение состоит в выявлении повторяющихся дискурсивных паттернов, проявившихся в различных организационных контекстах. Ведение систематического рефлексивного дневника исследователем позволило фиксировать реакции на зоны неартикулируемого и сопоставлять их с наблюдаемыми коммуникативными особенностями. Записи в дневнике использовались как вспомогательный инструмент проверки интерпретаций. В связи с этим темпоральное отложение, эвфемизация, номинализация и интериоризация дискурсивных ограничений рассматриваются как аналитически выделенные механизмы, требующие

дальнейшей эмпирической проверки на расширенном корпусе организационных коммуникаций. Такой подход позволил выявить устойчивые типы коммуникативных сбоев, не фиксируемые стандартными методами корпусного или анкетного анализа. Особое внимание уделялось коммуникативным эпизодам сбоев в ожидаемых сценариях взаимодействия, а также ситуациям, в которых проблемы организации систематически оставались невыраженными. Подчеркнём, что в данной статье включённое наблюдение не используется для иллюстрации эмпирических кейсов и не служит источником репрезентативных данных: его функция ограничена уровнем предварительного аналитического различения и типологизации феномена структурного молчания. Эмпирическая верификация предложенной модели и демонстрация её работы на конкретных коммуникативных эпизодах составляют задачу последующих исследований.

В качестве базовой единицы анализа выступал коммуникативный эпизод, понимаемый как целостное событие взаимодействия, организованное вокруг определённой коммуникативной интенции.

Коммуникативный эпизод включает следующие компоненты:

- 1) вербально артикулированное содержание;
- 2) экстралингвистический контекст взаимодействия;
- 3) ожидаемые, но не реализованные элементы высказывания;
- 4) прагматические эффекты и реакции участников.

Анализ эпизода в его целостности позволяет выявлять устойчивые разрывы между интенцией и интерпретацией, в которых проявлялись структурные формы молчания.

Результаты исследования

Анализ организационного муноса предполагает переход от его теоретиче-

ского определения к рассмотрению конкретных дискурсивных механизмов, посредством которых зоны неартикулируемого поддерживаются и воспроизводятся в повседневной коммуникации. Мунос не функционирует как фиксированный запрет; он реализуется через повторяющиеся речевые и организационные практики, структурирующие доступ к артикуляции. Нами выявлены следующие ключевые механизмы, обеспечивающие трансформацию ситуативного молчания в устойчивое структурное свойство дискурсивной системы организации.

Темпоральное отложение как механизм блокировки артикуляции

Одним из базовых механизмов воспроизводства организационного муноса является дискурсивное темпоральное смещение. В отличие от прямых форм запрета, темпоральное отложение маскирует невозможность артикуляции под тактическую неуместность обсуждения. Формулы типа *«не сейчас»*, *«вернёмся позже»*, *«обсудим на отдельной встрече»* не отменяют значимость темы, но лишают её статуса актуального события.

С точки зрения интенционального анализа подобные конструкции позволяют формально сохранить кооперативность взаимодействия, одновременно блокируя реализацию коммуникативной интенции. Проблематика переводится из режима настоящего в неопределённое будущее, где она утрачивает статус предмета дискурсивного действия. Повторяемость подобных смещений формирует устойчивую модель, в рамках которой определённые темы оказываются хронически «несвоевременными» и постепенно вытесняются в зону неартикулируемого.

Темпоральное отложение выполняет функцию дискурсивного фильтра: тема не запрещается, но систематически лишается возможности быть включённой в семиозис, в результате чего коммуникативная интенция субъекта разрушается на этапе реализации и соответствующие смыслы консолидируются в зоне муноса.

Регламентация повестки, очерёдности высказываний и длительности обсуждений выступает формой контроля над доступом к артикуляции, определяя, какие темы получают право на обсуждение, а какие систематически маргинализируются.

Анализ коммуникативных эпизодов показывает, что размещение проблемных вопросов в конце повестки или в неструктурированных разделах типа *«разное»* существенно снижает вероятность их предметного рассмотрения. В условиях кризисов или организационных изменений контроль над временем приобретает особое значение. Задержка официальной номинации проблемных событий формирует дискурсивный вакуум, в котором участники осознают наличие проблемы, но лишены возможности её легитимного обсуждения.

Работа механизмов организационного муноса может быть показана на типовом коммуникативном эпизоде, возникающем после внезапного увольнения значимого сотрудника или руководителя проекта. Событие известно всему коллективу и очевидно влияет на распределение работы, ожидания команды и интерпретацию происходящего. Однако на общем собрании само увольнение не становится предметом обсуждения. В повестке появляются вопросы *«перераспределения задач»*, *«уточнения зон ответственности»*, *«сохранения темпа работы»*, *«актуализации проектного плана»*, но отсутствует прямая номинация события и его причин. Участники говорят о сроках, нагрузке, новых согласованиях, технических изменениях в процессе, обходя центральный факт, который структурирует всю ситуацию. Реплики строятся в нейтрально-административном регистре: *«давайте зафиксируем, кто теперь ведёт направление»*, *«важно не потерять динамику»*, *«нужно спокойно пройти переходный период»*, *«по персональным вопросам отдельно»*. В подобных формулировках увольнение не отрицается, но и не получает статуса легитимного предмета

коллективного анализа. Эвфемизация переводит его в «*переходный период*», безагентные конструкции устраняют субъект решения, а темпоральное смещение переносит возможное обсуждение в неопределённое «отдельно / в частном порядке». В результате значимое организационное событие присутствует в опыте группы, влияет на поведение участников, но не оформляется как высказываемый предмет коммуникации. Именно это позволяет отличить организационный мунос от ситуативного умолчания: речь идёт не о разовом отказе говорить, а о такой конфигурации дискурса, при которой центральное событие учитывается участниками, но не получает допустимой формы коллективного названия [20].

Эвфемизация и номинализация как семиотические фильтры

Вторым ключевым механизмом воспроизводства муноса является специфическая лексико-семантическая организация управленческого дискурса, основанная на эвфемизации и абстрагировании. Речь идёт о систематическом замещении прямых номинаций смещёнными, размывающими агентность и причинно-следственные связи.

Замена глагольных конструкций, указывающих на субъект действия, отглагольными существительными или абстрактными формулами приводит к устранению ответственности из содержания высказывания. Так, высказывание «руководство приняло решение сократить сотрудников» трансформируется в обезличенную формулу «произошла оптимизация численности персонала»; фраза «мы задержали выплату гонораров» заменяется формулой «возникла временная задержка выплат»; сообщение «руководитель изменил условия проекта» оформляется как «произошла корректировка параметров проекта». В результате события перестают интерпретироваться как результат конкретных решений или ошибок и переводятся в разряд обезличенных процессов.

В условиях, когда в организационном языке отсутствуют легитимные номинации для обозначения управленческих просчётов, конфликтов или провалов, соответствующие аспекты реальности оказываются невыраженными. Мунос в данном случае поддерживается через системную вербальную стерилизацию проблемного содержания, маскируемую под нормы «корпоративной этики» или «конструктивного взаимодействия». Так, открытый конфликт между подразделениями может описываться как «различия профессиональных позиций», управленческая ошибка – как «ценный опыт для дальнейшего развития», а системный сбой проекта – как «зона роста и возможность оптимизации процессов». В результате проблемные явления получают языковое оформление, которое нейтрализует их критический смысл и препятствует их обсуждению как предмета ответственности.

Интериоризация муноса и габитуализация молчания

Наиболее устойчивая форма организационного муноса формируется в результате интериоризации внешних дискурсивных ограничений участниками коммуникации. В логике теории габитуса это означает переход от внешнего принуждения к дорефлексивному воспроизводству молчания, что воплощается через отказ от прямых номинаций проблемных ситуаций; переход к неопределённо-личным и безагентным конструкциям; использование эвфемистических клише; воспроизводство жанров «обтекающего согласия» и «формальной поддержки» при отсутствии содержательной аргументации. Например, на совещании участники могут ограничиваться репликами типа «в целом направление работы понятно, будем двигаться дальше», избегая обсуждения выявленных проблем проекта; в письменных согласованиях критические замечания заменяются формулами «предложение в целом поддерживается, возможна дальнейшая доработка», не уточняющими содержание возражений; в

отчётных документах конфликтные ситуации описываются как *«отдельные рабочие вопросы, требующие дополнительной координации»*, что позволяет зафиксировать наличие сложностей, не переводя их в плоскость анализа причин.

На начальных этапах нарушение границ муноса может сопровождаться санкциями, включая игнорирование, символическую дисквалификацию или исключение из значимых коммуникаций. В дальнейшем это приводит к формированию самоцензуры, при которой коммуникативные интенции редактируются ещё до попытки артикуляции. Со временем данные ограничения утрачивают статус внешнего давления и воспринимаются как элементы «практического смысла». Мунос поддерживается не только страхом санкций, но и интерпретациями лояльности и заботы о коллективе.

Императив позитивности как источник муноса

Одним из ключевых факторов формирования организационного муноса в современных организациях выступает императив позитивности. Требование «конструктивного», «поддерживающего» и «ориентированного на возможности» организации дискурса функционирует не только как этическая норма, но и как регулятивный принцип. Императив позитивности не запрещает проблематизацию напрямую; он дисквалифицирует определённые формы высказывания как «неконструктивные», «негативные» или «демотивирующие». В результате критика, сомнение, тревога вытесняются за пределы легитимного языка. Мунос в этом случае формируется не вокруг конкретных тем, а вокруг эмоциональных регистров: организация утрачивает язык для выражения негативного аффекта, сохраняя лишь его телесные и поведенческие проявления. Позитивность функционирует как семиотический фильтр, производящий зоны структурной невыразимости и усиливающий разрыв между переживаемым опытом и доступными

средствами его символизации. При отсутствии легитимных форм артикуляции вытесненные смыслы не исчезают, а переходят в аффективное измерение.

Гистерезис габитуса и коммуникативные сбои

Связь между аффективными сбоями и устойчивостью организационного муноса проясняется через понятие гистерезиса габитуса. Гистерезис описывает ситуацию рассогласования между изменившимися условиями и инкорпорированными диспозициями, которые продолжают воспроизводиться по инерции посредством сохраняющихся языковых и жанровых моделей описания ситуации. Даже при формальном расширении дискурсивных возможностей (декларации открытости, психологической безопасности, «культуры обратной связи») габитус сотрудников может оставаться настроенным на молчание. Попытка артикуляции в таких условиях сопровождается внутренним напряжением, неуверенностью и аффективными сбоями, поскольку старые схемы восприятия ещё действуют, а новые не интериоризированы.

Коммуникативные сбои, возникающие в этот момент, проявляются в виде несоразмерных эмоциональных реакций, взаимного непонимания и ощущения «разрушенного диалога», которые не являются следствием индивидуальной некомпетентности, но указывают на структурное рассогласование между дискурсом и габитусом, в котором организационный мунос продолжает функционировать, несмотря на попытки его декларируемого снятия.

Мунос как источник организационной дезорганизации

На определённом этапе организационный мунос перестаёт выполнять стабилизирующую функцию и начинает работать как фактор дезорганизации: накопление неартикулированного приводит к росту напряжённости в организации, снижению доверия к участникам коммуникации и её фрагментации. Ор-

ганизация наполняется невыраженными смыслами, которые не интегрируются в общий семиотический порядок. Мунос здесь выступает как источник латентной нестабильности, разрушающий организационную целостность изнутри.

Сбои позволяют рассматривать организационный мунос и как механизм символической регуляции, и как индикатор предела этой регуляции: организация сталкивается с дезорганизующими эффектами, сигнализирующими о необходимости переструктурирования её экосистемы. Дискурсивные ограничения усваиваются участниками в процессе повседневной коммуникации и реализуются на практике. Постоянный внешний контроль поддерживает зоны организационного муноса. Одновременно через механизм саморегуляции определённые высказывания исключаются как «немыслимые» ещё до стадии артикуляции. Всё вместе даёт устойчивость в условиях формальных изменений и смены управленческих ролей.

Обсуждение результатов

В настоящей статье излагаются результаты проведённого нами теоретико-аналитического анализа молчания в организационном дискурсе, предлагается переосмыслить феномен молчания и предложить оригинальную интерпретацию, выходящую за пределы распространённых поведенческих и мотивационных моделей. Введение категории организационного муноса как институционализированной зоны невыразимого смещает фокус анализа с индивидуальных актов молчания на структурные свойства коммуникативной системы организации.

Результаты анализа показывают, что в ряде случаев молчание не является ни выбором, ни стратегией, ни реакцией на риск, а выступает следствием дискурсивной недостаточности системы. Мунос описывает ситуации, в которых определённые фрагменты опыта не могут быть артикулированы, поскольку в семиосфере организации отсутствуют легитимные

коды, жанры и номинации для их выражения. Молчание предстаёт не как «отсутствие голоса», а как структурная немота, встроенная в саму архитектуру дискурса. Это позволяет объяснить, почему формальное наличие каналов обратной связи или деклараций «психологической безопасности» не приводит к появлению критики: проблема заключается не в мотивации субъекта, а в границах выразимости, заданных системой.

Интерпретация молчания через категорию муноса позволяет интегрировать в анализ организационного дискурса теорию символической власти, где устойчивость зон невыразимого обеспечивается интериоризацией дискурсивных ограничений в габитус сотрудников. Мунос функционирует как дорефлексивный порядок, границы допустимой артикуляции воспринимаются как самоочевидные и не подлежащие обсуждению. В логике символической власти мунос выступает формой структурного насилия, при котором доминирование осуществляется через контроль над самими условиями возможности высказывания. Сотрудники воспроизводят зоны в силу инкорпорированных схем восприятия, делающих высказывания немыслимыми. Таким образом, мунос представляет собой зону напряжённости, в которой сосредотачиваются противоречия между официальным языком организации и практическим опытом её участников.

Категория муноса: границы применимости

Следует обозначить, по отношению к каким организациям и для каких целей вводится предложенная нами категория организационного муноса.

Во-первых, она ориентирована на анализ дискурса больших организаций с выраженной иерархией. В малых, слабо институционализированных коллективах зоны невыразимого могут носить ситуативный, а не структурный характер.

Во-вторых, мунос как аналитическая категория плохо поддаётся прямой коли-

качественной оценке, его выявление требует качественных методов, что ограничивает возможности масштабных сравнительных исследований.

В-третьих, понятие муноса не подменяет психологические модели аффекта и стресса, а описывает иной уровень анализа. Аффективные реакции интерпретируются как симптом структурной невыразимости, возникающей на уровне дискурса организации.

Несмотря на эти ограничения, введение категории организационного муноса расширяет аналитические возможности исследований организационной коммуникации, позволяя рассматривать молчание как фундаментальный элемент дискурсивного порядка, определяющий границы мыслимого и говоримого в организации.

Заключение

Проведённое теоретико-аналитическое исследование позволяет утверждать, что феномен молчания в организациях не исчерпывается категориями индивидуального выбора и мотивации, на которых основаны доминирующие модели *organizational silence* и *employee silence*. Введение категории «организационный мунос» (неологизм одного из авторов статьи) смещает эпистемологический фокус с поведенческих реакций субъекта на глубинные семиотические и дискурсивные структуры, определяющие условия возможности высказывания в организационном пространстве. Ключевым результатом работы является концептуализация организационного муноса как структурного свойства семиосферы организации, обладающего онтологическим статусом и выполняющего функцию воспроизводства дискурсивных ограничений. С опорой на семиотику культуры

Ю. М. Лотмана, теорию практик П. Бурдьё, семиосоциопсихологический подход к текстовой деятельности Т. М. Дридзе, организационный мунос определяется как институционализированная зона неартикулируемого, находящаяся за пределами легитимных дискурсивных кодов организации. В отличие от ситуативного молчания, интерпретируемого в лингвистике как коммуникативный акт или «нулевой знак», организационный мунос представляет собой состояние дискурсивной немоты, при котором формирование речевой интенции оказывается структурно заблокированным. Показано, что функционирование муноса связано с поддержанием онтологической безопасности системы, где потенциально дестабилизирующие смыслы отсекаются на уровне семиотических фильтров и маркируются как «шум», «несущественное» или «не-текст».

Воспроизводство этих зон обеспечивается работой габитуса – интериоризированных схем восприятия и действия, в рамках которых границы допустимой вербализации воспринимаются как самоочевидные и не подлежащие рефлексии.

Понятие муноса позволяет включить в предметное поле дисциплины анализ лакун, «минус-текстов» и структурных провалов в профессиональном сознании, оказывающих прямое влияние на организацию совместной деятельности.

В целом, переход от категории *silence* к категории *муноса* фиксирует сдвиг от психологии поведения к психолингвистике структур. Он позволяет рассматривать организационное молчание как фундаментальное условие существования дискурсивного порядка, определяющее границы мыслимого и высказываемого коллективным субъектом деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brinsfield C. T. Employee silence motives: Investigation of dimensionality and development of measures // *Journal of Organizational Behavior*. 2013. Vol. 34. Iss. 5. P. 671–697. DOI: 10.1002/job.1829.
2. Pinder C. C., Harlos K. P. Employee silence: Quiescence and acquiescence as responses to perceived injustice // *Research in Personnel and Human Resources Management*. Vol. 20 / ed. G. R. Ferris. UK:

- Emerald Group Publishing Limited, 2001. P. 331–369. DOI: 10.1016/S0742-7301(01)20007-3.
3. Van Dyne L., Ang S., Botero I. C. Conceptualizing employee silence and employee voice as multidimensional constructs // *Journal of Management Studies*. 2003. Vol. 40. No. 6. P. 1359–1392. DOI: 10.1111/1467-6486.00384.
 4. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power* / ed. by J. B. Thompson. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991. 302 p.
 5. Лотман Ю. М. *Семиосфера*. СПб.: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
 6. Дейк Т. А. ван. Дискурс и доминирование // *Современный дискурс-анализ*. 2009. № 1. С. 7–30.
 7. Morrison E. W., Milliken F. J. Organizational silence: A barrier to change and development in a pluralistic world // *Academy of Management Review*. 2000. Vol. 25. No. 4. P. 706–725. DOI: 10.2307/259200.
 8. An integrative systematic review of employee silence and voice in healthcare: What are we really measuring? / O. Lainidi, M. Kheddache Jendeby, A. Montgomery, Ch. Mouratidis, K. Paitaridou et al. // *Frontiers in Psychiatry*. 2023. Vol. 14. Article no. 1174542. DOI: 10.3389/fpsyt.2023.1111579.
 9. Sherf E. N., Parke M. R., Isaakyan S. Distinguishing voice and silence at work: Unique relationships with perceived impact, psychological safety, and burnout // *Academy of Management Journal*. 2021. Vol. 64. No. 1. P. 114–148. DOI: 10.5465/AMJ.2018.1428.
 10. Detert J. R., Edmondson A. C. Implicit voice theories: Taken-for-granted rules of self-censorship at work // *Academy of Management Journal*. 2011. Vol. 54. No. 3. P. 461–488. DOI: 10.5465/amj.2011.61967925.
 11. Edmondson A. C., Besieux T. Reflections: Voice and silence in workplace conversations // *Journal of Change Management*. 2021. Vol. 21. No. 3. P. 269–286.
 12. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // *Логический анализ языка: Язык речевых действий* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Языки русской культуры, 1994. С. 106–117.
 13. Ephratt M. The functions of silence // *Journal of Pragmatics*. 2008. Vol. 40. Iss. 11. P. 1909–1938. DOI: 10.1016/j.pragma.2008.03.009.
 14. Jaworski A. *The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives*. Newbury Park: SAGE, 1993. 194 p.
 15. Kurzon D. Towards a typology of silence // *Journal of Pragmatics*. 2007. Vol. 39. Iss. 10. P. 1673–1688. DOI: 10.1016/j.pragma.2007.07.003.
 16. Employee silence in an organizational context: A review and research agenda / L. L. Dehkharghani, J. Paul, Y. Maharati, J. Menzies // *European Management Journal*. 2023. Vol. 41. Iss. 6. P. 1072–1085. DOI: 10.1016/j.emj.2022.12.004.
 17. Щербак Н. Ф., Потенко В. И. Лингвистические и психолингвистические аспекты молчания: коммуникативная модель (Linguistic and Psycholinguistic Aspects of Silence: A Structural Model of Communication) // *Дискурс*. 2021. Т. 7. № 3. С. 20–35.
 18. Vu M. C., Fan Z. Sounds of Silence: The Reflexivity, Self-decentralization, and Transformation Dimensions of Silence at Work // *Journal of Management Inquiry*. 2022. Vol. 31. Iss. 3. P. 307–325. DOI: 10.1177/10564926211007942.
 19. When is silence golden? A meta-analysis on antecedents and outcomes of employee silence / L. Hao, H. Zhu, Y. He et al. // *Journal of Business and Psychology*. 2022. Vol. 37. No. 5. P. 1039–1063. DOI: 10.1007/s10869-021-09788-7.
 20. Дридзе Т. М. *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: проблемы семиосоциопсихологии*. М.: Наука, 1984. 268 с.
 21. Fairclough N. *Peripheral Vision: Discourse Analysis in Organization Studies: The Case for Critical Realism* // *Organization Studies*. 2005. Vol. 26. Iss. 6. P. 915–939. DOI: 10.1177/0170840605054610.

REFERENCES

1. Brinsfield, C. T. (2013). Employee silence motives: Investigation of dimensionality and development of measures. In: *Journal of Organizational Behavior*, 34 (5), 671–697. DOI: 10.1002/job.1829.
2. Pinder, C. C. & Harlos, K. P. (2001). Employee silence: Quiescence and acquiescence as responses to perceived injustice. In: Ferris, G. R. (ed.). *Research in Personnel and Human Resources Management*. Vol. 20. UK: Emerald Group Publishing Limited, pp. 331–369. DOI: 10.1016/S0742-7301(01)20007-3.
3. Van Dyne, L., Ang, S. & Botero, I. C. (2003). Conceptualizing employee silence and employee voice as multidimensional constructs. In: *Journal of Management Studies*, 40 (6), 1359–1392. DOI: 10.1111/1467-6486.00384.
4. Bourdieu, P. (1991). *Language and Symbolic Power*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

5. Lotman, Yu. M. (2000). *Semiosphere*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB publ. (in Russ.).
6. Van Dijk, T. A. (2009). Discourse and Domination. In: *Modern Discourse Analysis*, 1, 7–30 (in Russ.).
7. Morrison, E. W. & Milliken, F. J. (2000). Organizational silence: A barrier to change and development in a pluralistic world. In: *Academy of Management Review*, 25 (4), 706–725. DOI: 10.2307/259200.
8. Lainidi, O., Kheddache Jendeb, M., Montgomery, A., Mouratidis, Ch. & Paitaridou, K. et al. (2023). An integrative systematic review of employee silence and voice in healthcare: What are we really measuring? In: *Frontiers in Psychiatry*, 14, 1174542. DOI: 10.3389/fpsyt.2023.1111579.
9. Sherf, E. N., Parke, M. R. & Isaakyan, S. (2021). Distinguishing voice and silence at work: Unique relationships with perceived impact, psychological safety, and burnout. In: *Academy of Management Journal*, 64 (1), 114–148. DOI: 10.5465/AMJ.2018.1428.
10. Detert, J. R. & Edmondson, A. C. (2011). Implicit voice theories: Taken-for-granted rules of self-censorship at work. In: *Academy of Management Journal*, 54 (3), 461–488. DOI: 10.5465/amj.2011.61967925.
11. Edmondson, A. C. & Besieux, T. (2021). Reflections: Voice and silence in workplace conversations. In: *Journal of Change Management*, 21 (3), 269–286.
12. Arutyunova, N. D. (1994). Words of Silence: Extension and Distribution. In: Arutyunova, N. D. (ed.). *Logical Analysis of Language. The Language of Speech Acts*. Moscow: Yazyki russkoy kultury publ., pp. 106–117 (in Russ.).
13. Ephratt, M. (2008). The functions of silence. In: *Journal of Pragmatics*, 40 (11), 1909–1938. DOI: 10.1016/j.pragma.2008.03.009.
14. Jaworski, A. (1993). *The Power of Silence: Social and Pragmatic Perspectives*. Newbury Park: SAGE.
15. Kurzon, D. (2007). Towards a typology of silence. In: *Journal of Pragmatics*, 39 (10), 1673–1688. DOI: 10.1016/j.pragma.2007.07.003.
16. Dehkharghani, L. L., Paul, J., Maharati, Y. & Menzies, J. (2023). Employee silence in an organizational context: A review and research agenda. In: *European Management Journal*, 41 (6), 1072–1085. DOI: 10.1016/j.emj.2022.12.004.
17. Shcherbak, N. F. & Potienko, V. I. (2021). Linguistic and Psycholinguistic Aspects of Silence: a Structural Model of Communication. In: *DISCOURSE*, 7 (3), 20–35.
18. Vu, M. C. & Fan, Z. (2022). Sounds of Silence: The Reflexivity, Self-decentralization, and Transformation Dimensions of Silence at Work. In: *Journal of Management Inquiry*, 31 (3), 307–325. DOI: 10.1177/10564926211007942.
19. Hao, L., Zhu, H. & He, Y. et al. (2022). When is silence golden? A meta-analysis on antecedents and outcomes of employee silence. In: *Journal of Business and Psychology*, 37 (5), 1039–1063. DOI: 10.1007/s10869-021-09788-7.
20. Dridze, T. M. (1984). *Text activity in the structure of social communication: problems of semiosociopsychology*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
21. Fairclough, N. (2005). Peripheral Vision: Discourse Analysis in Organization Studies: The Case for Critical Realism. In: *Organization Studies*, 26 (6), 915–939. DOI: 10.1177/0170840605054610.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Валуи́цева Ирина Ивановна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения; <https://orcid.org/0000-0002-5935-7595>; e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Ефре́мова Елизавета Валериевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, руководитель АНО «Научно-исследовательский институт организационной психологии и психолингвистики «Устроение»; <https://orcid.org/0009-0008-7761-5309>; e-mail: info@ustroenie.org

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina I. Valuytseva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Language Theory, English Studies and Applied Linguistics, Federal State University of Education; <https://orcid.org/0000-0002-5935-7595>; e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Elizaveta V. Efremova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Head, Research Institute of Organizational Psychology and Psycholinguistics “Ustroenie”; <https://orcid.org/0009-0008-7761-5309>; e-mail: info@ustroenie.org

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-20-31

ПАРЕМИИ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ ХРОНОНИМОВ ЛИЧУНЬ, ЦИНМИН И ДУНЧЖИ)

Гао М., Ломакина О. В.*

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: rusoturisto07@mail.ru

Поступила в редакцию 16.12.2025

После доработки 25.12.2025

Принята к публикации 16.01.2026

Аннотация

Цель. В статье рассматриваются китайские паремии с компонентами-хрононимами в лингвокультурологическом и лингвоаксиологическом аспектах. Цель исследования состоит в выявлении специфики репрезентации хрононимов Личунь (начало весны), Цинмин (ясные дни) и Дунчжи (зимнее солнцестояние), функционирующих на пересечении природно-календарных точек сезона и народных праздников, а также в определении ключевых ценностных доминант, закреплённых в паремиях.

Процедура и методы. Материалом исследования послужила авторская картотека, включающая около 3000 паремийных единиц, отобранных приёмом сплошной выборки из «Сборника сельскохозяйственных пословиц о «двадцати четырёх сезонах»». Применены лингвокультурологический, семантический и интерпретационный методы анализа, позволившие рассмотреть паремии с прогностической функцией как культурные тексты-приметы и выявить этнолингвомаркеры праздничных традиций.

Результаты. Исследование показало, что паремии о сезонах-праздниках Личунь, Цинмин и Дунчжи обладают двойственной природой: они фиксируют метеорологический и сельскохозяйственный опыт, одновременно транслируя культурные смыслы. Данные праздники закрепились в языке благодаря высокой фольклорной насыщенности по сравнению с другими хрононимами системы «двадцать четыре сезона». Установлено, что обрядовые практики («бичевание весеннего быка», весенние прогулки, поминовение предков, употребление сезонных блюд) функционируют как устойчивые этнолингвомаркеры культурной памяти. Гастрономические символы (весенние блины, зелёные рисовые цинтуань, пельмени) проявляют аксиологический синкретизм, соединяя идеи физического благополучия, ритуальной чистоты и почитания традиций.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование расширяет представления о китайской паремиологической системе как носителе лингвокультурной информации и уточняет роль хрононимов-праздников в формировании этнокультурных смыслов. Собранный картотека и полученные выводы могут быть использованы в дальнейших трудах по лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, а также в практике преподавания китайского языка как иностранного.

Ключевые слова: двадцать четыре сезона, лингвокультурология, лингвоаксиология, паремия, традиционный праздник, хрононим, этнолингвомаркер

Для цитирования:

Гао М., Ломакина О. В. Паремии тематической группы «двадцать четыре сезона» в китайском языке: лингвокультурологический анализ (на материале хрононимов Личунь, Цинмин и Дунчжи) // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 20–31. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-20-31>

Original research article

PAREMIAS WITHIN THE “TWENTY-FOUR SOLAR TERMS” THEMATIC GROUP IN CHINESE: A LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE CHRONONYMS LICHUN, QINGMING, AND DONGZHI

M. Gao , O. Lomakina*

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

** Corresponding author, e-mail: rusoturisto07@mail.ru*

Received by the editorial office 16.12.2025

Revised by the author 25.12.2025

Accepted for publication 16.01.2026

Abstract

Aim. This article examines Chinese paremias containing chrononym components through the lenses of linguoculturology and linguoaxiology. This study aims to analyze the representation of the chrononyms Lichun (beginning of spring), Qingming (clear days), and Dongzhi (winter solstice), which operate at the intersection of seasonal solar points and traditional festivals, and to identify the key value dominants embedded within these paremias.

Methodology. The research material is based on an original database comprising approximately 3,000 units of paremia, selected via the continuous sampling method from *the Collection of Agricultural Proverbs on the Twenty-Four Solar Terms*. Linguoculturological, semantic, and interpretative methods of analysis were employed, allowing for the examination of paremias as cultural omen-texts with predictive functions and the identification of ethnolinguistic markers within festive traditions.

Results. The study demonstrates that paremias concerning the festival-seasons of Lichun, Qingming, and Dongzhi possess a dual nature: they record meteorological and agricultural experience while simultaneously transmitting cultural meanings. These festivals became entrenched in the language due to their high folkloric density compared to other chrononyms in the twenty-four-season cycle. It was established that ritual practices (flogging the spring bull, spring outings, ancestor veneration, and the consumption of seasonal dishes) function as stable ethnolinguistic markers of cultural memory. Gastronomic symbols (spring pancakes, green glutinous rice ball *qingtuan*, dumplings) exhibit axiological syncretism, bridging ideas of physical well-being, ritual purity, and the honoring of traditions.

Research implications. This research expands the understanding of the Chinese paremiological system as a carrier of linguocultural information and clarifies the role of festival-chrononyms in the formation of ethnocultural meanings. The compiled database and the findings obtained can be utilized in further studies on linguoculturology and intercultural communication, as well as in the practice of teaching Chinese as a foreign language.

Keywords: twenty-four solar terms, linguoculturology, linguoaxiology, paremia, traditional festival, chrononym, ethnolinguomarker

For citation:

Gao, M. & Lomakina, O. V. (2026). Paremiias within the “twenty-four solar terms” thematic group in Chinese: a linguoculturological analysis of the chrononyms Lichun, Qingming, and Dongzhi. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 20–31. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-20-31>

Введение

Традиционные праздники представляют собой концентрированное выражение исторического и культурного опыта народа, отражая основные стороны общественной жизни и являясь важным источником для изучения национальной культуры. В китайской традиции, наряду с широко известными праздниками (Праздник весны, Праздник середины осени, Праздник драконьих лодок), особое значение имеют праздники, связанные с системой «двадцать четыре сезона».

Система «двадцать четыре сезона» сформировалась в древнем Китае на основе наблюдений за астрономическими и климатическими изменениями и стала фундаментом традиционного сельскохозяйственного календаря [1]. Она фиксирует годовой цикл природных явлений и отражает практический опыт земледельческой цивилизации, становясь ориентиром для хозяйственной и бытовой деятельности. В современную эпоху эта система признана нематериальным культурным наследием человечества¹, что подчёркивает её универсальную культурную ценность.

Праздник как неотъемлемая часть любой культуры на протяжении времени привлекает внимание исследователей лингвистики [2; 3]. Паремии аккумулируют коллективный опыт и культурную память, выступая важнейшим источником изучения национальной специфики².

¹ The Twenty-Four Solar Terms, knowledge in China of time and practices developed through observation of the sun's annual motion [Электронный ресурс] // UNESCO Intangible Cultural Heritage: [сайт]. URL: <https://clck.ru/3UFQWF> (дата обращения: 18.11.2025).

² Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Петрушевская Ю. А. Национальная специфичность пословичного фон-

Лингвокультурологические особенности паремий с компонентами-хрононимами в контексте традиционных русских праздников получили освещение [4], в связи с чем обращение к китайским паремиям с компонентами-хрононимами в рамках паремиологического подхода представляется перспективным. Особый интерес в китайской традиции вызывает данный малый фольклорный жанр, охватывающий многообразие тем – от сельскохозяйственных циклов до гастрономических традиций, он широко распространён и отражает особенности народного мировоззрения. Несмотря на значительное число работ, посвящённых календарю³ или отдельным праздникам (в частности, празднику Цинмин) [1; 5; 6], систематические исследования отражения праздников в паремиологическом аспекте остаются недостаточными, особенно паремий с компонентом-хрононимом. В связи с этим актуальным является изучение паремий, связанных с праздниками системы «двадцать четыре сезона», в китайской лингвокультуре.

Материалы и методы исследования

Данное исследование опирается на методологические положения, рассматривающие паремиологию как развивающееся направление лингвистики со

да: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035.

³ Китайцы // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Новый год / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, М. В. Крюков. М.: Наука, 1985. С. 11–78.

своими объектом и задачами¹. В рамках данного подхода китайская паремиологическая система понимается как часть мирового лингвокультурного континуума².

Приоритетным вектором современной паремиологии при описании различных национальных фондов становится выявление национально-специфического компонента и экспликация ценностных доминант народа [7; 8]. Эти задачи реализуются через *этнолингвомаркеры* (термин О. В. Ломакиной), которые фиксируют национальное своеобразие и культурную память народа³. Особую перспективу в данном контексте представляет изучение паремий с компонентами-названиями праздников, поскольку праздники имеют национальное преломление в репертуаре и традициях празднования и отражают систему ценностей народа [2; 4].

В китайской традиции паремии с компонентами-хрононимами, сформировавшиеся на основе наблюдений за природой и хозяйственной практикой, аккумулируют богатую народную мудрость. Значительную часть из них составляют прогностические тексты, содержащие предсказания будущих погодных условий или видов на урожай. По мнению О. В. Ломакиной, народные приметы следует рассматривать как культурные тексты, которые эксплицитно или имплицитно транслируют информацию о традициях и обычаях народа новым поколениям [9].

В данной работе паремии, связанные с сезонами, рассматриваются как устойчивые речевые структуры, функционирующие по прогностической формуле

«условие – результат» (напр., 时令不正常, 旱涝都要防 ‘Если погода в сезон не соответствует норме, следует опасаться как засухи, так и наводнения’⁴). Таким образом, паремии с прогностическим значением интерпретируются нами как тексты-приметы, возникшие в результате многовекового наблюдения народа за окружающим миром.

Культурные смыслы системы «двадцать четыре сезона» объективированы в паремиологическом фонде языка, демонстрирующем высокую устойчивость структуры и содержания. С учётом региональных и диалектных вариаций общее число таких паремий достигает около 18000⁵, из которых после устранения повторов около 3000 наиболее известных остаются активно функционирующими в современной речи.

По тематическому принципу паремии подразделяются на метеорологические, производственные и бытовые. Предварительный анализ показывает, что производственные паремии доминируют в периоды активных полевых работ (поздняя весна, лето, осень), тогда как бытовые преобладают зимой и ранней весной, когда внимание смещается на домашний уклад и традиции. Метеорологические паремии функционируют в течение всего года. Бытовые паремии содержат упоминания пищи, ритуалов, обрядов, выступающих этнолингвомаркерами культурной памяти. В связи с этим можно утверждать, что ряд сезонов обладает выраженной коннотацией праздничной культуры.

Цель исследования – выявить лингвокультурные особенности паремий, связанных с праздниками Личунь, Цинмин и Дунчжи, а также проанализировать их взаимосвязь как природных сезонных точек и как традиционных народных праздников.

¹ Паремиология без границ: монография / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

² Системный характер китайской паремиологии / Мэнлинь Гао, Л. Н. Гишкаева, О. В. Ломакина, Н. В. Новоспасская // Oriental Studies. 2025. Т. 18. № 5. С. 1147–1157. DOI: 10.22162/2619-0990-2025-81-5-1147-1157.

³ Ломакина О. В., Мокиенко В. М. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков // Русин. 2016. № 3 (45). С. 119–128. DOI: 10.17223/18572685/45/9.

⁴ Здесь и далее – буквальный перевод, выполненный Гао Мэнлинь.

⁵ См.: 隋斌, 王一民主编; 中国农业博物馆编. 二十四节气农谚大全[M]. 北京: 中国农业出版社, 2016.

Материалом исследования послужила авторская картотека, включающая около 3000 паремий с компонентами-хрононимами, полученная приемом сплошной выборки из авторитетного словаря «Сборник сельскохозяйственных пословиц на “двадцать четыре сезона”»¹. Основными методами исследования стали лингвокультурологический и семантический анализ, а также описательный, интерпретационный и сравнительный методы, что позволяет раскрыть лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал паремий.

Следует отметить, что в данном исследовании термин *паремия* используется как собирательный для обозначения различных фольклорных жанров², при этом в процессе анализа, исходя из поставленных целей, автор не проводит их жёсткой жанровой дифференциации. Вместе с тем в составе исследуемого материала условно выделяются: *паремии-приметы*, прогнозирующие метеорологические условия и урожайность; *паремии-предписания*, регламентирующие сельскохозяйственную деятельность; а также собственно *пословицы*, транслирующие народную мудрость и этические нормы. Использование единого термина обусловлено жанровым синкретизмом данных единиц в народном сознании, где наблюдения за природой, практические рекомендации и ценностные установки образуют неразрывный семантический комплекс.

Личунь, Цинмин и Дунджи как сезон и праздник: лингвокультурологический аспект

Прежде чем перейти к анализу конкретных паремий, следует разграничить категории сезона (кит. 节气, палл. *цзеци*), дня сезона (кит. 节气日, палл. *цзецижи*) и

праздника (кит. 节日, палл. *цзежи*), которые, будучи тесно переплетены в системе «двадцать четыре сезона», тем не менее обладают различной функциональной и культурной нагрузкой.

Сезон выступает как элемент природного цикла и является частью системы исчисления времени, основанной на годовом солнечном цикле³. День сезона – конкретная дата, фиксирующая переход от одного сезона к другому, момент трансформации природного цикла. Праздник же сопряжён со сложными ритуальными комплексами и формируется посредством торжественного проведения и особого значения некоторых обрядов⁴.

С историко-семантической точки зрения эволюция понятия *праздник* отражает процесс трансформации данного феномена из чисто временной категории в культурный институт [10]. Аналогичным образом в традиционной практике дни определённых сезонов в силу своей хронологической специфики постепенно наделялись символическим значением, что сопровождалось проведением соответствующих ритуалов и действий. С течением времени, благодаря накоплению ритуальных смыслов и культурного содержания, такие даты стали выделяться из общего временного ряда и эволюционировали в события с выраженными праздничными характеристиками. В данном исследовании в качестве объектов анализа выбраны три наиболее репрезентативных примера, занимающих особое место в календарной системе и обладающих яркими чертами праздника: Личунь, Цинмин и Дунджи.

Паремии о сезоне-празднике Личунь

Сезон Личунь (кит. 立春, «Начало весны») открывает цикл двадцати четырёх сезонов традиционного китайского

¹ 隋斌, 王一民主编; 中国农业博物馆编. 二十四节气农谚大全[M]. 北京: 中国农业出版社, 2016.

² См.: Паремология без границ: монография / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

³ См. 张勃, 郑艳著. 中国人的时间智慧 一本书读懂二十四节气[M]. 北京: 中国书籍出版社, 2021.

⁴ См. Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. М.: ФЛИНТА, 2011. 296 с.

календаря и обычно приходится на 3–5 февраля. В китайской культуре Личунь исторически воспринимается как символическое начало весны – время пробуждения природы, возобновления роста растений и постепенного потепления.

Климатические условия в этот период характеризуются неустойчивостью: наблюдается чередование периодов похолодания и потепления. Пословица — *立春, 地温升* ‘Как только наступает Личунь, температура земли повышается’ наглядно отражает общую тенденцию сезона. В то же время значительные суточные колебания температур могут приводить к резким похолоданиям, что зафиксировано в паремии: *立春动了风, 三月比正月冷的凶* ‘Если на Личунь подул ветер, то третий месяц будет гораздо холоднее первого’.

Являясь сигналом к началу сельскохозяйственного года, Личунь занимает центральное место в жизни земледельца. Пословица *一年之计在于春, 一日之际在于晨* ‘Весна – решающее время года, а утро – решающее время суток’ призывает к бережному отношению к времени и своевременной подготовке к севу. Высокая активность крестьян в этот период находит отражение в ярком образе паремии: *立春一到, 农人起跳* ‘Когда пришёл Личунь, пахарь в пляс пошёл’.

Народные приметы Личуня носят преимущественно прогностический характер. Например, примета *立春晴, 一春晴, 立春落雨到清明* ‘Если на Личунь ясно, и всей весне быть ясной, а если дождь пойдёт, до самого Цинмин лить будет’ подчёркивает важность погоды в этот день для всего сезона. Ясный день в Личунь традиционно связывается с надеждой на благополучие: *立春一日晴, 风调雨顺好年成* ‘Если в Личунь ясный день, быть году урожайным’ и *立春晴一日, 耕田不费力* ‘Если в Личунь будет ясно, то пахота поля пройдёт легко’.

Культурно-семантическое своеобразие Личунь как праздника проявляется в сложных ритуальных комплексах. Ещё в

эпоху Хань этот день закрепился в народном сознании как полноценный праздник – Личуньцзе (кит. 立春节). Одним из ключевых ритуалов праздника является «бичевание весеннего быка» (кит. 鞭春牛). Пословицы *春人饮春酒, 春官鞭春牛* ‘Люди пьют весеннее вино, а чиновник бичует весеннего быка’ и *摸摸春牛脚, 赚钱赚得着* ‘Прикоснёшься к ногам весеннего быка, достаток в доме будет’ отражают веру в то, что этот обряд стимулирует плодородие земли и сулит богатство.

С ритуалом «бичевания весны» (кит. 打春) связаны и предостережения о погоде: например, паремия *打春别欢喜, 还有四十天冷天气* ‘Рано радоваться удару весны, впереди ещё сорок дней холодов’. Кроме того, в некоторых регионах сохраняется обычай «избегания весны» (кит. 躲春), направленный на привлечение удачи, что отражено в суеверном запрете: *立春要躲春, 不在床上睡* ‘В Личунь нужно скрываться от весны, не должно в постели спать’.

Гастрономические традиции праздника также широко представлены в паремиологии через обычай «вгрызания в весну» (кит. 咬春). Употребление особых продуктов символизирует единение с природой: например, паремии *立春吃春饼* ‘В Личунь едят весенние блины’, *迎春饺子打春面* ‘Пельменями весну встречаем, лапшой удар весны отмечаем’. Также популярны пословицы о пользе сезонных овощей: *立春的萝卜, 立秋的瓜* ‘Дайкон в Личунь, дыня в Лицю’ и *打春吃瓜, 活到八十八* ‘Кто в Личунь ест тыкву, доживёт до восьмидесяти восьми лет’.

Таким образом, паремии о сезоне-празднике Личунь не только фиксируют метеорологические наблюдения, но и транслируют глубокие культурные смыслы, связанные с трудовой этикой, ритуальной чистотой и заботой о здоровье.

Паремии о сезоне-празднике Цинмин

Сезон Цинмин (кит. 清明, «Ясные дни») – пятый в цикле двадцати четырёх сезонов традиционного китайского ка-

лендаря, обычно приходящийся на 4–6 апреля. Этот период характеризуется установлением солнечной погоды и бурным ростом растительности. С приходом Цинмина окончательно отступают холода, о чём свидетельствует пословица: 清明断雪, 谷雨断霜 ‘В Цинмин снег прекращается, в Гуйю иней исчезает’. Тем не менее в северных регионах дыхание зимы ещё ощутимо, что отражено в паремии: 过了清明冷十天 ‘После Цинмина ещё десять дней холода терпеть’.

Цинмин совпадает с разгаром весенней пахоты, поэтому большая часть связанных с ним паремий посвящена земледелию. Народная мудрость отражается в ряду паремий: 清明前后, 种瓜种豆 ‘До и после Цинмина, время сажать бахчевые и бобы’ и 清明不撒种, 哪有五谷生 ‘Если в Цинмин не посеешь семян, откуда зерну взяться?’, которые напоминают о решающем значении этого периода для будущего урожая. Благоприятное влияние сезона распространяется не только на полеводство, но и на другие промыслы: 清明鱼产仔 ‘В Цинмин рыба нерестится’, а 羊盼清明牛盼夏 ‘Овца ждёт Цинмина, а бык – лета’ – паремия, тонко подмечающая циклы кормовой базы для скота.

Метеорологические приметы Цинмина служат надёжным инструментом прогнозирования. Например, мелкий дождь считается благословением для злаков: 清明雨星星, 一棵高粱打一升 ‘В Цинмин дождь каплет, урожай сорго мерами меряй’. Направление ветра также несёт в себе информацию о будущем лете: 清明南风, 夏水较多; 清明北风, 夏水较少 ‘Южный ветер в Цинмин сулит дождливое лето, северный – засушливое’.

Цинминцзе (кит. 清明节), что означает «Праздник чистого света», входит в число четырёх основных традиционных праздников Китая и отличается особой культурной значимостью как день поминовения усопших. Исторически Цинмин впитал в себя традиции древнего праздника Ханьши (кит. 寒食节, «Праздник холодной пищи»), установленного в па-

мять о верном подданном Цзе Цзытуе [6, с. 102]. Несмотря на то что в паремиологическом фонде прямые отсылки к личности Цзе Цзытуя практически не встречаются (за исключением констатации временной связи праздников, например: 清明昨天寒食节 ‘День перед Цинмином – праздник Ханьши’), именно эта историко-культурная основа предопределила центральный мотив праздника – культ предков и обряды поминовения. Верования и ритуалы, связанные с почитанием усопших, оказали глубокое влияние на формирование народной праздничной системы [5, с. 54], со временем сделав обряды поминовения центральным элементом праздника Цинминцзе. Атмосферу скорби и глубокого почтения передают строки классической поэзии: 清明时节雨纷纷, 路上行人欲断魂 ‘В сезон Цинмин дожди бесконечны, путник на дороге – словно без души’. Паремии фиксируют ритуальную сторону поминовения: 清明坟上挂纸钱 ‘В Цинмин на могилах развешивают бумажные деньги’ и 清明到, 儿尽孝 ‘Пришёл Цинмин – время детям сыновний долг исполнить’. Данные паремии не только описывают обрядовые действия, но и транслируют фундаментальную ценность сыновней почтительности, подчёркивая, что ритуальное поминовение предков является священным долгом.

Параллельно с ритуалами памяти Цинмин воспеваает триумф жизни через обычай «втыкания ивы» (кит. 插柳). Ива воспринималась как оберег от нечистой силы, что отражено в пословице: 清明戴柳, 端午插艾 ‘В Цинмин носи иву, в Дуанью – полынь’. Существовало даже шутовское, но строгое поверье-устрашение: 清明不戴柳, 来年变黄狗 ‘Если на праздник Цинмин не надеть ивовую ветку, то в следующем году превратитесь в охотничью собаку’. Данная примета не только отражает обычай ношения ивовых веток в Цинмин, но и содержит примету, в которой «образ собаки приобретает отрицательную оценку и служит наказанием» [11, с. 92–93].

Вторая ипостась Цинмина – «Праздник прогулок по первой траве» (кит. 踏青节). Пробуждение природы побуждает людей к активному отдыху, что фиксируется в паремиях: 植树造林, 莫过清明 'Нет поры для посадки деревьев лучше, чем Цинмин', 杨柳青, 放风筝 'Ива зазеленела, змея воздушного в небо запускать'. Считалось, что такие прогулки имеют и оздоровительный эффект: 老小踏青, 耳聪目明 'Старым и малым по весенней траве гулять – слух и зрение укреплять'.

Гастрономический код праздника завершает его целостный образ. Традиции «вгрызания весны» продолжают и в Цинмин, но имеют свою специфику. В южных регионах популярна поговорка 清明吃青团 'В Цинмин едят зелёные рисовые шарики цинтуань', цвет которых символизирует жизненную силу весны. Также распространён обычай делиться угощениями, что отражено в пословице: 清明拿麻糍, 见人头分麻糍 'В Цинмин неси моти и каждого встречного ими угощай'.

Цинминцзе гармонично сочетает память об ушедших с радостью весны и «воплощает эволюцию мировоззрения китайской нации: от натурализма к культу предков» [6, с. 104]. Эта смысловая двойственность пронизывает и паремиологическое пространство праздника, связывая воедино память о прошлом (культ предков) и надежду на будущее (сельскохозяйственные циклы и весеннее обновление).

Паремии о сезоне-празднике Дунчжи

Сезон Дунчжи (кит. 冬至, «Зимнее солнцестояние»), выпадающий на 21–23 декабря, занимает исключительное место в системе «двадцать четыре сезона». Являясь астрономическим пиком зимы, он знаменует собой момент, когда энергия инь достигает своего максимума, а световой день в северном полушарии становится кратчайшим. Эта природная особенность лаконично передана в паремии: 冬至夜最长, 难得见天光 'В Дунчжи ночь самая длинная, а дневной свет увидеть трудно'.

Несмотря на то что календарная зима начинается раньше, именно Дунчжи в народном сознании воплощает приход настоящих, лютых холодов, что подтверждает пословица: 冬至前后, 冻破石头 'В пору Дунчжи морозы такие, что камни трескаются'. Для борьбы с суровым климатом в китайской культуре была выработана уникальная система отсчёта времени – «девять девятидневков» (кит. 数九). Народная мудрость отражена в паремии: 看不看, 数不数, 过了冬至就进九 'Считаешь ты или нет, а с Дунчжи счёт девяток пошёл'. Самый суровый период, согласно приметам, приходится на середину этого цикла: 冷在三九天 'Самый лютый холод – в третью девятидневку'.

Сельскохозяйственный цикл в этот период замирает, поэтому паремии Дунчжи сосредоточены не на активном труде, а на сохранении будущего урожая. Паремии 大雪忙挖土, 冬至压麦田 'В Дасюэ землю копай, в Дунчжи озимые прижимай' и 吃了冬至饭, 送粪加一担 'Пообедал в Дунчжи, не забудь лишний коров удобрений в поле отвезти' подчёркивают важность подготовки почвы и подкормки растений даже в период покоя.

Особая значимость Дунчжи как «точки отсчёта» превращает его в важнейший прогностический узел. Считается, что погода в этот день предопределяет характер всей зимы и будущего года: 冬至无雨一冬晴 'Коль в Дунчжи дождя нет, вся зима будет ясной', 冬至晴, 春节阴 'Солнце в Дунчжи, тучи на Новый год'. Ветреная погода также трактуется как предвестник засухи: 冬至西北风, 来年干一春 'Если в Дунчжи северо-западный ветер задул, весна будет сухой'. Благоприятные метеоусловия в этот день вселяли в крестьян надежду: 冬至晴, 五谷丰 'Ясный Дунчжи, богатый урожай'.

Культурный статус Дунчжицзе (кит. 冬至节) настолько высок, что в народе его называют Ясуй (кит. 亚岁, «Второй Новый год»). Паремия 冬至大于年 'Дунчжи важнее Нового года' отражает древность и значимость этого торжества. Централь-

ное место в праздничном пространстве занимает гастрономия, выступающая как ритуал «изгнания холода». На севере Китая обязательным атрибутом являются пельмени, а суеверное предостережение 冬至不端饺子碗, 冻掉耳朵没人管 'Кто в Дунчжи миску с пельменями не возьмёт, тот уши свои отморозит' подчёркивает их магическую и защитную функцию.

Южная традиция, напротив, отдаёт предпочтение рисовым клёцкам и лапше: 吃了冬至圆, 每人大一岁 'Съел в Дунчжи клёцку, на год старше стал' и 吃了冬至面, 一天长一线 'Отведал лапши в Дунчжи, и день на нитку подрос'. В столичном фольклоре закрепились устойчивая оппозиция сезонов: 冬至馄饨夏至面 'В Дунчжи едим вонтоны, в Сячжи – лапшу'.

Помимо сугубо ритуальных блюд паремии Дунчжи содержат также практические рекомендации по оздоровлению и ведению хозяйства. Например, паремия 冬至萝卜夏至姜 'В Дунчжи ешь дайкон, в Сячжи – имбирь' отражает принципы сезонной диетологии. Хозяйственный опыт диктует свои сроки: 冬至后, 熏腊肉 'Минул Дунчжи, время мясо коптить', поскольку именно в этот холодный период продукт сохраняется лучше всего.

В рамках лингвоаксиологического подхода наибольшую значимость приобретают паремии, в которых гастрономические образы наделяются символическим смыслом, выходя за пределы чисто утилитарных рекомендаций. Опираясь на типологию лингвоаксиологических маркеров Н. Ю. Нелюбовой, можно проследить, как в таких единицах выстраиваются уровни репрезентации ценности [12]. Показательна в этом отношении паремия 若要富, 冬至吃块儿热豆腐 'Хочешь быть богатым, съешь в Дунчжи кусочек горячего тофу'. Иероглиф «富» (богатство) здесь выступает как эксплицитный маркер ценности (первый тип). Компонент «тофу» являет собой пример аксиологического синкретизма: будучи этнолингвомаркером (третий тип), он

также служит имплицитным символическим маркером (второй тип). Это становится возможным благодаря омофонии: слово «тофу» (кит. 豆腐) перекликается с понятиями «счастье» (кит. 福, палл. фу) и «богатство» (кит. 富, палл. фу). Возникающая на этом звуковом совпадении положительная коннотация превращает обыденный продукт в сакральный символ достатка и благополучия.

В целом Дунчжи в паремиологическом пространстве Китая предстаёт не просто как холодный зимний день, а как ритуальный пролог к Новому году, объединяющий заботу о здоровье, предсказание будущего и надежду на семейное благополучие.

Культурные доминанты и ценностные ориентиры в паремиях о Личуне, Цинмине и Дунчжи

С точки зрения лингвокультурологии паремии, связанные с данными сезонами и праздниками, представляют собой важнейшую часть национального наследия. Как гласит известная пословица, 百业农为先 'Сельское хозяйство – основа всех дел'. Паремии о Личуне, Цинмине и Дунчжи, передаваемые из поколения в поколение, отражают многовековой опыт Китая как аграрной цивилизации. В них запечатлены фундаментальные ценности китайской культуры: трудолюбие, практичность, следование природным ритмам и признание важного значения земледелия.

В рамках лингвоаксиологического подхода, активно разрабатываемого в современной паремиологии, ключевое значение приобретает языковая маркированность аксиологических доминант [8]. Применительно к китайскому паремиологическому фонду это проявляется в использовании специфических этнолингвомаркеров, таких как «весенний бык», «ива» или «пельмени». Данные лексемы-маркеры не просто номинируют предметы материального мира, но и обладают свойством аксиологического синкретизма, поскольку в контексте се-

зонов Личунь, Цинмин и Дунчжи они ассоциативно связаны одновременно с несколькими ценностями: «Труд», «Здоровье», «Семья» и «Благополучие». Таким образом, этноспецифические компоненты в китайских пословицах выступают как ядерные маркеры культурной памяти, обеспечивая трансляцию ценностных установок аграрной цивилизации через века.

Исследуемые сезоны, развиваясь в гармонии с природными циклами, аккумулируют в себе богатый пласт народных обычаев и верований. Это находит выражение в гастрономических традициях, ритуалах и праздничной атрибутике. Частое упоминание пищи в паремиях подтверждает древний принцип: 民以食为天 'Народ считает пищу своим Небом'. В условиях ограниченности материальных ресурсов в прошлом праздничная трапеза становилась не только важным стимулом для сохранения традиций, но и мощным объединяющим фактором. Такие обычаи, как употребление весенних блинов на Личунь, зелёных рисовых шариков цинтуань на Цинмин и пельменей на Дунчжи, наделены глубоким символизмом, выходящим за рамки простой кулинарии.

Обрядовые действия («бичевание весеннего быка» на Личунь или посещение могил предков на Цинмин) являются ключевыми элементами праздничного пространства. Символы «весеннего быка» и «ивовой ветви» давно утратили сугубо материальный характер, превратившись в культурные коды национальной памяти. Таким образом, гастрономические традиции, ритуалы и атрибутика, закреплённые в языке через паремии, придают праздникам устойчивую форму и обеспечивают непрерывность культурной преемственности китайского народа.

Заключение

Традиционные праздники отражают исторический путь развития нации и, выступая носителями культурного кода,

служат одним из наиболее эффективных способов выражения национальной идентичности. В ходе исследования было установлено, что сезон и праздник представляют собой две взаимосвязанные, но функционально различные категории. Если сезоны возникли как объективная система исчисления времени для успешного земледелия, то праздники сформировались как культурная система, отвечающая социальным и духовным потребностям общества.

Потенциально каждая из точек двадцати четырёх сезонного цикла могла стать основой для торжества, однако такие периоды, как Чунфэнь, Сячжи, Цюфэнь или Дахань, в силу меньшей фольклорной разработанности не трансформировались в полноценные праздники. Тот факт, что Личунь, Цинмин и Дунчжи обрели праздничный статус, обусловлен их уникальным положением в годовом цикле и особой символической значимостью для китайской культуры.

Паремии с компонентами-хрононимами представляют собой художественное обобщение многовекового опыта и охватывают широчайший спектр тем: от предсказания погоды до гастрономических предписаний. Эти изречения транслируют фундаментальные философские установки китайского народа: стремление к гармонии с мирозданием, уважение к природным законам и почитание предков.

Культурные символы, такие как «весенний бык», «ивовая ветвь» или «ритуальная трапеза», выступают в паремиях как ядерные этнолингвомаркеры: они давно вышли за рамки материального значения, превратившись в коды национальной самобытности. Традиции Личуня, Цинмина и Дунчжи, укоренённые в аграрной культуре, воплощают высшие добродетели: трудолюбие, любовь к жизни и сыновнюю почтительность.

Таким образом, лингвокультурологический анализ паремий подтверждает, что традиционные праздники Личунь, Цинмин и Дунчжи остаются живыми

механизмами сохранения национальной памяти, обеспечивая неразрывную связь между прошлым и настоящим китайско-го народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев Н. Ю. О шести древних китайских календарях // Общество и государство в Китае. 2012. Т. 42. № 3. С. 225–237.
2. Гао М. Отражение системы ценностей в контексте традиционных праздников: сопоставительный анализ (на материале русских и китайских паремий) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1-2 (62). С. 555–559.
3. Разыкова М. Б. Сопоставительный анализ концепта «Праздник» в паремиологическом фонде таджикского и английского языков // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). 2025. № 2 (88). С. 231–239.
4. Гао М. Паремии с компонентами-хрононимами в контексте традиционных русских праздников: лингвокультурологический анализ // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 7. С. 83–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1237.
5. Захарова М. В. Трансформация осмысления символики празднования традиционного нового года в современном Китае: Последняя четверть XX в.: дис. ... канд. истор. наук. М., 2003. 275 с.
6. Чжао Ф. Традиционный китайский праздник Цинмин: единство человека и природы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2022. Т. 24. № 84. С. 100–106. DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-84-100-106.
7. Храп М. Ш. Паремии, характеризующие социальные отношения в межкультурной коммуникации носителей русского, английского и арабского языков // Вопросы современной лингвистики. 2025. № S1. С. 67–78. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-67-78.
8. Денисенко В. Н., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю. Языковая маркированность аксиологических доминант франкоязычных паремий // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 5. С. 19–30. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-19-30.
9. Ломакина О. В. Примета как текст культуры в свете изучения языков народов России // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9 (467). С. 133–140. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10917.
10. Колесов В. В. Мир человека средневековой Руси. М.: Академический проект, 2019. 659 с.
11. Гоу Я. Русские и китайские приметы антропоцентрической направленности: лингвокультурологический подход: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 290 с.
12. Нелюбова Н. Ю. Типы лингвоаксиологических маркеров и их отражение в паремиологическом фонде разноструктурных языков // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47. № 5. С. 116–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1208.

REFERENCES

1. Ageev, N. Yu. (2012). On six ancient Chinese calendars. In: *Society and State in China*, 42 (3), 225–237 (in Russ.).
2. Gao, M. (2025). Reflection of the value system in the context of traditional festivals: a comparative analysis (based on Russian and Chinese parems). In: *Cognitive Studies of Language*, 1-2 (62), 555–559 (in Russ.).
3. Razykova, M. B. (2025). Comparative analysis of the concept “holiday” in the paremiological fund of Tajik and English languages. In: *University bulletin (Russian-Tajik (Slavonic) university)*, 2 (88), 231–239 (in Russ.).
4. Gao, M. (2025). Paremsias with chrononym components in the context of traditional Russian festivals: a linguocultural analysis. In: *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 47 (7), 83–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1237 (in Russ.).
5. Zakharova, M. V. (2003). *Transformation of the understanding of the symbolism of the celebration of the traditional New Year in modern China: The last quarter of the 20th century* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
6. Zhao, F. (2022). Traditional Chinese Qingming holiday: unity of man and nature. In: *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences*, 24 (84), 100–106. DOI: 10.37313/2413-9645-2022-24-84-100-106 (in Russ.).

7. Khrum, M. Sh. (2025). Proverbs characterizing social relations in the intercultural communication of native speakers of Russian, English, and Arabic. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, S1, 67–78. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-S1-67-78 (in Russ.).
8. Denisenko, V. N., Lomakina, O. V. & Nelyubova, N. Yu. (2025). Linguistic markedness of axiological dominants of French-language proverbs. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 19–30. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-5-19-30 (in Russ.).
9. Lomakina, O. V. (2022). Sign as a text of culture in the light of the study of the languages of the peoples of Russia. In: *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 9 (467), 133–140. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10917 (in Russ.).
10. Kolesov, V. V. (2019). *The World of Man in Medieval Rus*. Moscow: Academicheskii Proekt publ. (in Russ.).
11. Gou, Ya. (2022). *Russian and Chinese signs of anthropocentric orientation: a linguacultural approach* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
12. Nelyubova, N. Yu. (2025). Types of linguo-axiological markers and their reflection in the paremiological funds of languages with different structures. In: *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 47 (5), 116–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1208.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гао Мэнлинь (г. Москва) – аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
<https://orcid.org/0009-0007-7122-4836>; e-mail: isgaogao@yandex.com

Ломакина Ольга Валентиновна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
<https://orcid.org/0000-0003-0298-5678>; e-mail: rusoturisto07@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Menglin Gao (Moscow) – Postgraduate Student, Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
<https://orcid.org/0009-0007-7122-4836>; e-mail: isgaogao@yandex.com

Olga V. Lomakina (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Foreign Languages Department, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
<https://orcid.org/0000-0003-0298-5678>; e-mail: rusoturisto07@mail.ru

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-32-49

К ВОПРОСУ О СОЦИОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ГЕРМЕНЕВТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД

Лебедева А. А.^{1*}, Новикова М. Г.²

¹ *Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Российская Федерация*

² *Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация*

* *Корреспондирующий автор, e-mail: lebsuch@yandex.ru*

Поступила в редакцию 20.11.2025

После доработки 28.11.2025

Принята к публикации 03.12.2025

Аннотация

Цель: выявление, описание и систематизация трудностей социокультурологической адаптации текстов юридического дискурса при переводе с одного языка на другой, анализ влияния контекста на адекватность переводческих решений и поиск причин появления переводческих ошибок.

Процедура и методы. При работе со специально отобранными аутентичными англо- и русскоязычными текстами в рамках юридического, научного и медиадискурсов применялись контекстуальный, сопоставительный, корпусный, лингвокультурологический и описательный методы анализа эмпирического материала.

Результаты. По итогам исследования даны чёткие обоснования необходимости проведения многоаспектного анализа национальных культурологических особенностей носителей языка-донора и языка-реципиента с целью избежать возможных переводческих ошибок.

Теоретическая и практическая значимость. Для снятия проблемы множественного толкования терминов реципиентами, в том числе правовых норм в юридическом дискурсе, оптимальным решением будет герменевтико-коммуникативный подход. В исследовании авторы развивают теорию культурного компонента значения, выявляемого при лексико-семантическом анализе терминологических единиц гуманитарных областей знания, и рассматривают социокультурологические и прагматические аспекты межкультурного перевода. В статье также приводятся примеры переводческих манипуляций при работе с английской юридической терминологией.

Ключевые слова: параллельный перевод, юридическая терминология, лингво-культурологический аспект, оптимальное переводческое решение, переводческие манипуляции

Для цитирования:

Лебедева А. А., Новикова М. Г. К вопросу о социокультурологической и прагматической адаптации при переводе текстов юридического дискурса: герменевтико-коммуникативный подход // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 32–49. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-32-49>

Original research article

ON THE PROBLEM OF SOCIOCULTURAL AND PRAGMATIC ADAPTATION IN LEGAL TEXTS TRANSLATION: HERMENEUTIC-COMMUNICATION APPROACH

A. Lebedeva^{1*} , M. Novikova²

¹ All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

² Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: lebsuch@yandex.ru

Received by the editorial office 20.11.2025

Revised by the author 28.11.2025

Accepted for publication 03.12.2025

Abstract

Aim. The aim is to identify, describe and systematize difficulties of sociocultural adaptation in legal texts translation practices and analyze the influence of the context on the adequacy of the translation as well as the reasons of translation errors.

Methodology. The methods of contextual, comparative, corpus, linguocultural as well as descriptive analysis were applied during the research based on selected authentic English and Russian texts in mass media, legal and scientific discourse.

Results. The work shows the need for carrying out a multidimensional analysis of national cultural peculiarities of the original text and target language speakers in order to avoid probable translation mistakes.

Research implications. To solve the problem of multiple terminology interpretations by recipients, including legal norms in Legalese, the hermeneutic-communication approach may be an adequate choice. In the article the author develops the theory of the cultural component of meaning detected in the process of the lexical-semantic analysis of terminological units in the humanitarian fields of knowledge, and focuses on the sociocultural and pragmatic aspects of legal terminology interlingual translation. The paper also lists examples of translation manipulations applied in order to ensure correct interlingual semantic transference of some confusing English legal terms into Russian.

Keywords: parallel translation, legal terminology, linguo-cultural aspect, optimal translation solution, translation manipulations

For citation:

Lebedeva, A. A. & Novikova, M. T. (2026). On the problem of sociocultural and pragmatic adaptation in legal texts translation: hermeneutic-communication approach. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 32–49. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-32-49>

Введение

Язык, как инструмент взаимодействия в современном мире с его стремительными изменениями в экономической, политической и социальной сферах, вынужденно адаптируется к новым условиям, параллельно трансформируясь и обогащаясь в рамках концептуализации новых идей и формирования иных моделей вос-

приятия окружающей действительности. Антропоцентрический подход современной науки и интегративные процессы в гуманитарных областях знаний выдвигают на первый план междисциплинарные исследования, в том числе комбинирование разных аспектов языковедческой науки: лингвистического, лингвопрагматического и лингвосемиотического. В наши

дни на коммуникационные процессы оказывают большое влияние цифровые и информационно-коммуникативные технологии, ставшие неотъемлемой частью жизни социума за последние десятилетия. Соответственно мультимодальные формы коммуникации, под которыми обычно подразумевают многослойный контент, включающий в себя взаимодействующие между собой текстовые, аудиальные, визуальные, аудиовизуальные сообщения, превратились в важный инструмент профессионального и межличностного общения и активно изучаются лингвистами (например, экономический дискурс в сфере международных экономических форумов [1], организационный дискурс [2], новостной дискурс [3], общественно-политический дискурс [4] и др.)¹. Отсутствие полностью устоявшихся корреляций национальных терминологий в новых научно-технических терминосистемах в языке-доноре и в языке-реципиенте, что создаёт дополнительные трудности при переводе, привело к появлению в последние годы боль-

шого количества исследований и в этом направлении (например, в языковой паре английский – русский: в области беспилотных летательных аппаратов [5], электроэнергетики [6], кардиохирургии [7] и в других сферах человеческой деятельности). Необходимо при этом отметить неослабевающий интерес к изучению категорий и характерных черт различных дискурсов (обычно выделяют такие типы дискурса, как бытийный, юмористический, ценностно маркированный, интернет-дискурс, а также разнообразные виды институционального дискурса (в частности, искусствоведческий, педагогический, бизнес-дискурс, политический, дипломатический, юридический, рекламный, религиозный, массово-информационный, туристический, научный и др.)).

Если рассматривать дискурс, как многогранное понятие, включающее в себя не только вербальный текст или речь, но и культурный, социальный и контекстуальный аспекты коммуникации (с учётом наличия в переводоведении разных подходов к определению дискурса), то можно сказать, что юридический дискурс, к примеру, представляет собой лингвокультурный интердискурсивный феномен картины мира, функционирующий на стыке политического, медийного, научного и бизнес-дискурсов. При этом перевод юридических текстов, как известно, связан со сравнительным правоведением, изучающим и сопоставляющим правовые системы разных стран, правовые нормы и принципы правосудия, нередко одноимённые государственные и правовые институты (см. примеры в: [8–13] и др.). Поиск переводческого решения также всегда связан с обеспечением корректного восприятия и понимания семантической конфигурации лексической единицы иноязычной аудиторией (см. анализ концепций переводческих стратегий и переводческих манипуляций в разных видах дискурса в: [9; 10; 14–20] и др.).

¹ См. о моделировании дискурса в работах: Моделирование дискурса: социокультурный аспект: монография / под общ. ред. Е. В. Вохрышевой. Самара: СФ ГАОУ ВО МПГУ, 2016. 148 с.; Соколова О. В. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR: монография. М.: Гнозис, 2014. 304 с. и др. Исследование базируется на теоретических положениях в области теории дискурса следующих авторов: В. И. Карасик (Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1 (21). С. 17–34; Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 389 с.), Е. С. Кубрякова (Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13), С. Н. Плотникова (Плотникова С. Н. Дискурсивное конструирование как теоретическое понятие // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5 (90). С. 41–46), Т. А. ван Дейк (Dijk T. A. van. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. Hillsdale, N. Y.: Lawrence Erlbaum, 1980. 200 p.) и др.

**Переводческие манипуляции при
работе с юридическими текстами:
дискурсивно-коммуникативный
подход. Основные стратегии и тактики**

Основной задачей переводчика всегда считался подбор таких лексико-грамматических и стилистически окрашенных иноязычных эквивалентов в языке-реципиенте, чтобы они смогли обеспечить адекватное восприятие текстового фрагмента целевой аудиторией. В переводческой практике, как известно, для более качественного перевода текстов широко применяются такие приёмы, как транслитерация, транскрибирование, калькирование, описательный перевод, переводческий комментарий, лексико-семантическая замена.

**Выбор адекватного
переводческого решения
в зависимости от типа дискурса**

В условиях функционирования больших пластов омонимов и многозначных слов часто наблюдаются значительные расхождения лексико-семантических конфигураций языковых единиц как в рамках разных дискурсов, так и в рамках одного дискурса, а выбор переводческого решения зависит от контекстного окружения¹. Русскоязычным эквивалентом

английского существительного “inquisition”, например, в массово-информационном или разговорно-бытовом дискурсах может быть слово «инквизиция» (в историческом контексте оно ассоциируется у носителей русского языка со средневековыми церковными судами по делам еретиков или в переносном смысле – с пытками и мучениями), а в качестве юридического термина будут корректными варианты «судебное расследование, следствие, дознание» (соответственно русскоязычной версией выражения “coroner’s inquisition” будет «следствие, проводимое

ны микроконтексты, т. е. минимальные фрагменты текста, с культурно специфическими терминами, требующими лингвокультурной адаптации при переводе. Герменевтико-коммуникативный анализ языковых единиц при выборе переводческих решений в рассматриваемых текстовых фрагментах проводился с опорой на законодательство англоязычных стран и Российской Федерации в рамках подготовки авторами учебников и учебных пособий в течение последних 20 лет, а также в ходе проведения занятий с аспирантами во ВГУЮ (РПА Минюста России), имеющими юридическое образование и опыт работы в разных сферах законотворческой и правоохранительной деятельности. Многие из рассмотренных авторами микроконтекстов можно найти в том числе в следующих изданиях: Юридический английский: учеб. пособие / А. А. Лебедева, Г. Н. Аксенова, Е. В. Бараник [и др.]; под ред. А. А. Лебедевой; 2-е изд., расш. и доп. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2021. 198 с. ISBN 978-5-00094-588-9; Лебедева А. А. Английский язык для юристов. Предпринимательское право. Перевод контрактов : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 231 с. ISBN 978-5-238-01928-4; Английский для юристов: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А. А. Лебедева, Г. Н. Аксенова, Е. В. Бараник [и др.]; под ред. А. А. Лебедевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2022. 375 с. ISBN 978-5-238-02636-7.

2. На втором этапе исследования на основании анализа предложенных другими лингвистами переводческих методологических стандартов и на базе систематизации трудностей при переводе выявленных языковых единиц с полным или частичным расхождением лексико-семантических конфигураций в языковой паре английский – русский в текстах юридической направленности была сформулирована герменевтико-коммуникативная парадигма – в качестве аналитического инструмента для предотвращения контекстных терминологических ошибок.

¹ Здесь и далее контекстуальный, сопоставительный, лингвокультурологический анализ лексико-семантической конфигурации юридической терминологии в языковой паре английский – русский проводился на базе более 500 аутентичных текстов юридического, научного и медиадискурсов, отобранных в 2007–2025 гг. в ходе подготовки к печати учебников и учебных пособий для работы со студентами и аспирантами во Всероссийском государственном университете юстиции (РПА Минюста России) и в Военном университете имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации. Материалом исследования послужили фрагменты англоязычных и русскоязычных аутентичных текстов юридической направленности в разных сферах права (общий объём рассмотренных текстов – 32,9 а. л., из них 24,5 а. л. на английском языке и 8,4 а. л. на русском языке). Исследование проводилось в два этапа.

1. На первом этапе исследования методом сплошной выборки в оригинальных текстах были отобра-

коронером»). В юридическом дискурсе англоязычный термин “inquisition” приобретает также значение «коронерского заключения о расследовании» (“a document containing the verdict of a coroner’s inquest”¹). Если речь идёт о профессиональном наёмном убийце, то в англоязычном юридическом дискурсе принято употреблять термины “contract killer”, “hit man” или “assassin”, а не упрощённый вариант “killer”. В некоторых случаях наблюдается вариативность значений одного и того же термина в рамках одного дискурса. К примеру, существительное “interest”, переводимое в разговорно-бытовом и массово-информационном дискурсах как «интерес, заинтересованность, увлечение, доля, участие», в сфере финансового права может быть переведено как «проценты (на капитал)» (“interest-free loan” – «беспроцентная ссуда», “accrued interest” – «начисленные проценты»), а в правовом контексте, связанном с земельным или вещным правом, увидим иные переводческие решения² (ср.: “interest in a business” – «участие в предприятии», “interest in profits” – «доля в прибыли», “interest in fee-simple” – «безусловное (неограниченное) право собственности», “interest in estate” – «доля в имуществе / доля в вещно-правовом титуле», “interest in personality” – «вещное право на движимое имущество» и т. п.). Слово сочетание “diminished responsibility” в некоторых правовых контекстах в интернете переводят как «ограниченная ответственность»³

(в связи с умственной неполноценностью правонарушителя): “insanity, diminished responsibility in terms of common law...” – «умопомешательство, ограниченная ответственность с точки зрения общего права» (текст о Зимбабве (Zimbabwe)). Но в случае необходимости подобрать правовой термин, коррелирующий с законодательством РФ, российским аналогом рассматриваемого словосочетания (“a form of mental abnormality”⁴) можно считать концепцию «ограниченной вменяемости» (регламентируемой статьей 22 УК РФ, согласно которой к уголовной ответственности привлекаются лица с психическими расстройствами, вменяемость которых, тем не менее, не исключается).

Существование правовых языковых универсалий

В рамках переводческого процесса необходимо учитывать существование правовых языковых универсалий, т. е. идентичных для языка-донора и языка-реципиента понятий и концептуальных систем, не требующих дополнительного исследования их межъязыкового и межсистемного сопоставления и толкования при подборе адекватного иноязычного эквивалента. К примеру, слова *punishment*, *arson*, *defendant*, словосочетание “the burden of proof” можно переводить на русский язык дословно. В различных международных договорах, например, в Гаагской конвенции от 02.07.2019 г. “Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters” («Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или торговым делам»), в Гаагской конвенции от 15.04.1958 г. “Convention Concerning the Recognition and Enforcement of Decisions relating to Maintenance Obligations towards Children” («Конвенция о признании и исполнении решений, связанных с обязательствами по содержанию детей»),

¹ См.: A Dictionary of Law / eds. J. Law, E. A. Martin; 7th edition. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 286 (далее – A Dictionary of Law). Уточним в данном контексте, что под термином “coroner’s inquest” обычно подразумевается расследование случаев смерти коронером.

² “In land law, a right in or over land” (см.: A Dictionary of Law. P. 289).

³ Такое переводческое решение можно считать контекстной терминологической ошибкой интернет-переводчика. Системная неспособность машинных переводчиков даже самых продвинутых систем (на данном этапе их развития) справляться с контекстным переводом без ошибок неоднократно обсуждалась в лингвистической литературе.

⁴ См.: A Dictionary of Law. P. 169.

в Конвенции ООН 1958 г. “Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards” («О признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений»), термины “recognition and enforcement” во всех правовых системах имеют одинаковую семантическую конфигурацию. Необходимость одинаковой трактовки странами-участниками международных соглашений для обеспечения соблюдения положений подписанных ими документов требует от переводчиков юридических текстов исследования терминов как в ретроспективном ракурсе их происхождения, так и в контексте национальной специфики правовых систем.

При этом возможность дословного перевода не всегда подразумевает тождественность правовых реалий и процессуальных норм. К примеру, будет вполне уместен адекватный (почти буквальный) перевод на русский язык стилистически маркированного текстового фрагмента присяги свидетелей в судебных процессах Англии и США¹ “I swear to tell the truth, the whole truth, and nothing but the truth”, которую произносят, положив руку на Библию, Евангелие или Коран («Клянусь говорить правду, только правду и ничего, кроме правды»; при этом в русском эквиваленте обычно сохраняется наблюдаемый в английской версии ритмо-устанавливающий фактор повтора). Расхождений в концептуальном восприятии данной языковой единицы у представителей стран с разными правовыми системами не будет, хотя в РФ вместо подобной клятвы перед дачей показаний свидетеля предупреждают об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и берут с него подписку².

¹ Указанная присяга свидетелей в США упомянута в 1787 г. в цикле статей “On the necessity of fostering American identity” лексикографом Ноа Вебстером (Noah Webster), опубликовавшим в 1828 г. первый толковый словарь американского языка.

² Уточним, что в зарубежных судах присяга даётся всеми участниками процесса (истцом, ответчиком, свидетелями). В иностранных государствах существует

Необходимость обеспечения понимания семантической конфигурации лексической единицы целевой аудитории

Поскольку поиск иноязычного эквивалента связан с необходимостью обеспечения понимания лексической единицы целевой аудиторией, в некоторых случаях переводческие решения обусловлены традиционными общепринятыми вариантами выбора лексического эквивалента на другом языке с учётом политической составляющей. К примеру, одну и ту же группу островов, за которые идёт многовековой спор между Великобританией и Аргентиной, англичане называют Фолклендскими островами (“Falkland Islands”), а аргентинцы – Мальвинскими (“Islas Malvinas”)³. Остров Окинава, изначально населённый не китайцами и не японцами и где в XV–XIX вв. существовало самостоятельное королевство, китайцы называли Люцю, а японцы – Рюкю, хотя иероглифы одни и те же⁴: 琉球.

также такое понятие, как аффидавит. Это письменные показания под присягой у уполномоченного лица, например, у нотариуса. Таким образом, чтобы дать показания в суде, необходимо или в самом суде принести присягу во время судебного процесса, или сделать это у нотариуса, уполномоченного государством, и дать соответствующие письменные показания, которые нотариус заверит. После этого такие свидетельские показания становятся доказательством для суда и сведениями, за которые лицо уже несёт ответственность. В РФ только свидетель подписывает бумагу о том, что он предупрежден об ответственности за дачу заведомо ложных показаний (другие участники процесса ничего подобного не подписывают). Данная практика была введена ещё в Советском Союзе, когда вопросы веры во всех официальных структурах были под запретом. В царской России было что-то похожее на англо-саксонскую версию присяги, но тогда и форма судопроизводства немного отличалась от современного формата.

³ В 1982 году аргентинские силы захватили острова, начав Фолклендскую войну, которая закончилась возвращением островов в состав Великобритании.

⁴ «Государство платило дань Китайской империи Мин, а с 1609 г. также стало сюзереном японского самурайского клана Сацума. В 1879 г. аннексировано Японской империей и преобразовано в префектуру Окинава» (Авдонин А., Тавровский Ю. Окинава может стать горячей точкой // Мир новостей. 2023. № 34 (1547). С. 8-9).

В 2012–2013 гг. мир стал свидетелем эскалации напряжённости из-за спора о принадлежности необитаемых островов, известных как Сенкаку в Японии (the Senkaku Islands dispute), Дяюйдао в Китае (the Diaoyu Islands dispute) и Тиаоютай (the Tiaooyutai Islands) в Тайване.

В эфире телеканала «Россия 24» 10 февраля 2023 г. в беседе с ведущим передачи «Международное обозрение» Андрей Иванович Денисов (посол РФ в КНР в 2013–2022 гг.) упомянул любопытный случай на переговорах между Россией и Китаем, когда российская сторона настаивала на подписании по результатам переговоров документа под названием «Декларация», а китайская сторона – итогового коммюнике под названием «Заявление». Для русскоязычных граждан данные термины имеют разную коннотацию: декларация предполагает более значимый документ. В конце концов, переводчики договорились об использовании в китайском варианте текста слова 声明 [shēngmíng], которое может быть переведено на русский язык и как «заявление», и как «декларация». Это решение устроило представителей обеих стран.

Возможность перевода выражения “conflict of laws” не только как «коллизии правовых норм» / «коллизионное право», но и как «международное частное право» (с помощью концептуального переноса значения на другую языковую единицу при переводе на основе корреляции лексико-семантических конфигураций терминов) объясняется тем, что нормы частного международного права представляют собой нормы коллизионного права, определяющие, законы какой страны должны регулировать частные правоотношения¹.

¹ При этом в названиях конвенций находим преимущественно такие переводческие решения: Гагская конвенция от 12.06.1902 г. “Convention Governing Conflicts of Laws Concerning Marriage” – «Конвенция об урегулировании коллизий правовых норм, касающихся заключения брака»; Женевская конвенция, принятая Лигой Наций 07.06.1930 г. “Convention for the Settlement of Certain Conflicts of Laws

При подборе иноязычных эквивалентов названий книг, фильмов, радио- и телепередач часто используют не буквальный перевод словосочетания или фразы, а аналог, привлекательный для целевой аудитории с маркетинговой точки зрения. К примеру, фильм британского режиссёра Алекса Гарленда (Alex Garland) “Civil War” в российском прокате в 2024 г. шёл под названием «Падение империи» (а не «Гражданская война»), а фильм “Warfare” этого же режиссёра демонстрировался в 2025 г. под названием «Под огнём» (а не «Военные действия») и т. п.

Лингвокультурные адаптации

Выбор переводческого решения нередко зависит от культурологической составляющей контекстного окружения или от исторически сформировавшихся способов передачи конкретного выражения в языковой паре. При переводе англоязычных текстов на русский язык термин “suspended sentence”, например, нужно переводить в зависимости от контекста: либо как «условный(ое) приговор / срок / наказание», либо как «от-

in Connection with Bills of Exchange and Promissory Notes” – «Конвенция о разрешении некоторых коллизий законов о переводных и простых векселях»; Женевская конвенция от 19.03.1931 г. “Convention for the Settlement of Certain Conflicts of Laws in Connection with Cheques” – «Конвенция о разрешении некоторых коллизий законов, связанных с чеками»; Гагская конвенция от 17.07.1905 г. “Convention Relating to Conflicts of Laws with Regard to the Effects of Marriage on the Rights and Duties of the Spouses in their Personal Relationship and with Regard to their Estates” – «Конвенция о коллизионных нормах, касающихся влияния брака на права и обязанности супругов в их личных отношениях и в отношении их имущества» / «Конвенция о коллизиях законов относительно личных и имущественных отношений супругов»; “Convention on the Conflicts of Laws Relating to the Form of Testamentary Dispositions” – «Конвенция о коллизионных нормах, касающихся формы завещательных распоряжений» / «Конвенция о конфликтах законов, касающихся формы завещательных распоряжений» от 05.10.1961 г.); ср. “Statute of the Hague Conference on Private International Law” – «Устав Гагской конференции по международному частному праву» (принятый 31.10.1951 г.).

срока отбывания наказания» (см. об этом подробно в: [9, с. 57–58]). При переводе выражения “Charter of the United Nations” русскоязычным эквивалентом слова “charter” будет «устав», при этом «устав университета» можно перевести на английский язык как “statute of the university”, а «устав фирмы» как “the firm’s bylaws” / “the company’s articles of incorporation” / “the company’s articles of association” / “the company deed” (при этом некоторые англоязычные авторы считают, что термин “bylaws” подходит для обозначения документов с более детальным описанием деятельности компании по сравнению с другими вышеуказанными названиями, а термины “articles” и “charter” являются взаимозаменяемыми в разных юрисдикциях¹). При этом часто можно встретить текстовые фрагменты типа “Memorandum and articles of association” с переводом «Устав и Учредительный договор» (иностранной компании), поскольку под терминами “Articles of Association” или “Articles of Incorporation” (в некоторых юрисдикциях “certificate of incorporation” или “the corporate charter”, в США для “limited liability companies” (LLC) / «обществ с ограниченной ответственностью» (ООО) – “articles of organization”) обычно подразумевается свод правил и положений, регулирующих внутрихозяйственную деятельность компании². В от-

ношении же представительств уместным русскоязычным эквивалентом термина “charter” (обычно используемым в англоязычной версии) слово «устав» не будет, поскольку представительства в РФ действуют на основании не устава, а положения о представительстве, утверждаемого головной фирмой (согласно ст. 55 ГК РФ представительства и филиалы юридическими лицами не являются, наделяются имуществом создавшим их юридическим лицом и действуют на основании утверждённых им положений).

Поиск корректного перевода на русский язык англоязычных названий различных учреждений исправительной системы также отягчается расхождениями в структуре рассматриваемых институтов. К примеру, при переводе англоязычной художественной литературы вполне приемлемым переводческим решением названия “open type institution” (букв. «исправительное учреждение открытого типа») будет «колония-поселение», так как именно такое исправительное учреждение в РФ можно считать аналогом облегчённого (minimal security³) режима содержания англо-саксонской (США, Великобритания) пенитенциарной системы (без вооружённой охраны и не обнесённое стенами, где осуждённым может быть предоставлена возможность трудиться за пределами учреждения на строительстве дорог, выполнении сельскохозяйственных и иных общественно полезных работ). В англоязычных текстах находим и другие термины такого плана: российским аналогом “maximum-custody

¹ Англоязычные источники дают различные определения рассматриваемых терминов, например: “The bylaws detail how your company operates and are often far more complex. Some states may designate a different name for the articles, such as calling them a charter. Articles are the charter that creates a corporation, whereas bylaws set out the rules and procedures for internal governance of the corporation.”

² В англоязычных источниках находим следующие определения рассматриваемых терминов: “In corporate governance a company’s articles of association (AoA, called “articles of incorporation” in some jurisdictions) is a document that, along with the memorandum of association (in cases where it exists) forms the company’s constitution. Articles of association may regulate both internal and external affairs. The AoA defines the kind of business to be undertaken, the responsibilities of the directors, and the means by which the shareholders exert control over the board of direc-

tors. “Articles of incorporation”, also referred to as the “corporate charter” or “the certificate of incorporation”, is a document or charter that establishes the existence of a corporation in the United States and Canada. They generally are filed with the Secretary of State in the U.S. State where the company is incorporated, or other company registrar. An equivalent term for limited liability companies (LLCs) in the United States is articles of organization.”

³ Как известно, англо-саксонская (США, Великобритания) пенитенциарная система предусматривает несколько режимов содержания, начиная с облегчённого (minimal security).

type institution” можно считать «исправительную колонию особого режима» (согласно ст. 130 УК РФ в пенитенциарной системе РФ предусмотрены исправительные колонии общего, строгого и особого режимов), под словосочетанием “institutional household” обычно подразумевается «учреждение (хозяйство) закрытого типа», в частности, тюрьма, дом для умалишённых или благотворительный дом, а выражение “jail-type institution” можно перевести, либо как «исправительная колония», либо как «СИЗО» – в зависимости от контекстного окружения.

В англо-русских словарях существительные “prison” и “jail” обычно указывают в качестве синонимов со значениями «тюрьма, темница, узилище, тюремное заключение, место лишения свободы» (для “jail” – также «изолятор»), однако при более внимательном изучении исправительной системы США находим некоторые различия между обозначаемыми данными терминами объектами. Слово “prison”, как правило, используется по отношению к тюрьмам, находящимся в ведении штатов, или к тюрьмам федерального значения для осуждённых на срок более одного года лишения свободы¹, и соответственно при переводе на русский язык данного термина можно применить версию «исправительная колония». Слово “jail”, как правило, употребляют в США в отношении городских тюрем для приговорённых к коротким срокам заключения (приблизительно 1 год) за мелкие правонарушения или преступления средней тяжести (→ вариант перевода «исправительная колония»). Аналогом “jail” в РФ можно также считать СИЗО / следственный изолятор, поскольку именно так обычно называют учреждения временного содержания подозреваемых

до суда. Соответственно после вынесения приговора осуждённого по суду человека должны отправить в “prison”, однако из-за неторопливости американской судебной системы нередко подозреваемые проводят в “jail” долгие месяцы. В рамках контекстного перевода нужно также принимать во внимание и случаи, когда приговорённых к небольшому тюремному сроку оставляют отбывать оставшееся время тюремного заключения в “jail”² (= в следственном изоляторе), чтобы не тратить людские и финансовые ресурсы на обеспечение переезда заключённого в “prison”. Под термином “detention” может подразумеваться как кратковременное задержание подозреваемого для опроса или проверки документов³, так и более длительное – до предъявления обвинений с препровождением в оборудованную в полицейском участке специальную камеру “detention cell”, российским аналогом которой при подборе переводческого решения можно считать «камеру предварительного заключения» (КПЗ / «обезьянник»). В случае отсутствия подобной камеры в полицейском участке, задержанного либо отпускают (часто с условием явиться в суд в назначенную дату или с иным требованием или предупреждением), либо отправляют в “jail”⁴ до суда (см. другие подобные примеры в [9; 10]).

Сложности при переводе могут вызывать и так называемые «ложные друзья

¹ При этом из-за децентрализованной структуры пенитенциарной системы США «федеральная тюрьма» может подчиняться как правительству США, так и правительству штата, а также быть частной и принимать спецконтингент по контракту с правительством.

² Уточним при этом, что “jails”, в качестве американского аналога российского следственного изолятора, как правило, подчиняются местным органам власти США, например, городскому совету (“city jail”) или региональному правительству (“county jail”), и не являются частными. При этом в американской системе правосудия нет практики зачёта времени нахождения в следственном изоляторе «год за два».

³ Уточним, что согласно Конституции США, гарантирующей право на анонимность, задержать человека «до выяснения личности», как в других странах, считается незаконным.

⁴ При этом нужно учитывать, что в США разные режимы содержания нередко функционируют в соседних корпусах одного пенитенциарного учреждения.

переводчика» – термины, схожие по звучанию в обоих языках, но имеющие частично или полностью несовпадающие значения в рассматриваемой языковой паре. К примеру, в русском языке «реабилитация» подразумевает «официальное восстановление в правах, восстановление хорошей репутации» несправедливо осуждённых, а в английском уголовном праве “rehabilitation” означает «перевоспитание преступника»: “treatment aimed at improving an offender’s character or behavior that is undertaken with the goal of reintegrating the offender into society”¹. Англоязычным эквивалентом «реабилитации» в значении официального восстановления в правах будет термин “exoneration”.

Переводческие решения при работе с лакунарной терминологией часто требуют описательного перевода или переводческого комментария. Описательный перевод вполне уместен, например, для расшифровки значения англоязычного термина “lawfare”: «так называемое законное убийство, иногда именуемое в США *lawfare*. Этот термин означает использование правовых систем и институтов для нанесения ущерба или делегитимизации оппонента. Это попытка незаконно, но под видом закона обанкротить, разорить, опорочить и даже посадить в тюрьму опасного политического соперника. В крайних случаях он может даже столкнуться с пожизненным заключением, что, по сути, является законным эквивалентом смертной казни»².

О необходимости герменевтического анализа при переводе устойчивых двухкомпонентных конструкций языковых единиц

Проведение герменевтического анализа для достижения корректного контекстного перевода может быть необходимо и при работе с так называемыми

«фиксированными биномиалами» (“irreversible binomials” / “binomial expressions” / “binomial pair” / “binomial freeze”) / «двухвершинными фразеологическими повторами» (в терминологии А. И. Смирницкого)³, объединёнными на основе контраста, синонимии, взаимодополняемости значений, нередко повтора ка-

³ «В качестве особого структурного типа к двухвершинным фразеологическим единицам относятся так называемые фразеологические повторы различного рода. Одни из них построены на основе антонимичности, контраста – например, *now or never* – “теперь или никогда”, *up and down* – “вверх и вниз”; у других же основным моментом является аллитерация – например, *with might and main* – “изо всей силы”, *betwixt and between* – “ни то ни сё” (Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. С. 222–223 (Серия «Библиотека филолога»)).

По описанию С. Г. Терминасовой, «двухкомпонентные конструкции языковых единиц могли не соответствовать ни логике, ни лексическим нормам сочетаемости, а относились к таким фигурам речи, как оксюморон (соединение взаимоисключающих понятий), плеоназм (избыточности средств выражения), паронимия (игра созвучными словами), и воспринимались как украшения и отличительный признак просвещённой речи» (см.: Терминасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах: учебное пособие; изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 107). В качестве примеров подобных устойчивых двухкомпонентных конструкций можно указать: “ups and downs” (= «взлёты и падения» / «победы и поражения»), “safe and sound” (= «целый и невредимый» / «в целостности и сохранности»), “black-and-white thinking” (= «однобокий подход / взгляд»), “odds and ends”, “bits and pieces” (= «пустяковые мелочи» / «всякий хлам») и т. п.

См. об «устойчивых двухкомпонентных конструкциях языковых единиц» в работах: Молодцова И. Н. Английские биномиалы: статус, сущность, функции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2002. 22 с.; Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка (1957); под редакцией В. В. Пасека; изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 296 с.; Терминасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах: учебное пособие; изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 152 с.; Bhatia V. K. Analysing genre: Language use in professional settings. London: Longman, 1993. 246 p.; Ferguson C. A. The study of religious discourse. In: Language and Linguistics: The Interdependence of Theory, Data, and Application. Washington, DC: Georgetown University Press, 1985. P. 205–213; Gustafsson M. The syntactic features of binomial expression in legal English // Text. 1984. Vol. 4 (1–3). P. 123–141; Malkiev Ya. Studies in irreversible binomials // Lingua. 1959. Vol. 8. P. 113–160.

¹ См.: A Dictionary of Law. P. 464.

² См.: Крестьянинов В. Дональда Трампа пытаются убить тремя способами // Аргументы недели. 2024. № 38 (935). С. 2.

ких-либо языковых единиц (в том числе аллитерации – т. е. повтора фонем), служащего для усиления эмоционального воздействия на слушателя. Для целей данной работы нам кажется более удобным понятие «устойчивые двухкомпонентные конструкции языковых единиц» (слов или сочетаний слов), под которыми мы понимаем устойчивые двухкомпонентные сочетания слов, состоящие из системно-обусловленных, логически взаимосвязанных когнитивно-лингвистических и когнитивно-культурологических концептов, объединённых союзами ‘and’ или ‘or’ и обычно имеющих идентичную синтаксическую конфигурацию. Дословный перевод подобных конструкций, образующих ритмически и семантически устойчивые единства, во многих случаях неприемлем. В юридическом дискурсе двухкомпонентный состав рассматриваемых устойчивых сочетаний часто предполагает дополнительный герменевтический анализ компонентов.

В выражениях “ships or vessels”, “hearing or trial”, например, на первый взгляд прослеживается синонимическая избыточность, однако, если при поиске адекватного иноязычного эквивалента заострить внимание на выявлении оттенков значения компонентов, то можно наблюдать существенное, но не абсолютное, совпадение их лексико-семантических конфигураций. В идиоме “ships or vessels” (= «суда» / «корабли») оба существительные могут быть переведены как «корабль, судно», однако, в английском варианте вступившей в силу Сводной конвенции «О труде в морском судоходстве» применительно к судам «валовой вместимостью 500 или более» на 112 страницах используется термин “ship”, хотя многие моряки, работающие под иностранным флагом, указывают на неоднократное употребление в речи синонима “vessel”¹. Слово “vessel” англоязычные источники

определяют, как «родовое понятие, обозначающее самоходное плавучее средство», “ship” же трактуется, как форма транспортировки – «грузовой, научный, пассажирский вид речного или морского транспорта»². Соответственно, при выборе русскоязычного эквивалента можно ограничиться общим значением или указать на конкретный тип водного транспорта: “ships or vessels are usually built at the specialized enterprises, shipyards” – «постройка кораблей обычно производится на специализированных предприятиях – верфях»; “discharge of waste at sea from ships or other vessels is prohibited” – «никому не разрешается сбрасывать в море отходы с судов или других плавсредств»). Выражение “hearing or trial” может быть переведено на русский язык в каком-то контексте как «судебное слушание или процесс» / «судебное слушание или заседание», а где-то как «гражданское или уголовное судопроизводство» / «гражданский или уголовный процесс». В англоязычных источниках “hearing” обычно определяют, как формальное заседание для получения доказательств и свидетельских показаний (подобные процедуры часто используют для разрешения предварительных вопросов или принятия административных решений), а “trial” – как формальное судебное разбирательство, в рамках которого допрашивают свидетелей, представляют доказательства, определяют виновность обвиняемого (“hearing” is a legal proceeding for testimony and evidence, “trial” is court examination of evidence and legal arguments: distinct stages in legal processes). Второй

² Ship, *n.* – A seagoing vessel of considerable size; a sailing vessel with a bowsprit and three or more masts, all having square-rigged sails; the personnel or crew of a vessel; an airship or airplane.

Vessel, *n.* – Any craft designed to move through water carrying persons or goods, esp. one larger than an ordinary rowboat; ship; airship; boat; a hollow or concave article, as a cup or tub, esp. for holding liquid (см.: New Webster's Dictionary of the English Language. College Edition; Fifth Reprint. India: Surjeet Publications, 1989).

¹ Samos. “Ship” или “Vessel” какое значение правильно? // Социальная сеть «Одноклассники». URL: <https://clck.ru/3Utvpg> (дата обращения: 20.11.2025).

вариант переводческого решения связан с тем, что термины “hearing” и “trial” обозначают разные цели и задачи юридических процедур, хотя прямой привязки к гражданскому или уголовному процессу данные слова не имеют.

Более чёткая картина вырисовывается при сопоставлении компонентов выражения “cases and controversies” (= «судебные дела и правовые споры» / «уголовные и гражданские дела»). В англоязычных источниках находим следующее разграничение значений данных терминов: в юридическом дискурсе “case” включает в себя все типы исков, как уголовные, так и гражданские, а “controversy” – это исключительно гражданский процесс (“in jurisprudence, a controversy differs from a case; while the latter includes all suits, criminal as well as civil, a controversy is a purely civil proceeding”). Английский биномиал “the Crown and Government” разумно перевести на русский язык, как «правительство его/её Величества», а выражение “take-it-or-leave-it agreement” – как «договор присоединения» (стандартный договор, где одна сторона устанавливает условия, а другая должна их принять без возможности переговоров (страховые полисы, соглашения о займах, об аренде и т. п.): “take-it-or-leave-it” – «третьего не дано» / «не оставить выбора»). Уточним при этом, что в официальном переводе ГК РФ (в ред. Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ) на английский язык в статье 428 «Договор присоединения» используются термины “the contract of affiliation” и “an adhesion contract”.

Культурологическая составляющая выходит на первый план и при переводе таких устойчивых двухкомпонентных конструкций, как “law and equity”, “legal and equitable remedies”, “equitable and common law remedies”, “legal or equitable relief”. Как известно, тремя основными источниками англо-саксонского права считаются: 1) общее право (*common law*), основанное на доктрине судебных прецедентов и установившееся на территории страны

в период с Нормандского завоевания в 1066 г. до 1250 г. в рамках функционирования королевских судов (*king’s courts or common law courts; king’s courts or courts of law*); 2) статутное право (*statutory law*), представляющее собой указы парламента и иные локальные нормативные акты, а также 3) конституционные соглашения, т. е. неписаные традиции по управлению страной. С XIV в. параллельно с общим правом на территории Англии и Уэльса в судах лорда-канцлера / канцлерских судах (*the Court of the Lord Chancellor / the Court of Chancery / court of equity*) стало формироваться прецедентное право, основанное на принципах морали и естественного права (*equity / право справедливости*) и получившее приоритет над общеправовыми принципами королевских судов после решения короля Якова I (James I) в 1615 г. по делу *The Earl of Oxford’s Case* (в рамках реформы судебной системы 1873–1875 гг. (Judicature Acts of 1873–1875) канцлерские суды вошли в общую структуру судов)¹. Принимая во внимание историческую составляющую рассматриваемых терминов, подходящим русскоязычным эквивалентом выражения “law and equity” будет «прецедентное право королевских судов и право справедливости канцлерских судов, основанное на принципах морали и естественного права» (а не предлагаемая в некоторых словарях версия «закон и право справедливости», непонятная для основной массы населения РФ). Устойчивые двухкомпонентные конструкции “legal and equitable remedies”, “equitable and common law remedies”, “legal or equitable relief” можно перевести как «возмещение ущерба (убытков) и иные средства судебной защиты» / «средства правовой защиты, предлагаемые на основе решений королевских судов и канцлерских судов» / «судебная защита по общему праву и по

¹ В данном контексте уточним, что основная масса населения РФ незнакома с источниками англо-саксонского права и никогда не слышала о праве справедливости и канцлерских судах.

праву справедливости» (а не «правовая и справедливая помощь»).

Уточним в данном контексте, что в числе факторов, существенных для достижения точности перевода юридических текстов, в лингвистической литературе часто также упоминают межвариантную вариативность; стиль речи, типичный для данного конкретного вида дискурса; особенности пунктуации, присущие конкретному типу дискурса.

Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма в качестве аналитического инструмента при работе с юридическими текстами

Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма представляет собой трёхступенчатую матрицу, предполагающую несколько стадий осуществления контекстного перевода:

- предварительный трансдисциплинарный анализ (лингвистический и экстралингвистический анализ для уточнения текстовых, затекстовых и подтекстовых смыслов оригинала, особенностей жанра, мировоззрения автора и т. п.);

- формулирование возможных переводческих решений;

- выбор переводческого решения (создание дискурсивно эквивалентного и адекватного в рамках культуры языка-реципиента переводного текста)¹.

Рассмотрим три стадии достижения корректного контекстного перевода в рамках вышеуказанной герменевтико-коммуникативной переводческой парадигмы на примере фразы с названием

законодательного акта “Indemnity Act”: “She was not aware of the existence of any such analogous provision, apart from the notorious Indemnity Act 1919 in India.” Семантическая конфигурация названия “Indemnity Act” отсылает нас на этапе предварительного трансдисциплинарного анализа к законодательным актам Индии, как одной из британских колоний в начале XX века. На стадии формулирования возможных переводческих решений мы уточняем, что существительное “indemnity” в сфере финансового права имеет значение «компенсации, возмещения» (убытков / ущерба) или «гарантии от убытков / потерь», а в уголовном праве – «освобождения» (от наказания, материальной ответственности), соответственно “Indemnity Act” / “Act of Indemnity” можно перевести как «закон об освобождении от уголовной ответственности» / «закон об амнистии» / «закон о возмещении ущерба» / «акт о возмещении убытков», например: “the Joint Drive Indemnity Act of 2003” (Бангладеш), как правило, переводят на русский язык, как «Закон 2003 года об освобождении от ответственности в связи с выполнением совместных служебных функций»², “the Double Indemnity Act 1996” (Филиппины), принято переводить на русский язык, как «Закон о двойной компенсации»³, “Indemnity Act 1982” (Республика Гамбия) приемлемо переводить на русский язык, как «Закон об освобождении от ответственности»⁴, “Indemnity

¹ Уточним в данном контексте, что описание соответствующих параметров и процедур переводческого процесса может быть разделено на большее количество шагов. При разработке некоторых методологий перевода стадию предварительного трансдисциплинарного анализа текстового фрагмента делят на несколько этапов (например, в рамках герменевтико-переводческого методологического стандарта Э. Н. Мишкурова, М. Г. Новиковой [17; 18] – на два этапа), что может быть целесообразно в некоторых случаях, в частности, при наличии непереводимых лексических единиц.

² “The Joint Drive Indemnity Act of 2003” предоставлял иммунитет от преследования сотрудникам вооруженных сил и иных военизированных организаций за аресты, причинение смерти, тяжких увечий и другие нарушения прав граждан во время проведения операции «Чистое сердце» (“Clean Heart”) в период с 16 октября 2002 г. по 9 января 2003 г. В 2015 г. данный акт был объявлен Высоким судом Бангладеш незаконным и неконституционным.

³ Данный закон вводил правило двойной компенсации работодателем работнику всех невыплаченных денег в случае нарушения закона о минимальной заработной плате.

⁴ Данный закон обеспечил юридический иммунитет для сотрудников правоохранительных органов и

Act 1727” (Великобритания) – как «Закон о возмещении ущерба 1727 года»¹ и т. п.² Упомянутый в рассматриваемом фрагменте “Indemnity Act 1919” обеспечил освобождение от ответственности для британских офицеров и чиновников, участвовавших в массовом расстреле в Амритсаре 13 апреля 1919 г., соответственно на этапе выбора переводческого решения мы видим, что в данном контексте приемлемым вариантом будет версия «Закон об амнистии»: «Ей не было известно ни о каком аналогичном положении, за исключением печально известного “Закона об амнистии” 1919 года в Индии».

Рассмотрим вышеуказанные этапы герменевтико-коммуникативной переводческой парадигмы на примере фразы с названием другого законодательного акта “Act of Settlement”: “The Act of Settlement 1781 was a significant piece of legislation passed by the British Parliament to resolve conflicts and ambiguities as regards the jurisdiction of the Supreme Court established in Calcutta under the Regulating

государственных служащих за действия во время беспорядков, незаконных собраний и чрезвычайных ситуаций.

¹ Данный акт парламента Великобритании регламентировал возможность возмещения ущерба лицам, не прошедшим квалификационный отбор для занятия должностей в течение установленного законом срока, при этом этим лицам предоставлялся дополнительный срок для этой цели. Данный закон также освободил нонконформистов от требований Закона о присяге 1673 г. (The Test Act 1673) и Закона о корпорациях 1661 г. (The Corporation Act 1661), согласно которым государственные служащие должны были принять причастие Вечери Господней в англиканской церкви. “Indemnity Act 1727” был отменён 15.07.1867 г.

² В данном контексте хотелось бы обратить внимание на тот факт, что интернет-переводчики нередко переводят на русский язык все законы под названием “Indemnity Act” / “Act of Indemnity” как «Закон о возмещении ущерба», независимо от лексико-семантической конфигурации данной языковой единицы. Такие переводческие решения можно считать контекстной терминологической ошибкой интернет-переводчиков, связанной с неспособностью машинных переводчиков даже самых продвинутых систем (на данном этапе их развития) справляться с контекстным переводом без ошибок, что неоднократно обсуждалось в лингвистической литературе.

Act of 1773, and to establish a more effective and reliable system of courts to address grievances against the Supreme Court”. Семантическая конфигурация названия “Act of Settlement” отсылает нас на этапе предварительного трансдисциплинарного анализа к статутам англо-саксонской системы права. На стадии формулирования возможных переводческих решений мы уточняем, что “Act of Settlement” (букв. «Акт об устройении / урегулировании»), принятый парламентом Британии в 1701 г. и окончательно установивший верховенство власти Палаты Общин, известен в России как «Акт о престолонаследии» («Закон о дальнейшем ограничении власти монарха и наилучшей охране прав и свобод подданных»). При этом законодательный акт Британии с таким же названием, принятый в 1662 г. и ограничивший свободу передвижения работников, переводят на русский язык как «Акт об осёдлости». А “Act of Settlement” (известный также как “Declaratory Act 1781” или “Amending Act 1781”), принятый британским парламентом в 1781 г. для устранения пробелов “Regulating Act 1773” («Закон о регулировании / об управлении» британской Индией, реформативизировавший систему управления в колониальной Индии и принятый с целью борьбы с растущей коррупцией в Ост-Индской компании), обычно упоминают в русскоязычной литературе под названием «Акт / Закон о внесении поправок». На этапе выбора переводческого решения мы понимаем, что в данном контексте название рассматриваемого статута нужно перевести как «Акт / Закон о внесении поправок»: «“Закон о внесении поправок” 1781 года был важным законодательным актом, принятым британским парламентом для разрешения противоречий и устранения двусмысленности в отношении юрисдикции Верховного суда, учреждённого в Калькутте в соответствии с “Законом об управлении” 1773 года, и для создания более эффективной и надёжной судебной системы

для рассмотрения жалоб на решения Верховного суда»¹.

Рассмотрим вышеуказанные стадии герменевтико-коммуникативной переводческой парадигмы при переводе фразы со словосочетанием "civil law": "In its second main feature, English land law differs from civil law systems in the European Union, because it allows the separation of the "beneficial" ownership of property from legal title to property"². На этапе предварительного трансдисциплинарного анализа значение выражения "civil law" выглядит как один из возможных вариантов перевода в рамках массово-информационного, юридического и научного дискурсов: при противопоставлении с уголовным правом переводческим эквивалентом термина "civil law" будет словосочетание «гражданское право», а при противопоставлении с прецедентным правом англо-саксонского мира – выражение «система европейского континентального права / романо-германского права»³.

¹ Следует обратить внимание на тот факт, что интернет-переводчики нередко переводят на русский язык все законы под названием "Act of Settlement", как «Акт о престолонаследии» или «Акт о поселении», независимо от лексико-семантической конфигурации данной языковой единицы. Такие переводческие решения можно считать контекстной терминологической ошибкой интернет-переводчиков, связанной с неспособностью машинных переводчиков даже самых продвинутых систем (на данном этапе их развития) справляться с контекстным переводом без ошибок, что неоднократно обсуждалось в лингвистической литературе.

² Рассматриваемая фраза является первой в текстовом фрагменте: "If there is a "trust" of land, then trustees hold legal title, while the benefit, use and "equitable" title might belong to many other people. Legal title to real property can only be acquired in a limited number of formal ways, while equitable title can be recognized because of a person's contribution, or the parties' true intentions, or some other reason, if the law deems that it is fair and just (i.e. equitable) to recognize that someone else has a stake in the land" (см.: Юридический английский: учеб. пособие / А. А. Лебедева, Г. Н. Аксенова, Е. В. Бараник [и др.]; под ред. А. А. Лебедевой; 2-е изд., расш. и доп. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2021. С. 111).

³ Опыт работы с машинным переводом показывает, что выражение "civil law" в любом контекстном

На этапе формулирования возможных переводческих решений приходим к выводу, что в данном текстовом фрагменте прослеживается противопоставление понятийных концептов англо-саксонского общего права и европейского континентального права. Соответственно на этапе выбора переводческого решения видим, что термин "civil law" нужно передать на русском языке в рассматриваемой фразе следующим образом: «Вторая ключевая особенность английского земельного права, которая отличает его от системы европейского континентального права в Европейском союзе, – это возможность разграничения "бенефициарного" владения собственностью от юридического титула на неё»⁴.

Заключение

Эволюционный переход последних десятилетий от лингвоцентристских переводческих теорий к когнитивно-герменевтическим, культурологически ориентированным подходам к адаптации исходного текста на языке-реципиенте, чётко прослеживается при анализе раз-

окружении часто переводится интернет-переводчиками, как «гражданское право», хотя при сопоставлении с англо-саксонским прецедентным правом корректным вариантом перевода всегда будет версия «романо-германское / европейское континентальное право» (см. о системе понятийных концептов термина "civil law" в: Black's Law Dictionary / ed. B. A. Garner. USA: WEST Thomson Reuters, 2009. 1920 p.). Такие переводческие решения можно считать контекстной терминологической ошибкой интернет-переводчиков, связанной с неспособностью машинных переводчиков даже самых продвинутых систем (на данном этапе их развития) справляться с контекстным переводом без ошибок, что неоднократно обсуждалось в лингвистической литературе.

⁴ Вероятно, было бы целесообразно дать переводческий комментарий о том, что в английском земельном праве существует разделение двух аспектов владения землёй: юридический титул – формальное право собственности, которое может принадлежать одному лицу (в частности, в рамках траста – trustees) и бенефициарное владение – реальное право на доход от собственности и на часть выручки от продажи имущества, право на использование недвижимости (при этом юридический собственник не обязательно является бенефициарным).

личных моделей перевода и теоретических положений переводоведения и свидетельствует о понимании лингвистами необходимости разработки таких методологических стандартов, которые дали бы возможность наиболее точно очертить границы трактовки исходного текста для создания адекватного варианта перевода.

Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма в рамках дискурсивно-коммуникативного подхода может рассматриваться в качестве аналитического инструмента и методологического стандарта при работе с текстами юридического, научного и медиадискурсов, поскольку может быть оптимальным решением для снятия проблемы множественного толкования иноязычных терминов реципиентами, а также позволяет избежать контекстных терминологических ошибок, в том числе в условиях неспособности интернет-переводчиков даже самых продвинутых систем (на совре-

менном этапе их развития) справляться с контекстным переводом без неточностей. Особую значимость, на наш взгляд, предварительный трансдисциплинарный лингвистический и экстралингвистический анализ приобретает в случаях вариативности значений одного и того же термина в рамках одного дискурса.

Как видно из приведённых примеров конкретных языковых трансформаций и деформаций, особенностей применения различных переводческих стратегий и тактик, изучение иностранного языка страны с иной правовой системой должно сопровождаться приобретением знаний об особенностях концептуальной сферы другого правового порядка. Хотя многие юридические термины приобрели универсальный смысл, не связанный с национальной спецификой, когнитивно-системный подход к переводу текстов юридического дискурса должен стать основополагающим на занятиях по иностранному языку в юридических вузах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ярыгина Н. Ю. Мультиmodalность современного экономического дискурса (на примере международных экономических форумов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2024. 22 с.
2. Ефремова Е. В. Метафорирование как речевая деятельность в организационном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2025. 26 с.
3. Чжан Лудань. Психолингвистические маркеры агрессии в новостных дискурсах России и Китая: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2025. 27 с.
4. Карасева А. А. Концепт «Брюссель» в международном общественно-политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2025. 27 с.
5. Хухуни И. Г. Формирование новой научно-технической терминосистемы (на материале беспилотных летательных аппаратов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2022. 24 с.
6. Максимова Н. В. Современная электроэнергетическая терминология: структурный и семантический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2020. 25 с.
7. Ущенко О. И. Особенности формирования терминологических подсистем (на материале терминологии кардиохирургии в английском и русском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мытищи, 2021. 24 с.
8. Атабекова А. А. Иноязычные специальные концепты в межкультурной профессионально-ориентированной коммуникации. М.: Изд-во РУДН, 2008. 198 с.
9. Лебедева А. А. Основные принципы профессионально ориентированного обучения иностранному языку студентов юридических специальностей: формирование профессиональной лингвокультурологической модели юриста; 3-е изд., расш. и доп. М.: Издательство + дизайн-бюро «ред.», 2023. 317 с.
10. Лебедева А. А., Новикова М. Г. Герменевтико-коммуникативная переводческая парадигма: реализация социокультурологической и прагматической адаптации текстов при переводе // Вопросы современной лингвистики. 2025. № 2. С. 24–36. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-24-36.
11. Озюменко В. И., Чилингарян К. П. Полисемантическая английской юридической лексики как

проблема перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 180–193.

12. Cao D. *Translating Law*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd, 2007. 240 p. (Series: Topics in Translation. Vol. 33).
13. Šarčević S. *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Klower Law International, 2000. 308 p.
14. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель как система детерминант стратегии перевода: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Мытищи, 2022. 35 с.
15. Марчук Ю. Н. Модели перевода. М.: Академия, 2010. 175 с.
16. Марчук Ю. Н. Перевод и преподавание языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 6. С. 70–73.
17. Мишкурлов Э. Н., Новикова М. Г. Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. М.: Флинта, 2020. 300 с.
18. Мишкурлов Э. Н., Новикова М. Г. Переводимость – непереводаемость: былое и думы... = Translatability – untranslatability: yesteryears and thoughts...: монография. М.: Флинта, 2024. 248 с.
19. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе. М.: Флинта, 2006. 413 с.
20. Chesterman A. *Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. 227 p.

REFERENCES

1. Yarygina, N. Yu. (2024). *Multimodality of Modern Economic Discourse (Based on International Economic Forums)* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
2. Efremova, E. V. (2025). *Metaphoring as a Speech Activity in Organizational Discourse* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
3. Zhang, Ludan (2025). *Psycholinguistic markers of aggression in the news discourses of Russia and China* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
4. Karaseva, A. A. (2025). *The Concept of "Brussels" in International Socio-Political Discourse* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
5. Khukhuni, I. G. (2022). *Formation of a New Scientific and Technical Terminology System (Based on Unmanned Aerial Vehicles)* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
6. Maksimova, N. V. (2020). *Modern Electric Power Terminology: Structural and Semantic Aspects* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
7. Ushchenko, O. I. (2021). *Features of the Formation of Terminological Subsystems (based on the terminology of cardiac surgery in English and Russian)* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
8. Atabekova, A. A. (2008). *Foreign-Language Special Concepts in Intercultural Professionally-Oriented Communication*. Moscow: RUDN University publ. (in Russ.).
9. Lebedeva, A. A. (2023). *Basic principles of professionally oriented teaching of a foreign language to students of legal specialties: formation of a professional linguacultural model of a lawyer*. Moscow: Publishing house + Design Bureau "Red." (in Russ.).
10. Lebedeva, A. A. & Novikova, M. G. (2025). Hermeneutic-communication translation paradigm: sociocultural and pragmatic adaptation in translation. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2, 24–36. DOI: 10.18384/2949-5075-2025-2-24-36 (in Russ.).
11. Ozyumenko, V. I. & Chilingaryan, K. P. (2015). Polysemy of English legal lexis and the problems of translation. In: *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Linguistics*, 2, 180–193 (in Russ.).
12. Cao, D. (2007). *Translating Law*. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd. (Series: Topics in Translation. Vol. 33).
13. Šarčević, S. (2000). *New Approach to Legal Translation*. The Hague: Klower Law International.
14. Volkova, T. A. (2022). *Discourse-communicative model as a system of determinants of translation strategy* [dissertation]. Mytishchi (in Russ.).
15. Marchuk, Yu. N. (2010). *Translation models*. Moscow: Academy publ. (in Russ.).
16. Marchuk, Yu. N. (2011). Translation and language teaching. In: *Bulletin of Moscow State Region University*, 6, 70–73 (in Russ.).
17. Mishkurov, E. N. & Novikova, M. G. (2020). *Theory and methodology of translation in cognitive-hermeneutic coverage*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).

18. Mishkurov, E. N. & Novikova, M. G. (2024). *Translatability – untranslatability: yesteryears and thoughts*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
19. Nelyubin, L. L. & Khukhuni, G. T. (2006). *The science of translation*. Moscow: Flinta publ. (in Russ.).
20. Chesterman, A. (1997). *Memes of Translation. The spread of ideas in translation theory*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедева Анна Александровна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и культуры речи Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

<https://orcid.org/0009-0005-4461-6514>; e-mail: lebsuch@yandex.ru

Новикова Марина Геннадьевна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, доцент 36 кафедры (германских языков) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации;

<https://orcid.org/0000-0002-1221-8635>; e-mail: Novikova_mg@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna A. Lebedeva (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Departmental Head, Department of Linguistics and Speech Culture, All-Russian State University of Justice;

<https://orcid.org/0009-0005-4461-6514>; e-mail: lebsuch@yandex.ru

Marina G. Novikova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., 36th Department (Department of Germanic languages), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;

<https://orcid.org/0000-0002-1221-8635>; e-mail: Novikova_mg@mail.ru

Научная статья

УДК 81'276

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-50-65

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НОРВЕЖСКОГО ЯЗЫКА (БУКМОЛ) И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ ВАРИАНТОВ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА В ЦЕННОСТНОМ АСПЕКТЕ

Никитина М. С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация
Университет мировых цивилизаций имени В. В. Жириновского, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: mariasergnik@gmail.com*

Поступила в редакцию 04.02.2026

После доработки 19.02.2026

Принята к публикации 28.02.2026

Аннотация

Цель: определить национально-культурную специфику и общие этнические ценности норвежцев, мексиканцев, чилийцев, венесуэльцев и пуэрториканцев и показать их реализацию в ходе коммуникативного акта на примере сленгизмов.

Процедура и методы. Для решения поставленной задачи были использованы методы лингвистического наблюдения и описания, сопоставительный анализ, лингвоаксиологический подход, а также метод сплошной выборки.

Результаты. На основании анализа исследуемого материала были выявлены такие общие этнические ценности, как «честность», «дружелюбие», «личное достоинство» и «семья и романтические отношения», определена их значимость и проиллюстрированы различные способы их функционирования. По результатам проведённого исследования делается вывод, что этнические ценности реализуются в ходе акта коммуникации, детерминируют поведение партнёров по общению и выбор эмоционально-экспрессивных речевых средств.

Теоретическая и практическая значимость. Исследование помогает понять, какую роль играют этнические ценности в построении коммуникативного акта, и какими способами они могут вербализоваться в речи норвежского и латиноамериканского этноса.

Ключевые слова: лингвоаксиология, норвежский язык, испанский язык, ценности, сленг, национально-культурная специфика

Для цитирования:

Никитина М. С. Сопоставительный анализ норвежского языка (букмол) и латиноамериканских вариантов испанского языка в ценностном аспекте // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 50–65. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-50-65>

Original research article

A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE NORWEGIAN LANGUAGE (BOKMÅL) AND LATIN AMERICAN VARIETIES OF THE SPANISH LANGUAGE IN THE VALUE ASPECT

M. Nikitina

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russian Federation*

Zhirinovskiy University of World Civilizations, Moscow, Russian Federation

e-mail: mariasergnik@gmail.com

Received by the editorial office 04.02.2026

Revised by the author 19.02.2026

Accepted for publication 28.02.2026

Abstract

Aim. The purpose of the article is to identify the cultural identity and common ethnic values of the Norwegians, Mexican, Chileans, Venezuelans and Puerto-Ricans and to show how the implementation of these concepts determines the use of slang in the process of communication.

Methodology. To solve the problem, we used methods of linguistic observation and description, comparative analysis, linguaxiological approach and the method of continuous sampling.

Results. Based on the analysis of the study material, common ethnic values such as “honesty”, “friendship”, “personal dignity”, “family and romantic relationships” were marked out, their significance was determined, and the various ways in which they function were illustrated. The study concludes that ethnic values are realized during communication, determining the behavior of communication partners and the choice of emotionally expressive speech.

Research implications. This study helps us understand the role ethnic values play in constructing communication and the ways in which they can be verbalized in the speech of Norwegian and Latin American people.

Keywords: linguaxiology, Norwegian language, Spanish language, values, slang, cultural identity

For citation:

Nikitina, M. N. (2026). A comparative analysis of the Norwegian language (Bokmål) and Latin American varieties of the Spanish language in the value aspect. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 50–65. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-50-65>

Введение

В современной лингвистике проблема функционирования разговорной речи сохраняет высокую степень актуальности. Исследованием данного феномена занимались как отечественные, так и зарубежные учёные, в числе которых Г. В. Степанов, Н. М. Фирсова, В. А. Хомяков, У. Б. Коцинас, Т. Трити, И. К. Хасунд, Х. Эвиа и другие. Язык представляет собой динамическую систему, функ-

ционирующую в рамках определённой социальной структуры. На реализацию языковых практик воздействует комплекс экстралингвистических факторов. Академик Г. В. Степанов подчёркивает доминирующую роль социального фактора в следующих процессах: «... в регулировании процесса создания вариантов, в закреплении или упразднении вариантных форм, в использовании или неиспользовании их в коммуникативных

целях главную и решающую роль играет социальный фактор» [1, с. 128]. К числу ключевых социальных параметров, детерминирующих особенности речевой коммуникации, относятся статус партнёров по общению, их положение в социуме, престиж, уровень образования, возраст, пол и прочие ситуативные характеристики. Указанные факторы обуславливают лексико-стилистическое варьирование в процессе коммуникации. Это проявляется в степени свободы или регламентации использования разговорных, субстандартных и суперстандартных лексических единиц. Эмпирические наблюдения свидетельствуют о сопоставимом уровне влияния социальных характеристик говорящих на стилистическую вариативность указанных лексических пластов. Таким образом, социально-демографические параметры коммуникантов систематически манифестируются в ходе речевого взаимодействия [2].

Однако, несмотря на структурную целостность разговорной речи как функционального стиля, она характеризуется значительной вариативностью, обусловленной влиянием национальных вариантов языка. В связи с неравномерной степенью разработанности проблематики разговорного стиля в скандинавистике и испанистике особое внимание в данной работе уделяется специфике мексиканского, чилийского, венесуэльского и пуэрто-риканского национальных вариантов испанского языка, а также норвежского языка (букмол). Выбор языков для анализа определяется исследовательским интересом выявления взаимосвязи между ценностными системами этнических сообществ и их языковыми выражениями с позиций лингвоаксиологии.

При анализе лингвокультурных особенностей представляется необходимым учитывать их национально-психологические и социальные характеристики, при этом ключевая роль в исследовании отводится аксиологическому (ценностному) компоненту. В связи с этим целью насто-

ящего исследования является выявление национально-культурной специфики и универсальных ценностей норвежского и рассматриваемых латиноамериканских этносов, а также анализ репрезентации ценностных представлений на уровне разговорной речи. Это потребовало от нас решения следующих задач: показать, какую роль играют этнические ценности в построении коммуникативного акта и какими способами они могут вербализоваться в речи норвежского и латиноамериканского этноса.

В ходе работы применялись следующие методы: метод лингвистического наблюдения и описания, позволивший выявить значимые этнические ценностные доминанты жителей Норвегии и отдельных стран Латинской Америки (Мексика, Чили, Венесуэла, Пуэрто-Рико); сопоставительный анализ, направленный на выявление сходств и различий в языковой объективации ценностей; а также метод сплошной выборки при сборе эмпирического материала из социальных сетей, телетекстов (телесериалов) и материалов норвежских и латиноамериканских интернет-ресурсов. Отдельным предметом рассмотрения в работе становится эмоционально-экспрессивная лексика и принципы её классификации.

Материал исследования

Материалом исследования послужили эмоционально-экспрессивные лексические единицы, наиболее репрезентативные для норвежской и указанных латиноамериканских лингвокультур на примере телесериалов. Считаем, что, хотя диалоги в сериалах представляют собой текст, написанный сценаристом или автором диалога, тем не менее, на наш взгляд, они максимально близки к разговорному варианту рассматриваемых языков. В ходе исследования было проанализировано 10 лексических единиц на норвежском языке (букмол) и 24 на испанском (мексиканский, чилийский, венесуэльский и пуэрто-риканские национальные варианты).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно способствует дополнению существующего научного знания информацией о реализации ценностей в речевых актах. Кроме того, в ходе исследования подтверждается важность аксиолингвистического подхода, который позволяет выявить этнические ценности и продемонстрировать их воздействие на употребление эмоционально-экспрессивных лексических единиц в разговорной речи.

Результаты проведённого исследования могут быть использованы при изучении национально-культурных особенностей скандинавских и латиноамериканских народов и при внедрении в практику преподавания курса по норвежскому и испанскому языку и его вариантов, а также при подготовке курсов социолингвистики, этнопсихолингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, аксиолингвистики и представлять интерес для общего языкознания в целом.

Эмоционально-экспрессивная лексика и её классификация

При рассмотрении разговорной лексики сквозь призму стилистической маркированности представляется возможным выделить несколько групп лексических единиц. К первой группе относятся стилистически нейтральная лексика, функционирующая во всех стилях литературного языка. В её составе особое место занимают бытовизмы – лексемы, не обладающие специализированной стилистической маркированностью, однако относящиеся к разговорному стилю в силу их высокой частотности в семантическом контексте обиходно-бытовой речи.

Вторую группу составляет собственная разговорная лексика, основу которой образуют лексические единицы с выраженной функционально-стилевой маркированностью. В данную категорию входят как нейтральные и экспрессивно окрашенные синонимы, так и слова, не

имеющие нейтральных либо иных стилистических эквивалентов в литературном языке. Особое место в системе экспрессивно окрашенных синонимических средств занимают усечённые лексические единицы (усечённые слова), характеризующиеся специфической стилистической нагрузкой и функционирующие преимущественно в рамках разговорного дискурса (*disco* – *discoteca*, *diver* – *divertido*, *peque* – *pequeño*, *poli* – *policía*, *secre* – *secretaria*, *trajo* – *trabajo*, *tele* – *televisor*, *tranquil* – *tranquilo*, *cari* – *cariño*) [3, с. 125]; увеличительные суффиксы: *-ón*, *-azo*, *-acho*, *-ote*, *-etón*, *-udo*, *-aco*; и уничижительные суффиксы: *-astro*, *-ajo*, *-ejo*, *-acho*, *-ucho*, *-ote*, *-uza*, *-uzco* и другие [4]. Их использование в латиноамериканской разговорно-обиходной речи в разных коммуникативных ситуациях особенно велико.

Так, в пуэрто-риканском варианте испанского языка широко распространена усечённая версия *“mano”* от слова *“hermano”* (брат). Как правило, она используется в дружеском общении: *“Oye mano, vámonos de viaje este fin de semana”*¹ (Слушай, *бро*, отправимся в поездку в эти выходные²).

Что касается норвежского языка, то, как отмечает профессор Ингрид Кристин Хасунд, в нём также выделяется ряд способов словообразовательной редукции, среди которых наиболее распространёнными являются усечение основы, суффиксация, языковая игра и модификация произносительных норм. Процесс усечения слов может осуществляться посредством элиминации начальных, конечных или срединных сегментов лексической единицы. В отдельных случаях редукция сопровождается трансформацией произношения, как, например, в лексеме *“seff”*

¹ Quinn N. 30 Puerto Rican Slang Terms That Only Make Sense In The Caribbean [Электронный ресурс] // *baselang*: [сайт]. URL: <https://baselang.com/blog/vocabulary/puerto-rican-slang/> (дата обращения: 19.03.2026). Далее – 30 Puerto Rican Slang Terms That Only Make Sense In The Caribbean.

² Здесь и далее перевод автора – М. Н.

(сокращённо от “selvfølgelig” «конечно»), где фонетический облик слова изменяется в зависимости от характера его сокращения. Во многих случаях происходит образование дериватов путём усечения производящей основы с одновременной суффиксацией, например, “godis”, сокращение от “godteri” («конфеты») с добавлением суффикса -is. Суффиксы также могут добавляться к словам, которые не сокращаются, например, flottings, где, к слову, flott («великий») добавлен суффикс -ings. В норвежском языке наиболее распространёнными суффиксами для экспрессивно окрашенных слов являются -is, -ing и -ings. Фонетическая и графическая игра в активно употребляющихся лексических единицах также часто используется для создания слов с яркой экспрессивной окраской, например, “halla” – вариант дружеского приветствия от hei/hallo («привет/здравствуйте») [5, S. 48–56].

В рамках анализа эмоционально-экспрессивных лексических единиц особую категорию представляет молодёжный сленг. Данный феномен не является новообразованием в языке; он существует диакронически, подвергаясь закономерным трансформациям и приобретая специфические черты под влиянием различных исторических и социальных процессов [6, с. 316]. Принципиально важным представляется тот факт, что наличие в речи молодого поколения актуальных сленгизмов служит эмпирическим подтверждением непрерывного характера языкового развития, детерминированного экстралингвистическими факторами [7, с. 137].

В отечественном языкознании при дефиниции понятия «сленг» наиболее авторитетной признается трактовка, предложенная В.А. Хомяковым. Согласно данному подходу, сленг рассматривается как «относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые

явления, предметы, процессы и признаки), – компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией» [8, с. 11]. Исследователь подчеркивает, что общий сленг интегрирован в лексическую систему литературного языка и функционирует как «общепринятое средство стилистически сниженной речи, несущей эмоционально-оценочную нагрузку» [8, с. 11]

Скандинавские лингвисты Улла-Бритт Коцинас и Тонэ Трити считают, что сленг – это, прежде всего, творческая игра с языком. Несмотря на то, что сленг нередко негативно характеризуется как «диалект ленивого человека» [9, S. 20], он по определению является результатом словесной игры и новаторства. Без творческого смешения, трансформаций и экспериментов, как со старыми, так и с новыми словами, сленг в конечном итоге теряет свой статус «свежего» и рискует исчезнуть в обычном языке. Эти новые лексические единицы могут быть довольно прогрессивными и, таким образом, создавать впечатление, что носитель языка «изобретателен», «креативен» и «современен». Возможность использования необычных экспрессивно окрашенных слов с юмористической окраской, иронией и шокирующими элементами часто может повысить интерес к сленгу [10, S. 66]

Похожей точки зрения придерживается перуанский учёный Хулио Эвиа, «креативность сленга – это в первую очередь, собственная креативность населения сквозь время». Перуанский сленг является неофициальным языком, который чаще всего встречается в разговорно-обиходной речи и демонстрирует непреодолимую страсть к еде, отражает взгляды на различные виды дискриминации и многое другое¹.

¹ Cerdán G. F. J. Hevia: “La verdadera dinámica de la lengua está en su flujo cotidiano, su fricción permanente” [Электронный ресурс] // Entrevistas desde

По мнению норвежского учёного Ингрид Кристин Хасунд, сленг чаще всего встречается на стилистическом уровне ниже «нейтрального использования языка» [5, S. 8]. Сленг – это групповой язык с социальной и экспрессивной функцией. Таким образом, под сленгом мы будем понимать эмоционально-экспрессивную лексику, характерную для разговорной речи и не совпадающую с нормами литературного языка.

В современной лингвистике на сегодняшний день существуют различные классификации сленговой лексики. Как отмечает Хулио Эвиа, «чаще всего сленгизмы используются, когда речь заходит о мире еды и напитков, футболе, ночных вечеринках, городском насилии и романтических отношениях»¹. В работе Д. К. Бьорватн [11], посвящённой сленгу в норвежском языке, встречается более расширенная классификация:

1. Тело и пол включают слова для обозначения частей тела, функций тела и телесных действий.

2. Вечеринки и состояние опьянения связаны с алкоголем, табаком и наркотиками, а также с их употреблением.

3. Деньги и воровство.

4. Любовь и слова, связанные с влюблённостью.

5. Личные термины – это нейтральные синонимы, например, для таких слов, как «парень», «девушка», «друг» или «полиция».

6. Личные описания включают все остальные слова и оценки, относящиеся к личности. Они описывают внешность, расу, характеристики, способности и различные эмоции.

7. Повседневная жизнь включает в себя различные действия, задачи и хобби, такие как «отдых» («расслабление»).

8. Общие оценки обозначают то, что приводит в восторг, смешно, глупо или

скучно. Эти слова в основном используются для оценки и описания общих событий, таких, как «великолепно», «не очень», «раздражающе», «потрясающе», «очень хорошо» и «смеюсь вслух».

9. Сленговые слова включают в себя ругательства, оскорбления и табуированные слова, например, ffs stfu («ради бога, заткнись»).

10. Приветствия и восклицания охватывают устойчивые выражения, комментарии и слова для привлечения внимания, например, ey!, wtf («что за хрень»), wolla (араб. «клянусь Аллахом»), yolo («живёшь только раз») и норвежский вариант yolo, dleg («живёшь только раз»).

11. Другие темы представляют собой собирательную категорию слов, которые не подходят к другим категориям. Они связаны со спортом, одеждой, едой, транспортными средствами, числами и игрушками, как например, godis («конфеты»), gunner («пистолет»/«огнестрельное оружие») и dog («собака»).

12. Слова, которые ничего не описывают, не относятся к конкретному контексту и не принадлежат ни к какой другой категории. Примеры: oho («также») и fordi («потому что») [11, S. 19].

В настоящем исследовании, опираясь на предложенную классификацию, мы выявляем национально-культурные особенности и универсальные ценности, характерные для жителей Норвегии, Мексики, Чили, Венесуэлы и Пуэрто-Рико. Кроме того, в работе демонстрируется характер их влияния на речевое поведение коммуникантов и на выбор эмоционально-экспрессивных средств в рамках разговорной речи.

Анализ и результаты

Изучение романтических отношений и любви как культурного феномена показывает, что для норвежцев, как и для иных скандинавских народов, одной из ключевых ценностей являются семья и близкие люди. Семья функционирует как закрытая социальная группа, инклюзив-

Lima : [сайт]. URL: <http://entrevistasdesdelima.blogspot.com/2018/07/julio-hevia.html> (дата обращения: 18.03.2026). Далее – Entrevistas desde Lima.

¹ Entrevistas desde Lima.

ность которой ограничена кругом родственников и близких друзей [12, с. 52]. В молодёжном дискурсе, где романтические отношения играют важную роль, данная ценностная ориентация проявляется в активном употреблении сленговых лексических единиц, репрезентирующих концепты «влюблённость» и «отношения».

Рассмотрим следующий диалог из телетекста “Skam”¹:

Even: God stemming med hun Emma eller? (Хорошо провёл время с Эммой?)

Isak: Hun er på hun (Она нечто).

Even: Ja du vet at jeg og Sonja har data siden vi var 15 år eller no (Ты знаешь, что мы с Соней мутим с пятнадцати лет или около того).

Isak: Okay (Понятно).

Even: Og... jeg merker jo det at vi skli mer og mer fra hverandre. Men jeg kan ikke dumpe Sonja (И я замечаю, что мы всё больше отдаляемся друг от друга. Но я не могу бросить Соню).

Приведённый диалог демонстрирует обоюдную направленность коммуникантов на развитие романтических отношений. Вербализованные в диалогическом дискурсе эмоциональные состояния (вовлечённость, обеспокоенность) служат индикатором ценностного отношения субъектов к сфере любовных переживаний и детерминируют выбор соответствующих эмоционально-экспрессивных лексических средств. На основании проведённого анализа правомерен вывод о том, что ценность «семья и романтические отношения» является одной из доминантных в структуре норвежского менталитета.

Не вызывает сомнения тот факт, что для латиноамериканских этносов тема любви тоже остаётся одной из ведущих. Например, для чилийцев не редкость начать встречаться и довольно быстро заводить серьёзные отношения. Чилийцы очень ответственно относятся к роман-

тическим отношениям и ориентированы на создание семьи. Чили – это, прежде всего, коллективистская культура, и семья играет в обществе главную роль. Друзья противоположного пола не приветствуются, а совместное проживание до свадьбы встречается крайне редко. На публике чилийцы обычно открыто проявляют любовь и нежность, а в разговорной речи используют много сленговой лексики на данную тематику². Особо распространёнными являются лексические единицы “engrupir”, что означает «флиртовать (клеиться)» и “pololo/la” – «молодой человек (бойфренд)/ девушка». Например:

– Estaba engrupiendo a Carla (Я клеился к Клапе);

– Lucía es mi polola desde hace dos años (Люсия – моя подружка уже два года³).

Аналогичная ситуация фиксируется в Венесуэле: для представителей венесуэльского этноса семья и межличностные отношения характеризуются высокой степенью значимости. Как отмечает Н. М. Фирсова, при знакомстве считается оскорбительным, представить свою жену как “mi mujer”, вместо этого необходимо использовать уважительную форму “mi esposa” (моя супруга) или “mi señora”. Что касается эмоционально-экспрессивных лексических единиц, то они особенно популярны среди молодёжи и отличаются «дружеской, фамильярной, неформальной коннотацией» [3, с. 279–284]. Например, такие слова, как “jeva” и “cuaima” обозначают «девушку/подружку», но есть различия. В первом случае речь идёт о чьей-то девушке, во втором – об очень ревливой девушке.

² Dating in Chile: In Conversation with Jennifer Ramos [Электронный ресурс] // Pink Pangea : [сайт]. URL: <https://pinkpangea.com/2016/08/dating-in-chile-real-deal/> (дата обращения: 21.01.2026).

³ From Patagonia to Santiago: 47 Chilean Slang Words You Should Know [Электронный ресурс] // Pink Pangea : [сайт]. URL: <https://pinkpangea.com/2016/08/dating-in-chile-real-deal/> (дата обращения: 19.03.2026). Далее – From Patagonia to Santiago: 47 Chilean Slang Words You Should Know.

¹ SKAM / dir. J. Andem. Norway: NRK, 2016–2017.

– Pensé que ibas a venir con tu *jeva* (Я думал, ты придёшь со своей *подружкой*);

– Juan por fin se consiguió una novia, pero es demasiado *cuaita* (Хуан наконец-то нашёл себе девушку, но она *одержима ревностью*)¹.

Обобщение результатов анализа представленного языкового материала свидетельствует о наличии общей закономерности: функционирование сленговых единиц с семантикой любви и романтических отношений в чилийском и венесуэльском национальных вариантах испанского языка, аналогично норвежскому языку, напрямую коррелирует с актуализацией ценностного концепта «семья и романтические отношения».

Исследование лексических единиц, содержащих оценочный компонент, релевантно проводить с учётом особенностей политической культуры Норвегии, которая характеризуется высоким уровнем развития и базируется на принципах свободы, порядка и равенства [13, с. 259]. Имиджевые характеристики страны детерминированы такими факторами, как социальный мир, справедливость, высокий уровень и удовлетворённость качеством жизни [14, с. 54]. Категория благополучия в норвежском общественном дискурсе непосредственно коррелирует с идеями равноправия и равенства возможностей [15]. В системе ценностных ориентаций норвежского этноса доминирующее положение занимают сострадание, толерантность, убеждённость в равной ценности личности, искренность, свобода самовыражения, межличностное доверие, а также креативность и инновационность. Принадлежность норвежцев к индивидуалистическому типу культуры обуславливает приоритетность экспликации личностной позиции в комму-

никации [14]. В качестве подтверждения обратимся к иллюстративному материалу из норвежского телесериала “Skam”:

1) Jonas: Hvem er han *duden* der da? (Кто этот *чувак*?)

Isak: Han der? Han er sånn derre *revynørd* fra den derre gruppa til Vilde (Он? Он просто какой-то *фанат театра* из группы Вильды).

2) Even: Kul leilighet (Крутая квартира).

Isak: Takk (Спасибо).

Emma: Det er *drit kult* her, det er *sykt* fint. Assa det er kollektiv lissom, det er alltid *kule* folk her (Здесь так *круто*, просто невероятно *круто*. Это съёмная квартира, здесь всегда *крутые* люди).

Анализ представленных диалогических фрагментов показывает, что коммуниканты обмениваются мнениями, сформированными на основе личного опыта и априорных характеристик обсуждаемых лиц. На этом основании можно заключить, что ценность «честность» актуализируется в коммуникативной ситуации «высказывание мнения/впечатления» и выступает фактором, детерминирующим употребление оценочных сленговых единиц в речи говорящих.

Что касается национального характера латиноамериканцев, им свойственно частое использование «этнических апеллятивов», зачастую имеющих пейоративную окраску [3, с. 77–78]. Нередко подобные обращения основаны на внешних данных или личных качествах человека. Широко распространённое употребление данных апеллятивов в речи латиноамериканцев вызвано реализацией ценности «честность». Так, в пуэрто-риканском варианте испанского языка лексическая единица “*pelaò*” обозначает наивную и неопытную юную девушку. Например: “*Ese pelaò no sabe nada de la vida todavía*” (Эта *соплячка* ещё ничего не знает о жизни)².

¹ Quinn N. Venezuelan Slang: 40 Words To Sound Like A True Venezolano [Электронный ресурс] // baselang: [сайт]. URL: <https://baselang.com/blog/vocabulary/venezuelan-slang/> (дата обращения: 19.03.2026). Далее – Venezuelan Slang: 40 Words To Sound Like A True Venezolano.

² Más allá del español estándar: Una exploración del argot puertorriqueño [Электронный ресурс] // promova: [сайт]. URL: <https://promova.com/es/blog/puertorican-slang> (дата обращения: 25.11.2025).

В чилийском варианте испанского языка для описания очень скромного и тихого человека используется слово “*piola*”: “Fernando es bien *piola*” (Фернандо – такой *скромник/тихоня*)¹. При этом для чилийцев характерно употребление сленговых апеллятивов не только с отрицательной коннотацией, но и с положительной. Существует целый ряд наиболее популярных сленгизмов, связанных с внешностью и характером собеседника. К одним из часто используемых в разговорной речи можно отнести словосочетание “Buena onda”. Как правило, оно встречается в коммуникативной ситуации «знакомство» или с целью поделиться хорошим впечатлением о человеке: “Esa mina es buena onda” (Эта красотка такая *классная*). Если же чилиец хочет выразить мнение о богатом человеке, он будет использовать лексическую единицу “*cuico/ca*”: “Tu pololo es un *cuico*” (Твой бойфренд – *толстосум*). Для описания красивой и привлекательной девушки или молодого человека применительно слово “*Mino/a*”:

– ¡Mira ese *mino*! (Смотри, этот *красавчик*!);

– Conocí a esa *mina* en el carrete (Я встретил ту *красотку* на вечеринке)².

Интересно отметить, что в мексиканском варианте испанского языка в качестве сленговых апеллятивов часто встречаются «метафорически переосмысленные имена существительные и субстантивированные прилагательные» [3, с. 77]. Наиболее ярким примером можно считать слово “*fresa*”, которое переводится как «клубника». Однако мексиканцы под этим словом подразумевают человека, который является высокомерным снобом и считает себя лучше других: “Sabes que no me gusta salir con hombres como él, es demasiado *fresa*” (Знаешь, мне не нравится встречаться с такими мужчинами, как он, он такой *выпендрёжник*)³.

¹ From Patagonia to Santiago: 47 Chilean Slang Words You Should Know.

² Там же.

³ Quinn N. Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound

Ещё одним примером является слово “*prieto*”. В восприятии представителей других культур данная лексема может обладать расово-дискриминационным оттенком, однако в мексиканском национальном варианте испанского языка она лишена пейоративной семантики и функционирует как нейтральный этнографический маркер, обозначающий лиц со смуглой кожей: “¿Recuerdas quién es Daniel? Mi amigo *prieto*, estuvo acá el otro día” (Помнишь Даниэля? Мой *темнокожий* друг, он был здесь на днях)⁴.

В венесуэльском варианте испанского языка также существуют метафорически переосмысленные лексические единицы, к одной из таких относится “*pilas*”. Данное слово имеет два разных значения. В первом случае его можно перевести, как «будь осторожен», во-втором – «сообразительный человек». Например:

– *Pilas* con ese cuchillo, lo afilé hoy (Этот нож *стрёмный*, я им сегодня порезался);

– Tu primo es muy *pilas*, a mi hermano le costó una semana entender ese tema en matemática (Твой кузен – *реальный ботан*, моему брату потребовалась неделя, чтобы понять эту тему на уроке математики)⁵.

Лексическая единица “*quedao*” имеет прямо противоположное значение. Обычно её используют, когда речь идёт о долго соображающем человеке, плохо понимающем шутки или намёки: “Tu si eres *quedao*, ella lleva tiempo tratando de decirte algo” (Ты – такой *тормоз*, она уже давно пытается тебе что-то сказать). И ещё одна популярная среди венесуэльцев лексическая единица с отрицательным коннотативным значением – “*sifrino*”. По своему значению она похожа на сленгизм “*fresa*” в мексиканском варианте испанского

Like A Local [Электронный ресурс] // baselang : [сайт]. URL: <https://baselang.com/blog/vocabulary/mexican-slang/> (дата обращения: 19.03.2026). Далее – Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound Like A Local.

⁴ Там же.

⁵ Venezuelan Slang: 40 Words To Sound Like A True Venezuelan.

языка, но при этом подразумевает высокомерного человека, который покупает только самые дорогие бренды, не проработав ни дня в своей жизни. Например: “Había un grupo de *sifrinas* en el centro commercial” (Вон там компашка *мажорок* в торговом центре)¹.

Таким образом, сопоставительный анализ иллюстративного материала в норвежском языке и латиноамериканских национальных вариантах испанского языка позволяет выявить общую тенденцию: использование оценочных сленгизмов регулярно наблюдается в коммуникативных ситуациях, предполагающих выражение субъективной оценки или характеристики происходящих событий, а также лиц, вовлечённых в данные события. При этом речевое поведение коммуникантов обусловлено ценностной ориентацией на «честность», что предполагает допустимость и даже нормативность открытой демонстрации личных убеждений в процессе общения.

Далее анализу подвергаются сленговые лексические единицы, относящиеся к категориям оскорбления и инвективной лексики. Как известно, понятия вежливости и невежливости являются релятивными, что особенно заметно при сравнении различных культур, стран или даже городских сообществ. Употребление инвектив в коммуникативном акте, как правило, маркируется как отклонение от речевого этикета. Так, использование фразы “*dette var jævlig godt*” («это было чертовски вкусно») представляется неуместным в ходе семейного торжества, однако в молодёжной среде, в частности, в рамках неформального общения близких друзей, данное выражение не выходит за пределы коммуникативной нормы. Из сказанного следует, что в процессе коммуникации необходимо учитывать характер межличностных отношений коммуникантов, тематику беседы и ситу-

ативный контекст. Особого внимания заслуживают коммуникативные ситуации, детерминированные необходимостью выражения негативных эмоций (недовольства, раздражения, гнева, отчаяния). В этой связи показательно наблюдение норвежского исследователя Райдюн Аамбё, согласно которому вербальная репрезентация гнева и перлокутивный эффект сказанного обусловлены как культурными, так и индивидуально-психологическими факторами [15, S. 24]. Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что для носителей норвежского языка особую значимость приобретает соблюдение социальной ценности «личное достоинство».

В качестве примера проиллюстрируем диалог из телетекста “Skam”:

Emma: *Dust* (*Придурок*).

Isak: Er jeg *dust*? Du synes jeg er *dust*?
Faen. Da er det to jenter som synes jeg er *dust*, både hun søte og så deg da. Nåhå oi, prøver du å drepe meg med det blikket der? Prøvde du det? Oioi! Er jeg *virkelig så dust*, synes du det? (Я *придурок*? Ты думаешь, я *придурок*? Блин. Тогда теперь две девушки считают меня *придурком*, одна милая, а вторая – ты. Ха-ха, ой, пытаешься убить меня взглядом? Ты пыталась? Ой-ой. Ты думаешь, я, правда, такой *придурок*?)

Анализ семантики данной коммуникативной ситуации позволяет заключить, что оба участника общения вербализуют негативные эмоциональные состояния: со стороны девушки наблюдается выражение обиды, тогда как молодой человек демонстрирует удивление и разочарование. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что содержательная структура диалога обусловлена апелляцией к ценностной ориентации «личное достоинство», значимой для обоих коммуникантов.

В латиноамериканских национальных вариантах испанского языка многие черты национального характера соответствующих этносов находят наиболее яркое выражение именно в языковых

¹ Venezuelan Slang: 40 Words To Sound Like A True Venezolano.

формах. В частности, это проявляется в высокой степени эмоциональности и экспансивности, что отчётливо наблюдается в области межвариативной синонимии экспрессивно-эмоциональной лексики. Примером может служить ряд синонимов с общеиспанскими доминантными словами *tonto*, *bobo* (дурак, глупец, придурок): *agüevonado* (*agüevoneado*, *agüevoniao*), *apendejado*, *boberto*, *bolsa*, *capocho*, *cipote*, *chavista*, *conejo*, *gato*, *güevón* (*hueyón*), *inútil*, *lento*, *maleta*, *Mario*, *mula*, *ñero*, *ñongo*, *pajúo* (*pajudo*), *pendejo* (*péndelo*), *pene*, *pipia*, *quedado*, *sardina*, *tara* (*tarupido*), *toche*, *tostado*, *tr olo*, *vergazo*, *zoquete* и другие. Данный синонимичный ряд особенно распространён в разговорной речи различных слоёв общества (среди них иногда встречаются образованные лица). Примечательно, что в ряде латиноамериканских стран в последние годы широко используются (не только среди низших слоёв населения, а также молодёжи) жаргонные лексические единицы, которые нередко вытесняют нормативную лексику, довольно часто употребляются табуированные ранее слова и выражения [16, с. 216–217].

В мексиканском национальном варианте испанского языка функционирует значительный пласт эмоционально-экспрессивной лексики. Так, лексема “*pinche*” употребляется для характеристики предметов или явлений, оцениваемых как нечто уродливое, ужасное либо низкокачественное. При этом в коммуникативной практике данная единица регулярно используется в функции инвективы, выполняя роль ругательства или оскорбления.

Например:

– ¡Jajaja! *Pinche* Ricardo, siempre sales con esas cosas (Хахаха! Придурок Рикардо, ты всегда выдаёшь что-то подобное);

– Eres un *pinche* idiota, Ricardo (Ты – тупой идиот, Рикардо)¹.

Ещё одной репрезентативной сленговой единицей является лексема “*chafa*”, функционально-семантический диапазон которой охватывает как характеристику предметов низкого качества, так и выражение эмоциональных состояний недовольства и разочарования.

Например: “*Esa camisa está chafa*” (Эта рубашка – *полный отстой*)².

В чилийском варианте испанского языка часто встречается эмоционально-экспрессивное выражение “¡Andate a la chucha!”, которое употребляется, когда говорящий чем-то сильно рассержен и хочет прекратить общение: “¡Andate a la chucha, Carlos! No quiero hablar más contigo” (*Иди к чёрту, Карлос! Не хочу больше с тобой разговаривать*)³.

На основе анализа вышеуказанных примеров можно констатировать, что коммуниканты выражают эмоции раздражения и недовольства, что, в свою очередь, служит индикатором неприемлемости для них сложившейся коммуникативной ситуации или поведения партнёров по общению. Из этого следует заключение, что, подобно норвежцам, для мексиканцев и чилийцев ценность «личное достоинство» представляет собой одну из фундаментальных составляющих коммуникативного поведения.

Перейдём к рассмотрению устойчивых сленговых выражений, функционирующих в качестве средств привлечения внимания и репрезентации различных эмоциональных состояний. Согласно наблюдению Райдюн Аамбё, культуры с «плоской» социальной структурой, к числу которых относится Норвегия, характеризуются меньшим объёмом и разнообразием поведенческих кодов по сравнению с «вертикальными» культурами, отличающимися выраженной иерархичностью [15, S. 7]. Данная взаимосвязь находит закономерное отражение в вы-

¹ Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound Like A Local.

² Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound Like A Local.

³ From Patagonia to Santiago: 47 Chilean Slang Words You Should Know.

боре речевых средств. Очевидно, что в коммуникации с друзьями, равно как и с незнакомыми лицами, норвежцы применяют различные поведенческие паттерны и лексические единицы с целью выражения вежливости или дружелюбия. Примечательно, что в профессиональной сфере для норвежцев характерен неформальный стиль общения. Как подчёркивает исследователь, «редко можно определить статус собеседника по форме приветствия или обращению по званию в разговоре с начальником, священником, политиком или учителем» [15, С. 10].

В качестве примера рассмотрим диалог из телетекста “Beforeignes” («Пришельцы из прошлого»)¹:

Lars: Nei, takk. Jeg tåler ikke gluten (Нет, спасибо. У меня непереносимость глютена).

Alfhildr: Hva faen er gluten? (Что за хрень этот глютен?)

Участниками данного диалога являются старший детектив Ларс и его стажёр Альфхильдр. В данной коммуникативной ситуации напарница угощает детектива сэндвичем и на его отказ реагирует при помощи сленговой лексической единицы “Hva faen/ Fy faen”, что свидетельствует о неформальных отношениях между ними и проявлении дружелюбия.

Рассмотрим ещё несколько примеров из телетекста “Skam”, где наряду с популярным восклицанием “Hva faen/ Fy faen” встречается распространённое среди молодёжи приветствие “halla”:

1) Isak: Halla (Здорóво).

Mahdi: Halla sviker (Здорóво, предатель).

Jonas: Halla tan (Здорóво, чувак).

Isak: Sviker? Hva faen? (Предатель? Какого хрена?)

2) Сообщение другу: “Halla, takk for i går. Hva er planen i dag?” (Здорóво, спасибо за вчера. Какие на сегодня планы?)

3) Even: Sonja har aluminiumsben. Hun tråkket på en landmine på Tjøme når hun var 9 år gammel. (У Сони алюминиевая нога. Она наступила на мину в Хьёме, когда ей было девять лет).

Isak: Du koddet. Du koddet? Ja? Fy faen, hvordan kan du koddet sånt? (Ты прикалываешься. Ты прикалываешься? Да? Блин, как ты можешь так прикалываться?)

Even: Trur du virkelig det fins landminer på Tjøme eller? (Ты, правда, веришь, что в Хьёме есть наземные мины?)

Isak: Jeg veit da faen jeg. Men assa- du kan ikke koddet med noe sånt (Да хрен его знает. Но ты не можешь прикалываться такими вещами).

Как можно заметить, во всех рассмотренных примерах участники диалогов принадлежат к близкому дружескому кругу, что находит непосредственное отражение в использовании значительного количества неформальных приветствий и восклицательных конструкций. Как отмечалось ранее, функционирование данных сленговых единиц является релевантным преимущественно в дружеской среде либо в ситуациях, когда коммуникант намерен продемонстрировать собеседнику дружелюбное расположение. Таким образом, обобщая результаты анализа примеров из двух анализируемых телевизионных текстов, можно утверждать, что употребление сленговых средств с целью аттракции внимания и выражения эмоций в норвежском языке детерминировано ценностной ориентацией на «дружелюбие».

По сравнению с норвежцами латиноамериканским этносам свойственна большая эмоциональность и экспансивность. Как отмечает Н. М. Фирсова, когда латиноамериканцы собираются большими группами, им свойственна громкая, быстрая речь и частый громогласный смех. Латиноамериканцы общительны, доброжелательны, гостеприимны и очень ценят дружбу [16, с. 216], что находит ярчайшее отражение в их национальных вариантах испанского языка. Далее более подробно

¹ Beforeignes / dir. J. Lien. Norway: Rubicon TV AS? 2018–2022.

будут рассмотрены эмоционально-экспрессивные восклицания и обращения в пуэрто-риканском, венесуэльском и мексиканском национальных вариантах испанского языка.

Так, в Пуэрто-Рико для выражения широко спектра эмоций от радости до грусти и удивления используется лексическая единица “¡Ay bendito!” (Нифига себе! Ого!). Например: “¡Ay bendito! que alegría verte” (*Нифига себе! Как здорово увидеть тебя!*)¹. В качестве приветствия, как правило, употребляется слово “mea” (Эй/Слушай) [17, с. 140].

В Венесуэле к наиболее распространённым сленговым восклицаниям относятся “¡Chamo!” и “¡Si va!”. Лексическая единица “¡Chamo!” (Чувак) обычно используется для привлечения внимания и может употребляться как по отношению к друзьям, так и незнакомым людям. Например: “¡Chamo! Tiempo sin verte, ¿qué tal todo?” (*Чувак! Давно тебя не видел, как дела?*). Восклицание “¡Si va!” (Лады/ладушки/океюшки) является кратким комментарием, выражающим согласие или понимание со стороны собеседника. Например: “¡Si va! Nos vemos a las cinco entonces” (*Лады! Тогда увидимся в пять!*)².

В Мексике данную функцию выполняют слова “¡Órale!” (Бай!) и “Güey” (Чувак/чел). “¡Órale!”, как правило, имеет множество различных семантических значений, таких как удивление, одобрение и энтузиазм. Например: “¡Órale! ¿Y tu desde cuando trabajas tanto?” (*Бай! И с каких это пор ты так много работаешь?*)³. Сленгизм “Güey” по своему значению похож на венесуэльский “¡Chamo!” и обычно используется для обращения к друзьям или знакомым. Иногда приобретает саркастический от-

тенок в случае неприятной коммуникативной ситуации с незнакомцем: “¡Mira güey, ¿salimos hoy o que?” (Эй, чувак, мы сегодня идём куда-нибудь или как?)⁴.

Проведённый анализ вышеуказанных примеров свидетельствует о том, что в разговорной речи представителей латиноамериканских этносов наблюдается устойчивая тенденция к упрощению структуры коммуникативного акта, что находит выражение в многообразии неформальных восклицаний и сленговых форм обращения к собеседнику. Из этого следует, что, аналогично норвежскому языку, ценностная ориентация на «дружелюбие» детерминирует выбор эмоционально-экспрессивных речевых средств в мексиканском, венесуэльском и пуэрто-риканском национальных вариантах испанского языка.

Заключение

Таким образом, феномен национально-культурной специфики находит отчётливое выражение в сфере разговорной речи. Национальная межвариантная специфика коммуникации в латиноамериканских вариантах испанского языка и норвежском языке (букмол) особенно рельефно проявляется в использовании эмоционально-экспрессивных лексических единиц, в частности сленгизмов. Наиболее часто встречающимися лексическими единицами в норвежском языке (букмол) являются: “halla” (здорово) и “hva faen / fy faen” (какого хрена). Что касается латиноамериканских вариантов испанского языка (мексиканский, чилийский, венесуэльский и пуэрто-риканский), все рассмотренные лексические единицы встречались с одинаковой частотой употребления. Анализ иллюстративного материала позволил выявить общие этнические ценности, детерминирующие речевое поведение носителей рассматриваемых языков. Были выявле-

¹ 30 Puerto Rican Slang Terms That Only Make Sense In The Caribbean [Электронный ресурс]. URL: <https://baselang.com/blog/vocabulary/puerto-rican-slang/> (дата обращения: 19.11.2024).

² Venezuelan Slang: 40 Words To Sound Like A True Venezuelan.

³ Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound Like A Local.

⁴ Mexican Slang: 38 Words To Make You Sound Like A Local.

ны такие общие этнические ценности, как «честность», «дружелюбие», «личное достоинство» и «семья и романтические отношения», определена их значимость и проиллюстрированы различные способы их функционирования.

Так, ценность «честность», объединяющая норвежский язык, а также мексиканский, чилийский, венесуэльский и пуэрто-риканский варианты испанского языка, актуализируется в выборе речевых средств, ориентированных на открытое выражение собственного мнения. Ценность «дружелюбие» проявляется в стремлении к упрощению речевого взаимодействия между коммуникантами и реализуется путём использования неформальных приветствий и восклицаний в норвежском языке, мексиканском, венесуэльском и пуэрто-риканском вариантах испанского языка. Ценность «семья и романтические отношения», являющаяся общей для норвежского языка, чилийского и венесуэльского вариантов испанского языка, обуславливает употребление сленговых лексических единиц соответствующей тематической направленности. Ценность «личное достоинство» находит отражение в использовании инвективной лексики, выражающей негативные эмоции (гнев, раздражение, обида), в норвежском языке, мексиканском и чилийском вариантах испанского языка.

Следовательно, можно заключить, что лексико-стилистическое варьирование и употребление эмоционально-экспрессивных лексических единиц различного спектра в норвежском языке (букмол) и в латиноамериканских вариантах испанского языка (мексиканском, чилийском, венесуэльском, пуэрто-риканском)

представлено достаточно широко, что детерминируется не только социальной структурой соответствующих обществ, но и ценностными ориентациями данных этносов. Таким образом, применение аксиолингвистического подхода позволяет заключить, что этнические ценности выступают неотъемлемым компонентом коммуникативного акта и оказывают определяющее влияние на вербализацию соответствующих языковых средств.

Теоретическая значимость проведённого исследования заключается в развитии положений лингвоаксиологии и социолингвистики: работа вносит вклад в понимание механизмов влияния этнических ценностей на построение коммуникативного акта и выбор эмоционально-экспрессивных средств (в частности, сленга). Выявлены не только универсальные ценностные доминанты («честность», «дружелюбие», «личное достоинство», «семья и романтические отношения») в типологически разных языках (норвежском и латиноамериканских вариантах испанского), но и показано, как эти ценности детерминируют речевое поведение. Практическая значимость работы определяется возможностью использования её результатов в учебном процессе при разработке курсов по межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, этнопсихолингвистике, а также при преподавании норвежского и испанского языка (с учётом национальных вариантов). Полученные данные могут быть полезны для специалистов в области перевода, социолингвистики и всех, кто изучает национально-культурную специфику речевого общения скандинавских и латиноамериканских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования: Испанский язык Испании и Америки; 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 325 с.
2. Токарева И. Е. Лексико-стилистическая вариативность языка: социальный и гендерный аспект: (На материале произведений Джона Фаулза): автореф. дис. ... канд. фил. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 22 с.
3. Фирсова Н. М. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 342 с.

4. Федосова О. В. О языке современной испанской молодежи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 2 (26). С. 62–67.
5. Hasund I. K. *Slang*. Oslo: Kunnskapsforlaget, 2006. 109 S.
6. Горемыкина О. И. Английские заимствования как источник пополнения современного молодежного сленга // Наукосфера. 2022. № 11-1. С. 315–319.
7. Смеюха В. В. Функционирование молодежного сленга в СМИ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. Т. 9. № 2. С. 137–148.
8. Хомяков В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1980. 39 с.
9. Tryti T. *Norsk Slang*. Oslo: Universitetsforlaget, 1984. 233 S.
10. Kotsinas U.-B. *Ungdomsspråk*, 3. uppl., Uppsala: Hallgren & Fallgren, 2004. 184 S.
11. Bjorvatn D. K. *Slang i norsk. Forskningskampanjen 2014. Masteroppgave*. Oslo: Universitet i Oslo, 2015. 92 S.
12. Оришев А. Б. Норвежцы: социокультурный портрет // Вестник экспериментального образования. 2021. № 2 (27). С. 48–58.
13. Денисюк Н. П., Мельников А. П. Политическая культура Норвегии // Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна. 2012. № 8-1. С. 250–256.
14. Мартыненко В. О., Чернышов Ю. Г. Формирование норвежского национального самосознания в период датско-норвежской унии (1536–1814 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2024. № 2 (136). С. 53–61. DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-08.
15. Aambø R. *Typisk norsk å være uhøflig*. Volda: Volda University College, 2008. 143 S.
16. Фирсова Н. М. Основные черты национального характера венесуэльцев // Вопросы иберо-романистики. 2013. № 12. С. 215–219.
17. Говорова Л. А. Лингвокультурологические параметры идентичности пуэрториканцев // Вопросы современной лингвистики. 2023. № 4. С. 136–143. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-136-143.

REFERENCES

1. Stepanov, G. V. (2004). *On the problem of linguistic variation: The Spanish language of Spain and America*. Moscow: Editorial URSS publ. (in Russ.).
2. Tokareva, I. E. (2006). *Lexical and stylistic variability of language: social and gender aspects (Based on the works of John Fowles)* [dissertation]. Rostov-on-Don (in Russ.).
3. Firsova, N. M. (2007). *Modern Spanish in Spain and Latin America*. Moscow: AST publ., Vostok–Zapad publ. (in Russ.).
4. Fedosova, O. V. (2008). On the language of modern Spanish youth. In: *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*, 2 (26), 62–67 (in Russ.).
5. Hasund, I. K. (2006). *Slang*. Oslo: Kunnskapsforlaget.
6. Goremykina, O. I. (2022). English loanwords as the source of replenishment in contemporary youth slang. In: *Naukosfera*, 11-1, 315–319 (in Russ.).
7. Smeyukha, V. V. (2023). The functioning of youth slang in the media. In: *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences*, 9 (2), 137–148 (in Russ.).
8. Khomyakov, V. A. (1980). *Non-standard vocabulary in the structure of the English language of the national period* [dissertation]. Leningrad (in Russ.).
9. Tryti, T. (1984). *Norsk Slang*. Oslo: Universitetsforlaget.
10. Kotsinas, U.-B. (2004). *Ungdomsspråk*. Uppsala: Hallgren & Fallgren.
11. Bjorvatn, D. K. (2015). *Slang i norsk. Forskningskampanjen 2014. Masteroppgave*. Oslo: Universitet i Oslo.
12. Orishev, A. B. (2021). Norwegians: sociocultural portrait. In: *Journal of experimental education*, 2 (27), 48–58 (in Russ.).
13. Denisuk, N. P. & Melnikov, A. P. (2012). Political culture of Norway. In: *Scientific Proceeding of Brest State A. S. Pushkin University*, 8-1, 250–256 (in Russ.).
14. Martynenko, V. O. & Chernyshov, Yu. G. (2024). The Formation of the Norwegian National Identity during the Danish-Norwegian Union (1536–1814). In: *Izvestiya of Altai State University*, 2 (136), 53–61. DOI: 10.14258/izvasu(2024)2-08 (in Russ.).

15. Aambø, R. (2008). *Typisk norsk å være uhøflig*. Volda: Volda University College.
16. Firsova, N. M. (2013). The main features of the national character of Venezuelans. In: *Ibero-Romance Studies*, 12, 215–219 (in Russ.).
17. Govorova, L. A. (2023). Linguistic and cultural parameters of the identity of Puerto Ricans. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 136–143. DOI: 10.18384/2949-5075-2023-4-136-143 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитина Мария Сергеевна (г. Москва) – кандидат филологических наук доцент кафедры английского языка 1 Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры теории, практики и дидактики перевода Университет мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского;
<https://orcid.org/0000-0002-0046-2593>; e-mail: mariasergnik@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariia S. Nikitina (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Language no. 1, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Assoc. Prof., Department of Theory, Practice and Didactics of Translation, Zhirinovskiy University of World Civilizations;
<https://orcid.org/0000-0002-0046-2593>; e-mail: mariasergnik@gmail.com

Научная статья

УДК 81'255:22.05.06

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-66-79

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ: СТРАНИЦА ПРОШЛОГО ИЛИ АКТУАЛЬНОЕ НАСТОЯЩЕЕ?

Хухуни Г. Т.^{2*}, Осипова А. А.¹

¹ *Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Российская Федерация*

² *Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация*

* *Корреспондирующий автор, e-mail: khukhuni@mail.ru*

Поступила в редакцию 16.01.2026

После доработки 30.01.2026

Принята к публикации 04.02.2026

Аннотация

Цель – исследовать сущность понятия «лингвистическое переводоведение», показать общие и специфические особенности, присущие его различным представителям, и обосновать положение о сохранении актуальности многих его постулатов в наши дни.

Процедура и методы. Исследованы труды, относящиеся к названной проблеме, изучено отношение к лингвистическим теориям перевода отечественных и зарубежных авторов, проанализированы существующие в специальной литературе суждения по данному вопросу и дана их критическая оценка.

Результаты. Доказано, что наблюдающаяся в последние десятилетия в отечественных и зарубежных трудах по переводу тенденция подвергнуть установки лингвистического переводоведения коренному пересмотру, отказаться от выработанных в нём понятий и категорий и рассматривать его как прошедший этап в развитии науки является односторонней и не может считаться оправданной, вследствие чего вполне целесообразным следует признать сохранение его в качестве составной части ныне существующего паспорта специальности 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Теоретическая и практическая значимость Содержащийся в предлагаемой статье фактический материал и сделанные на его основе выводы позволят прояснить некоторые методологически важные аспекты лингвистического переводоведения и показать необходимость применения существующего в нём понятийного аппарата в дальнейших исследованиях в данной области. Сформулированные в работе результаты могут быть использованы при прохождении курсов теории перевода и истории перевода и переводческой мысли в высшей школе.

Ключевые слова: адекватность, лингвистическая теория перевода, перевод, скопос-теория, цель, эквивалентность

Для цитирования:

Хухуни Г. Т., Осипова А. А. Лингвистическое переводоведение: страница прошлого или актуальное настоящее? // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 66–79. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-66-79>

Original research article

LINGUISTIC TRANSLATION STUDIES: THE PAGE OF THE PAST OR ACTUAL PRESENT?

G. Khukhuni^{2*}, A. Osipova¹

¹ Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russian Federation

² Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: khukhuni@mail.ru

Received by the editorial office 16.01.2026

Revised by the author 30.01.2026

Accepted for publication 04.02.2026

Abstract

Aim. The aim is to explore the essence of the concept of “linguistic translation studies,” to demonstrate the general and specific features inherent in its various representatives, and to substantiate the position on the continued relevance of many of its postulates today.

Methodology. The body of texts related to this subject is examined. The relation of the Russian and foreign authors to the linguistic translation studies is covered. The existing opinions about this problem are analyzed and critically estimated.

Results. It is proved, that the tendency to fundamental revision of the linguistic translation studies principles and to abdicate its notions and categories as the passed stage in the development of translation science is one-sided and can't be justified. So, its preservation as the part of the speciality 5.9.8 General, comparative and applied linguistics is quite reasonable.

Research implications. The factual data presented in this paper, as well as the conclusions of the authors clarify some substantial methodological aspects of the linguistic translation studies and show the necessity of using its apparatus in further investigation in this sphere. The results of this work may be used in teaching the courses of the theory and history of translation.

Keywords: adequacy, linguistic translation studies, translation, skopos theory, aim, equivalence

For citation:

Khukhuni, G. T. & Osipova, A. A. (2026). Linguistic translation studies: the page of the past or actual present? In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 66–79. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-66-79>

Введение

Рассматривая положение, которое занимает в современном переводоведении лингвистический подход к теоретическим проблемам перевода (предпочтительнее, видимо, в данном случае говорить именно о *подходе*, а не о *теории* перевода, поскольку в рамках его был создан целый ряд отличающихся друг от друга концепций, что и дало повод одному из наших коллег заметить, что, в отличие от относительно единого литера-

туроведческого направления¹, «лингвистическая школа распушилась как веер» [1, с. 10]), можно обратить внимание на одно обстоятельство. Уже достаточно длительное время вопрос о том, является ли указанное направление одним из *краеугольных камней науки о переводе*

¹ Отметим, что единство здесь действительно было весьма относительным: расхождения, например, между концепциями И. А. Кашкина и Г. Р. Гачечиладзе были, пожалуй, не менее существенны, чем между, скажем, В. Н. Комиссаровым и А. В. Федоровым.

или же оно должно уступить место другим концепциям – скопос-теории, интерпретативной теории и т. п. (именно *уступить*, а не сосуществовать наряду с ними!), является достаточно популярным предметом обсуждения, в том числе и в работах последних лет, как в научной (см., например, [2; 3], и др.), так и в учебной литературе¹. Анализ данного вопроса представлен и в фундаментальном труде Н. К. Гарбовского [4].

Отметим, что в той или иной степени упомянутая проблема затрагивается и в специальных исследованиях, предметом которых являются переводы тех или иных типов текстов. Можно назвать, например, область, касающуюся передачи Библии ([5–8] и др.), которой авторы предлагаемой статьи посвятили в своё время ряд работ.

Хотя как в названных, так и во многих других публикациях представлены разные точки зрения, однако нетрудно увидеть, что критический настрой по отношению к лингвистическому переводоведению в них всё же преобладает. Это обстоятельство определило во многом цель настоящей статьи – изложить, что понимается нами под последним, и попытаться обосновать его актуальность и целесообразность применения выработанного в его рамках понятийного аппа-

рата. Материал исследования составляют труды отечественных и зарубежных переводоведов. Критерием отбора являлись значимость исследуемых концепций для лингвистического переводоведения, их оценка современниками и последующими учёными и актуальность для последующего развития науки о переводе. В центре внимания находятся вопросы, относящиеся к пониманию сущности и специфики перевода представителями лингвистического подхода и полемика с утверждениями о его устарелости. Ввиду ограниченного объёма статьи исследованы только те аспекты науки о переводе, которые представляются в контексте работы основными (понимание цели перевода, трактовка адекватности и эквивалентности, роли исходного текста, целесообразности понятия «инвариант перевода», переводческих трансформаций). Таким образом, научная новизна статьи усматривается нами в системном анализе попыток опровергнуть методологические принципы лингвистического переводоведения и обосновании целесообразности их использования в наши дни.

Предварительное замечание

В отличие от той весьма заметной в публикациях последних десятилетий тенденции к «развенчанию» лингвистического переводоведения, о которой говорилось выше, недавно вышедшая статья И. М. Матюшина отстаивает противоположную точку зрения, подчёркивая: «Несмотря на появление в дальнейшем иных теоретических взглядов, порой прямо противопоставляющих себя лингвистической теории перевода, последняя по-прежнему ... лежит в основе любого изучения процесса профессионального перевода и отнюдь не утратила своей актуальности» [9, с. 71]. Называя среди таковых ряд концепций, автор особое внимание уделяет критическому рассмотрению интерпретативной теории перевода, действительно занимающей в интересующей нас области достаточно заметное

¹ См.: Сдобников В. В., Калинин К. Е., Петрова О. В. Теория перевода: коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: Издательство ВКИ, 2019. 512 с. (далее – Сдобников В. В. и др. Теория перевода: коммуникативно-функциональный подход). Представляется, однако, необходимым заметить, что в переводоведении грань между научными и учебными трудами является нередко довольно условной. Достаточно напомнить, что положившая начало лингвистическому переводоведению как научной дисциплине книга А. В. Федорова названа автором «учебным пособием» (Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учебное пособие. М.: Высшая школа, 1983. 304 с.). Аналогичным образом обстоит дело с большинством других работ по теории перевода, созданных его коллегами Я. И. Рещером, В. Н. Комиссаровым, Л. С. Бархударовым, А. Д. Швейцером и др.

место. В настоящей работе речь пойдёт в большей степени о других, также упомянутых Н. М. Матюшиным концепциях: динамической (функциональной) эквивалентности Ю. Найды и скопос-теории К. Райс и Х. Фермеера¹. Объясняется это тем, что именно они оказали достаточно большое влияние на область библейского перевода: им занималась, в частности, ученица последних К. Норд, а Ю. Найда создавал свою концепцию, в первую очередь, для разработки принципов передачи Священного Писания, представляющей, как отмечалось выше, специальный интерес для авторов настоящей статьи.

Истоки

История становления и развития лингвистического переводоведения в России достаточно хорошо известна и неоднократно освещалась в специальной литературе, поэтому ограничимся здесь только несколькими моментами.

Во-первых, к содержащемуся в статье И. М. Матюшина в целом справедливому утверждению, согласно которому лингвистическую теорию перевода «применительно к России можно с полным правом называть “Переводческой школой Московского иняза”» [9, с. 71], можно добавить и тесно связанный с последней Военный Краснознаменный институт иностранных языков (ныне – факультет иностранных языков Военного университета Министерства обороны Российской Федерации имени князя Александра Невского). Об этом свидетельствует уже тот факт, что названные И. М. Матюши-

ным учёные, с которыми, по его словам, связано «окончательное становление лингвистической теории перевода в качестве самостоятельной отрасли науки» [9, с. 72] (Я. И. Рецкер, В. Н. Комиссаров, А. Д. Швейцер. Р. К. Миньяр-Белоручев, Л. К. Латышев) имели к нему прямое отношение. Особо стоит личность признанного основоположника лингвистической теории перевода в нашей стране А. В. Федорова, о котором также подробно говорится в названной статье, чья деятельность была связана, в первую очередь, с Ленинградским (Санкт-Петербургским) университетом.

Во-вторых, при рассмотрении процессов, относящихся к формированию лингвистической теории перевода в Советском Союзе / России, обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Если названные в статье И. М. Матюшина как противостоящие ей концепции (интерпретативная, социолингвистическая и др.) создавались в зарубежном переводоведении, по преимуществу, *позже* (по отношению к основополагающему труду А. В. Федорова) или *параллельно* (работы Я. И. Рецкера, Л. С. Бархударова, В. Н. Комиссарова и др.) с работами российских учёных, то в нашей стране лингвистическому подходу с самого же начала противостояла – и весьма активно – так называемая литературоведческая теория перевода в лице И. А. Кашкина с его концепцией «реалистического перевода», а в более умеренной форме – Г. Р. Гачечиладзе, обосновывавшего свои взгляды ссылкой на ленинскую «теорию отражения». Концепция Ю. Найды (ещё в ипостаси «динамической эквивалентности») получила отклик в отечественной лингвистической литературе ещё в 1970-е гг. Заметим, что В. Н. Комиссаров, включивший довольно значительный фрагмент его работы «К науке переводить» в подготовленный им сборник трудов зарубежных переводоведов, характеризовал её вполне в нейтрально-доброжелательном тоне

¹ Поскольку первоначальным создателем данной концепции был Х. Фермеер, а продолжательницей её, несколько видоизменившей и модифицировавшей сформулированные в ней идеи, является К. Норд, иногда говорят о скопос-теории Фермеера-Норд (так обстоит дело и в статье И. М. Матюшина [9, с. 76]). Однако основной посвящённый ей труд [10], переведённый на английский К. Норд, позиционируется как работа двух авторов и каких-либо оговорок относительно доли каждого не содержит, хотя в предисловии переводчицы к английскому изданию об этом говорится ...

[11]¹. Аналогично, ряд положительных сторон отмечает он и в скопос-теории: «Разработка скопос-теории представляет собой несомненный вклад в современное переводоведение. Она открывает новое направление исследований, охватывает весь спектр функций, выполняемых переводчиком, ставит задачу описания различных целей переводческой деятельности, подчеркивает важность и престижность работы переводчика»². С другой стороны, А. Д. Швейцер ещё в 80-ые гг. прошлого века, когда скопос-теория за пределами германоязычной науки была относительно мало известна, обращался к труду К. Райс и Х. Фермеера, причём отнюдь не в негативном контексте [12, с. 92, 95]. С К. Райс, правда, полемизировал А. В. Федоров³; однако, во-первых, предметом спора был относительно частный вопрос о классификации переводимого материала, во-вторых, как уже отмечалось, последнее прижизненное издание работы А. В. Федорова вышло до труда, излагавшего положения скопос-теории, и, следовательно, прямого отношения к оценке последней не имело. Да и в опубликованной уже в начале нашего века работе И. С. Алексеевой, начинавшей свою деятельность под руководством А. В. Фе-

дорова⁴, признаётся, что: «универсальная модель “скопос” оказалась новым шагом в развитии теоретических взглядов на перевод, она позволила включить в рассмотрение те пограничные случаи переводческой деятельности, которые прежде теоретически не осмыслились, а подвергались лишь “вкусовой” оценке. Она расширила наши представления о функции переводчика в процессе перевода»⁵.

Таким образом, упреки отечественным представителям лингвистического переводоведения в узости и ограниченности подхода к проблемам перевода вряд ли можно признать справедливыми. Скорее, претензии к лингвистическому переводоведению предъявлялись как раз с противоположной стороны...

Ретроспективный взгляд

Возвращаясь к ознаменовавшей становление лингвистической теории перевода полемике её представителей (в первую очередь, А. В. Федорова) с адептами литературоведческого подхода, можно заметить следующий момент. Сторонники последнего фактически ограничивали своё теоретизирование всецело и исключительно проблематикой, относящейся к произведениям художественной литературы, в то время как представители первой стремились к созданию общей теории перевода, о чём говорило и название фёдоровской книги. Вместе с тем – что также не всегда принимали во внимание её критики – в качестве фактического материала в их трудах преобладали примеры, взятые из художественной ли-

¹ Весьма положительно оценил В. Н. Комиссаров вклад Ю. Найды в развитие переводоведения и в последующих работах, подчеркнув, что его труд – «первая серьезная попытка разработать собственно лингвистический подход к переводческой проблематике», причём отмечается и то обстоятельство, что в ходе развития своей теории американский учёный «отошёл от крайностей предыдущих монографий» (Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. М.: ЭТС, 2001. С. 224, 230. Далее – Комиссаров В. Н. Современное переводоведение). Таким образом, для В. Н. Комиссарова концепция Ю. Найды относится к лингвистической парадигме перевода, а не противопоставляется ей, несмотря на ряд спорных моментов.

² Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. С. 260, 261.

³ Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учебное пособие. М.: Высшая школа, 1983. С. 205, 206. Далее – Федоров А. В. Основы общей теории перевода.

⁴ Ср. слова И. С. Алексеевой: «Андрей Венедиктович Федоров – мой Учитель, и этим все сказано» (цит.: Ирина Алексеева: «У переводчика с каждым писателем запутанная история» // Московский книжный журнал [Электронный ресурс]. URL: <https://morebook.ru/interv/item/1360037042480> (дата обращения: 11.01.2026)).

⁵ Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студентов филологических и лингвистических отделений высших учебных заведений. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский дом «Академия», 2004. С. 146. Далее – Алексеева И. С. Введение в переводоведение.

тературы, а необходимость учитывать жанрово-стилистическую дифференциацию, присущую исходным текстам, была одним из краеугольных камней работы А. В. Федорова. Тем самым, лингвистический подход изначально оказывался шире того, который предлагали его оппоненты, предоставляя возможность более высокого уровня обобщения, что позволяло поставить вопрос уже о полноценном научном статусе теории перевода.

Однако, как известно, ещё до того, как лингвистический подход стал утверждать свой статус (в предвоенные и послевоенные годы), шла достаточно острая полемика по вопросам художественного перевода, касающаяся передачи формальных особенностей подлинника. Прямой параллели с названной выше дискуссией здесь, разумеется, не было. Но в известном смысле она, вероятно, может рассматриваться как своего рода прелюдия к последней.

Подробное, хотя и не всегда сохраняющее беспристрастие рассмотрение данного вопроса можно найти в книге А. Г. Азова [13]. Нас, однако, интересует несколько иной аспект, представляющий своего рода связующей нитью с противопоставившими себя лингвистическому подходу концепциями, о которых упоминалось выше, а именно – имелись ли точки соприкосновения между позициями сторон, участвовавших в первой и второй дискуссии?

Относительно литературоведческого лагеря положение представляется более определённым. И наиболее ярким «борцом с буквализмом», и наиболее последовательным оппонентом лингвистического переводоведения после появления книги А. В. Федорова выступал И. А. Кашкин, к которому в той или иной степени примыкали (хотя далеко не всегда полностью разделяя его взгляды) и другие «литераторы».

С лингвистическим подходом дело обстояло несколько сложнее. Главные объекты критики И. А. Кашкина – Е. Л. Ланн

и Г. А. Шенгели – лингвистами как таковыми не были. Однако это не мешало создателю теории «реалистического перевода» (термин, пропагандировавшийся И. А. Кашкиным в качестве своего рода методологической базы «советского перевода») объединить их вместе с теми, кто представлял лингвистическую теорию перевода, в одну группу в качестве тех, чьи концепции «лепились на ложно-академических, технологических, лингвистических обочинах» (цит. по: [14, с. 19]). Впрочем, в качестве «примкнувших к ним» назывались и несомненный лингвист Я. И. Рецкер, и явно бывший в первую очередь литературоведом (правда, соприкасавшимся с языкознанием в работах по сопоставительной стилистике) Е. Г. Эткинд, о которых сообщалось, что они «продвигались зигзагами» (цит. по: [13, с. 19]). В результате сложилась довольно парадоксальная картина: «переводчики, призывавшие к пристальному вниманию к языку оригинала, такие как Е. Л. Ланн и Г. А. Шенгели, оказывались как бы в одном лагере с Федоровым» [13, с. 18, 19].

Оговорка «как бы», на наш взгляд, в данном случае весьма уместна – хотя бы потому, что в своём труде А. В. Федоров, говоря о 30-х годах прошлого века, также указывал, что «в это время появлялись ... переводы, отмеченные печатью академического формализма»¹, причём среди тех, чьи работы были отмечены этой самой печатью, фигурировал всё тот же Е. Л. Ланн.

Если теперь обратиться к взгляду «с другого берега» – работам исследователей, позиция которых резко отличается от «линии Кашкина», – то можно заметить следующее. Говоря об А. В. Федорове, они усматривают – причём в явно негативном ключе – эволюцию его позиции в том, что если в 20-30-е гг. он принадлежал «к кругу филологически ориентированных переводчиков, редакторов, исто-

¹ Федоров А. В. Основы общей теории перевода. С. 86.

риков и теоретиков перевода», то в послевоенное время он уже числится среди тех переводоведов, которые «выступали компромиссно» [14, с. 5, 8], хотя как раз в этот период он становится признанным теоретиком лингвистического подхода.

Таким образом, считать, что противопоставление литературоведческого и лингвистического подходов к теоретическим проблемам перевода прямо и непосредственно вытекает из борьбы между «филологически ориентированными», по терминологии одних, и «формалистическими», в понимании других, взглядами на перевод было бы явным упрощением. В ещё большей степени это можно сказать про упомянутое стремление «освободиться» от лингвистической составляющей теории перевода, более подробное рассмотрение которого даётся ниже.

«Делингвистизация» переводоведения: две волны

Как было отмечено выше, советскими и российскими теоретиками лингвистической теории перевода (оговорим ещё раз, что о единстве последней можно говорить только очень и очень условно) концепция Ю. Найдя рассматривалась не как принципиально противостоящая их позиции, а как своего рода дополняющая и развивающая её. Но для отечественных авторов, стремящихся подчеркнуть значимость наследства, которое оставили «представители филологически точного, форенизирующего перевода, ориентированного на понимание подлинника» [14, с. 7], вряд ли была приемлема дихотомия «старого» и «нового» подходов (the old focus and the new focus), где первый (признаваемый разве что для некоторых специальных целей) характеризуется как внимание к форме сообщения, когда особое внимание уделяется стилистическим тонкостям, а второй (всцело разделяемый самим Найдой) – к реакции получателя, причём подчёркивается, что для передачи содержания сообщения надо изменить его форму [15, р. 1, 5].

Однако уже в 1960-е гг. пик полемики между литературоведческим и лингвистическим крылом отечественного переводоведения был пройден (чему, вероятно, способствовал и уход наиболее принципиального «антилингвиста» И. А. Кашкина), и своего рода объединяющим девизом стали слова Б. А. Ларина, бывшего в полном смысле лингвистом, но занимавшегося широкой филологической проблематикой: «... будем продолжать теоретическую работу на двуединой научной базе – лингвистики и литературоведения. Всякий перевод должен начинаться с филологического анализа текста, сделанного во всеоружии лингвистической подготовки, и завершаться литературным творчеством» [16, с. 4-5]. Вообще, подчёркивание именно филологической (охватывающей в широком понимании практически все «словесные науки») составляющей было свойственно большинству работ представителей лингвистического направления. Характерно, что и недавно вышедшая статья известного отечественного учёного Э. Н. Мишкурова, в которой рассматривается деятельность военных переводчиков в период Великой Отечественной войны, говорит о них как о создателях «современной отечественной филолого-переводческой науки» [17], хотя, естественно, разрабатывались ими, прежде всего, проблемы специального (в первую очередь, военного) перевода.

Споры между «литераторами» и «лингвистами», которые можно было бы назвать «первой волной» наступления на лингвистически ориентированную теорию перевода, происходили, если можно так выразиться, главным образом, на «домашней» почве, т. е. между представителями советского переводоведения¹

¹ Сам этот термин стал использоваться в нашей стране уже позднее (считается, что он был введён Дж. С. Холмсом (английское *translation studies*) в 1972 г., получив широкое распространение в мире). До этого большинство трудов в данной области, как у нас, так и за рубежом использовали в соот-

(хотя, с одной стороны, ими учитывалось то, что происходило за рубежом, а с другой – там, в свою очередь, были знакомы с трудами советских коллег, в частности, на появление первого издания книги А. В. Федорова критически откликнулась К. Райс (полемика между ними упоминалась выше)). Что же касается относящихся уже к концу прошлого – началу нынешнего столетия стремлений «вывести» науку о переводе из-под «лингвистической опеки» («второй волны»), то в нашей стране они представляли собой в большей или меньшей степени именно отклики на процессы, происходившие в зарубежном переводе (напомним, что как раз в этот период вследствие известных событий, связанных с распадом СССР, освоение того, что делалось на Западе, приняло особенно широкий характер). Среди них были и достаточно хорошо знакомая специалистам концепция Ю. Найды (правда, больше знали её первый вариант, основные положения которого были опубликованы на русском языке)¹, и та же скопос-теория, кстати говоря, к тому времени уже имевшая оппонентов и в зарубежной науке, о чём ещё десять лет назад писал Р. Р. Чайковский: «Казалось бы, скопос-теория благополучно скончалась и можно заниматься дру-

ветствующем значении понятие «теория перевода». Последняя является центральной дисциплиной и сейчас; однако в настоящее время в переводе, понимаемом как охватывающее все аспекты, относящиеся к переводу, кроме собственно теории перевода (общей и частной), различают историю перевода и переводческой мысли, методику перевода, критику перевода и т. д. Ср. замечание А. В. Федорова о том, что «в современной филологии стала развиваться и сложилась в специальную дисциплину теоретическая наука о переводе – теория перевода или шире – переводоведение» (Федоров А. В. Основы общей теории перевода. С. 11).

¹ Позднейшая концепция Ю. Найды, написанная в соавторстве с Я. де Ваардом, была переведена и опубликована уже в постсоветской России (Ваард Я. де, Найда Ю. А. На новых языках заговорят: функциональная эквивалентность в библейских переводах. СПб.: Российское библейское общество, 1998. 268 с.), но вызвала отклик главным образом у специалистов по переводу Библии.

гими проблемами. Но через тридцать лет некоторые авторы посчитали необходимым реанимировать эту засохшую ветвь переводоведческой науки. Реаниматоры обнаружили и в Германии, и в России» [1, с. 16].

Приведённому высказыванию свойственна, на наш взгляд, несколько диссонирующая со строго научным стилем экспрессивность, что, вероятно, объясняется полемическим характером статьи, однако вызвана она тем, что связанные со скопос-теорией идеи действительно продолжают высказываться, в том числе и в отечественной науке. Нас сейчас, однако, интересуют те моменты, которые относятся к критике с её стороны позиций лингвистического переводе и ответам на неё.

Критика: аргументы и контраргументы

Оппоненты лингвистического подхода к проблематике, связанной с переводом, ссылаются на его ограниченность, которая якобы требует отказа современной науки от него [18]². Что касается первого пункта (который, в принципе, в той или иной степени относится к любой научной теории), то ещё на заре формирования лингвистического переводе основоположник последнего в полемике с И. А. Кашкиным и его сторонниками утверждал, что «лингвистическим путем не могут быть объяснены все факты из области перевода, но ... лингвистический путь изучения, не являясь достаточным для постановки и решения всех проблем перевода ... безусловно является необходимым в деле их исчерпывающего исследования»³. Относительно второго пункта представляется целесообразным рассмотреть приводимые ими аргументы.

² См. также: Сдобников В. В. и др. Теория перевода: коммуникативно-функциональный подход.

³ Федоров А. В. Основы общей теории перевода. С. 3–4.

Основной из них, пожалуй, напрямую связан с самим названием скопос-теории – категорией цели, игнорирование которой приписывается лингвистическому переводоведению. Не говоря уже о некоторой сомнительности такого утверждения (ибо любая деятельность имеет какую-то цель), позволим себе сослаться на замечание Р. Р. Чайковского: «... цель перевода – перевод: создание самого близкого текстового соответствия тексту оригинала как на уровне смысла, так и на уровне значения его формы, как на уровне идиостиля автора, так и на уровне реализации всех авторских интенций и т. д. ... цель любого перевода должна быть устремлена к единственному результату – достижению с учётом всей специфики конкретного исходного текста и специфики языка перевода максимально возможного уровня адекватности» [1, с. 18]. При отсутствии подобной установки о собственно переводе (принципиально отличном от таких видов межъязыковой коммуникации, как пересказ, реферат, аннотация и т. п.) говорить вряд ли возможно.

Своеобразно отношение критиков к категориям эквивалентности и адекватности: «... следует признать, что само использование понятия “эквивалентность” является бессмысленным; оно перестало быть инструментальным в попытках объяснить сущность переводческого процесса. В уточнении нуждается и понятие адекватности перевода, которая должна восприниматься как соответствие перевода той цели, ради которой он создан» [18, с. 72-73]. Не имея возможности сейчас останавливаться на самом вопросе о разграничении адекватности и эквивалентности, заметим только, что о соответствии *тексту* оригинала такое определение ничего не говорит, и последний становится своего рода факультативным явлением, вследствие чего, по замечанию (думается, не без налёта иронии) В. Н. Комиссарова: «Можно представить и такой случай, когда текста оригинала

вообще не существует и переводчик самостоятельно создает свой текст, руководствуясь знанием цели или указаниями заказчика»¹.

С этим связан ещё один упрёк по адресу лингвистического переводоведения – его «текстоцентричность», вследствие которой якобы игнорируется коммуникативная ситуация, определяющая характер передачи. Думается, что дело обстоит не совсем так: в лингвистическом переводоведении используется (в частности, Л. С. Бархударовым)² понятие экстралингвистического контекста, в которое включается и ситуация общения, и предмет сообщения, и участники процесса коммуникации.

Особой критике подвергается у противников лингвистического переводоведения понятие инварианта перевода, в связи с чем утверждается, что последний «следует выделять в данной коммуникативной ситуации, сопоставляя текст перевода, созданный здесь и сейчас, применительно к данному случаю, с его оригиналом. Впрочем, и самого сопоставления текстов не требуется; оно необходимо лишь исследователям» [18, с. 72]. Если довести эту мысль до логического конца, то придётся признать, что утверждение А. А. Леонтьева: «Никакое чтение не может привести нас к пониманию, скажем, “Капитала” Маркса как апологии капитализма»³, – является ошибочным, поскольку переводчик, следуя тому, что «требуется здесь и сейчас» (и, естественно, за соответствующее вознаграждение со стороны заказчика) вполне может так текст названного труда передать [19, с. 144]⁴.

¹ Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. С. 258.

² См.: Бархударов Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 240 с.

³ Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. С. 144.

⁴ Чтобы избежать такого явно абсурдного вывода, К. Норд предложила ввести понятие «лояльности» автору, противопоставив его понятию «верности»

Среди понятийно-категориального аппарата, используемого в лингвистическом переводоведении, подверглось критике и понятие переводческих трансформаций. Отметим, что, хотя данный термин, наряду с эквивалентностью, рассматривается как своего рода «визитная карточка» лингвистического подхода к переводу и действительно широко использовался и используется представителями последнего, однако широкое распространение в отечественном переводоведении он получил уже позднее – к 70-м годам прошлого столетия. Не исключено, что определённую роль в этом процессе сыграла и растущая в те годы популярность концепции Н. Хомского, по отношению к которой применялось как раз наименование «трансформационная грамматика», хотя в специальной литературе отмечалось, что «в западном переводоведении термин “трансформация” встречается крайне редко; по большей части используется понятие “соответствие”»¹. Впрочем, российские учёные оговаривали специфику его применения в нашей области, подчёркивая, что используется он метафорически, для обозначения процесса замены одной формы другой, и относится к межъязыковой операции выражения смысла [12, с. 118].

В названной выше статье И. М. Матюшина подробно рассмотрены доводы противников оперирования указанным понятием и дано, на наш взгляд, достаточно убедительное их опровержение. Целесообразность его сохранения подтверждает и Н. В. Иванов: «Центральным объектом переводческого анализа является переводческая трансформация, которая объединяет в себе аспекты смыслового тождества и структурно-языковых различий» [20, с. 33]. Приводимый же оппонентами довод, согласно которому

при осуществлении процесса перевода сам переводчик ни о каких трансформациях не думает, не представляется убедительным: говорящий и слушающий в процессе коммуникации, как известно, не задумываются об этапах порождения или восприятия речи, однако любая психолингвистическая концепция в той или иной степени занимается ими хотя бы потому, что никакое изучение теории речевой деятельности без их использования невозможно. Применение аппарата переводческих трансформаций даёт возможность систематизировать те преобразования, которые имеют место в ходе создания конечного продукта перевода, так же как категория эквивалентности предоставляет возможность соотнесения того, что получено «на выходе», с тем, что было «на входе». Поэтому, как бы к ним ни относиться, элиминировать их представляется, по крайней мере, преждевременным, поскольку равноценной замены пока не имеется (см. также [9]).

Подводя итог этой дискуссии, заметим, что часто повторяющееся утверждение о «революционности нового подхода к переводу»² (обычно его квалифицируют как коммуникативно-функциональный, хотя между объединяемыми под общим наименованием концепциями различий достаточно много) и его едва ли не антагонистическом противоречии с подходом лингвистическим представляется нам несколько надуманными. Во-первых, сама по себе «революционность», как известно, далеко не всегда приносит исключительно положительные результаты; во-вторых, нередко оказывается, что провозглашаемое «новое» при его сравнении с «традиционным» вполне подтверждает библейское изречение: «Бывает нечто, о чём говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Еккл. 1: 10)³. Сказанное, в

тексту. Однако, как заметили даже благожелательно настроенные к ней исследователи [8], внятного ответа на вопрос, в чём конкретно упомянутая «лояльность» выражается, дано не было.

¹ Алексеева И. С. Введение в переводоведение. С. 155.

² Сдобников В. В. и др. Теория перевода: коммуникативно-функциональный подход. С. 31.

³ Книга Екклезиаста или Проповедника. Глава 1 [Электронный ресурс] // Московская митрополия

частности, относится и к утверждению, что только с появлением «нового» подхода перевод «перестал восприниматься как простой, чисто технический переход от знаков одного языка к знакам другого языка, а стал рассматриваться в широких рамках межкультурной и межкультурной коммуникации»¹. Не говоря уже об упомянутом выше понятии экстралингвистического контекста, достаточно напомнить, что от отношения к переводу как «к простому чисто техническому переходу от знаков одного языка к знакам другого языка» предостерегал не кто иной, как основоположник отечественного лингвистического переводоведения: «Наличие закономерностей в соотношении двух языков и тех или иных близких соответствий между ними еще отнюдь не означает возможность или необходимость применять всегда одинаковые способы перевода. Решающую роль всегда играет контекст, конкретный случай»².

Таким образом, наличие в паспорте специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно сопоставительная лингвистика» раздела «Лингвистическое переводоведение и его основные направления» (пункт 20) является полностью оправданным, подчёркивая актуальность и значимость этой области для современной науки. Не говорим уже о том, что призывы к «делингвистизации» теории перевода и отказу от её понятийно-категориального аппарата могут привести к дезориентации работающих в данной области аспирантов и докторантов, что может не самым лучшим образом отразиться на судьбе проводимых ими исследований.

Заключение

Лингвистическому переводоведению в России с самого же начала своего формирования и в ходе дальнейшего развития пришлось иметь дело с достаточно серьёзной критикой. Условно можно говорить о «двух волнах» последней: если первая, относящаяся к 50-60-м гг. XX в., была связана с деятельностью представителей литературоведческой теории перевода, когда отечественные переводоведы полемизировали, главным образом, между собой, то вторая, интенсивное влияние которой начало ощущаться позже, исходила из презумпции неполноценности лингвистического подхода, якобы игнорирующего моменты, связанные с целью и коммуникативной ситуацией общения. При этом наблюдался определённый парадокс: источниками такой критики были, главным образом, концепции, созданные за рубежом (динамическая / функциональная эквивалентность, скопос-теория, интерпретативная теория перевода и др.), однако к самим этим теориям отечественные лингвисты нередко относились весьма положительно, признавая их вклад в развитие науки. Хотя о прямой преемственной связи между двумя отмеченными тенденциями «освободиться» от установок лингвистического подхода говорить сложно, объективно в некоторых аспектах они соприкасались – как и ответные аргументы сторонников последнего.

Рассматривая те возражения, которые выдвигались (и выдвигаются по сей день) со стороны оппонентов лингвистического подхода, можно сказать следующее. Утверждение об игнорировании его представителями категории цели не может быть принято, поскольку цель любого перевода (а не примыкающих к нему явлений) заключается в достижении соответствия подлиннику. В этой связи не считаем оправданным и упрек в «текстоцентричности», якобы игнорирующей коммуникативную ситуацию, при которой происходит перевод, поскольку

Русской Православной Церкви : [сайт]. URL: https://mosmit.ru/library/bible/vethy_zavet/teach/eccl/1/ (дата обращения: 10.01.2026).

¹ Сдобников В. В. и др. Теория перевода: коммуникативно-функциональный подход. С. 32.

² Федоров А. В. Основы общей теории перевода. С. 19.

этому противоречит само понятие экстралингвистического контекста. Отрицание же понятия инварианта перевода, использовавшегося классиками лингвистического переводоведения, равносильно провозглашению безудержного субъективизма при передаче исходного текста (причём даже само наличие последнего может признаваться необязательным). Не представляется целесообразным и отказ от использования переводческих трансформаций, так как они дают возможность систематизировать этапы преобразования исходного сообщения в переводное.

Таким образом, лингвистическое переводоведение вполне сохраняет роль и значение в качестве наиболее объективного и опирающегося на выработанный понятийно-категориальный аппарат подхода к проблемам межкультурной коммуникации. В уточнении указанных аспектов, представляющихся методологически важными, и в возможности применить их в дальнейших исследованиях, а также в возможности использовать их в преподавании предметов «переводческого цикла» в высших учебных заведениях и состоит теоретическая и практическая значимость данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чайковский Р. Р. Свет и тени российского переводоведения // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2016. № 4. С. 5–25.
2. Prunč E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht. 3., erw. und verb. Aufl. Berlin: Frank und Timme, 2012. 528 S.
3. Бодрова (Горжениос) Т. И. Российское переводоведение в свете интерпретативной теории перевода (теория, практика и методика преподавания). Воронеж: Наука-ЮНИНПРЕСС, 2021. 468 с.
4. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М.: Издательство Московского университета, 2023. 591 с. (Серия: Классический университетский учебник).
5. Wedland E. R. Exploring Theory and Practice of Modern Bible Translating: A Selected Overview // HTPL Novum. 2023. Vol. 8. No. 1. P. 5–27. DOI: 10.7146/hn.v8i1.143104.
6. Merz J. Bible Transmediation in Theory and Practice // The Bible Translator. 2023. Vol. 74. Iss. 2. P. 213–230. DOI: 10.1177/205167702211508.
7. King Ph., Kroneman D. The Landscape of Bible Translation in the 21st Century // EMQ (Evangelical Missions Quarterly). 2022. No. 58 (3). P. 15–19.
8. Десницкий А. С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Издательство ПСТГУ, 2015. 432 с.
9. Матюшин И. М. Актуальность лингвистической теории перевода и переводческая практика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 5 (886). С. 70–77.
10. Reiß K., Vermeer H. J. Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained. London – New York: Routledge, 2014. X + 221 p.
11. Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / отв. ред. В. Н. Комиссаров. М.: Международные отношения, 1978. 232 с.
12. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
13. Азов А. Г. Поверженные буквалисты: Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. 304 с.
14. Баскина (Маликова) М. Э. Филологически точный перевод 1920–1930-х годов: люди и институции // Художественно-филологический перевод 1920–1930-х годов / сост. М. Э. Баскина; отв. ред. М. Э. Баскина, В. В. Филичева. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–82.
15. Nida E. A., Taber Ch. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden-Boston: Brill, 2003. VIII + 218 p.
16. Ларин Б. А. Наши задачи // Теория и критика перевода / под ред. Б. А. Ларина. Л.: Издательство ЛГУ, 1962. С. 3–7.
17. Мишкурин Э. Н. Военные переводчики времен Великой Отечественной войны (1941–1945) как основатели современной отечественной филолого-переводческой науки // Вестник Мо-

- сковского университета. Серия 22. Теория перевода. 2025. Т. 18. № 2. С. 57–81. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-57-81.
18. Сдобников В. В. Переосмысление переводоведческих категорий – переосмысление перевода // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. № 7. Т. 1: материалы XVI Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод» (Москва, 24 июня 2022). М.: Военный университет Минобороны России, 2022. С. 60–75.
 19. Nord Chr. Translating as a Purposeful Activity. Functional Approaches Explained. London and New York: Routledge, 2018. 166 p.
 20. Иванов Н. В. О риторическом аспекте переводческого анализа (в защиту трансформационного подхода к переводу) // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. № 8: материалы XVII Международной научной конференции по актуальным проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод» (Москва, 30 июня 2023). М.: Военный университет Минобороны России, 2023. С. 33–41.

REFERENCES

1. Chaykovskiy, R. R. (2016). Light and shadows of modern translation studies in Russia. In: *Lomonosov Translation Studies Journal*, 4, 5–25 (in Russ.).
2. Prunč, E. (2012). *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. 3., erw. und verb. Aufl. Berlin: Frank und Timme.
3. Bodrova (Gorzhienos), T. I. (2021). *Russian Translation Studies in Light of the Interpretative Theory of Translation (Theory, Practice, and Teaching Methods)*. Voronezh: Nauka-UNINPRESS publ. (in Russ.).
4. Garbovsky, N. K. (2023). *Translation Theory* (Series: Classic University Textbook). Moscow: Moscow University publ. (in Russ.).
5. Wedland, E. R. (2023). Exploring Theory and Practice of Modern Bible Translating: A Selected Overview. In: *HTPL Novum*, 8 (1), 5–27. DOI: 10.7146/hn.v8i1.143104.
6. Merz, J. (2023). Bible Transmediation in Theory and Practice. In: *The Bible Translator*, 74 (2), 213–230. DOI: 10.1177/205167702211508.
7. King, Ph. & Kroneman, D. (2022). The Landscape of Bible Translation in the 21st Century. In: *EMQ (Evangelical Missions Quarterly)*, 58 (3), 15–19.
8. Desnitsky, A. S. (2015). *Modern biblical translation: theory and methodology*. Moscow: Saint Tikhon's Orthodox University publ. (in Russ.).
9. Matyushin, I. M. (2024). Relevance of linguistic theory of translation and translation practice. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5 (886), 70–77 (in Russ.).
10. Reiß, K. & Vermeer, H. J. (2014). *Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained*. London, New York: Routledge.
11. Komissarov, V. N. (ed.) (1978). *Translation Theory in Foreign Linguistics*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya publ. (in Russ.).
12. Schweitzer, A. D. (1988). *Translation Theory: Status, Problems, and Aspects*. Moscow: Nauka publ. (in Russ.).
13. Azov, A. G. (2013). *Defeated literalists. From the history of literary translation in the USSR in the 1920s–1960s*. Moscow: Higher School of Economics publ. (in Russ.).
14. Baskina (Malikova), M. E. (2021). Philologically Accurate Translation of the 1920s–1930s: People and Institutions. In: Baskina, M. E. & Filicheva, V. V. (eds.). *Artistic and Philological Translation of the 1920s–1930s*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya publ., pp. 5–82 (in Russ.).
15. Nida, E. A. & Taber, Ch. R. (2003). *The Theory and Practice of Translation*. Leiden-Boston: Brill.
16. Larin, B. A. (1962). Our tasks. In: Larin, B. A. (ed.) *Theory and criticism of translation*. Leningrad: Leningrad State University publ., pp. 3–7 (in Russ.).
17. Mishkurov, E. N. (2025). Military translators and interpreters of the Great Patriotic War (1941–1945) as the arts' founders of the modern domestic philology and translation. In: *Lomonosov Translation Studies Journal*, 18 (2), 57–81. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2025-18-2-57-81 (in Russ.).
18. Sdobnikov, V. V. (2022). Rethinking Translation Categories – Rethinking Translation. In: *Military-Humanitarian Almanac. Series "Linguistics". Iss. 7. Vol. 1: Proceedings of the XVI International Scientific Conference on Actual Problems of Language and Communication "Language. Communication. Translation" (Moscow, June 24, 2022)*. Moscow: Military University publ., pp. 60–75 (in Russ.).

19. Nord, Chr. (2018). *Translating as a Purposeful Activity. Functional Approaches Explained*. London and New York: Routledge.
20. Ivanov, N. V. (2023). On the Rhetorical Aspect of Translation Analysis (in Defense of the Transformational Approach to Translation). In: *Military-Humanitarian Almanac. Series "Linguistics". Iss. 8: Proceedings of the XVII International Scientific Conference on Actual Problems of Language and Communication "Language. Communication. Translation" (Moscow, June 30, 2023)*. Moscow: Military University publ., pp. 33–41 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Хухуни Георгий Теймуразович (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики Государственного университета просвещения;

<https://orcid.org/0000-0002-7423-5393>; e-mail: khukhuni@mail.ru

Осипова Анна Александровна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой контрастивной лингвистики Московского педагогического государственного университета;

<https://orcid.org/0009-0004-9168-0079>; e-mail: assya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Georgy T. Khukhuni (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of theory of Language, Anglistics and Applied Linguistics, Federal State University of Education;

<https://orcid.org/0000-0002-7423-5393>; e-mail: khukhuni@mail.ru

Anna A. Osipova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Departmental Head, Department of Comparative Linguistics, Moscow State Pedagogical University;

<https://orcid.org/0009-0004-9168-0079>; e-mail: assya@yandex.ru

Научная статья

УДК 81-119

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-80-95

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА РОБИН ГУДА В БАЛЛАДНОМ ДИСКУРСЕ

Пугачева Е. Ю.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: elenapetrishina@mail.ru

Поступила в редакцию 11.08.2025

После доработки 30.09.2025

Принята к публикации 30.09.2025

Аннотация

Цель – описание средств вербализации лингвокультурного образа Робина Гуда, выявление их особенностей в рамках английского балладного дискурса, интерпретация амплификации семантики имени.

Процедура и методы. Основным методом исследования является дискурс-анализ. Используются общенаучные и собственно лингвистические методы, включающие этимологический, семантический, контекстуальный, лингвостилистический, интерпретационный, статистический анализы.

Результаты. Продемонстрирована многозначность текстов баллад, сделан вывод о том, что гетерогенность стилистических средств вербализации лингвокультурного образа служит максимальной амплификации его реализации.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в расширении позиций дискурс-анализа в практике интерпретации текстов баллад; с учётом функциональности лингвистических и экстралингвистических факторов, включая культурные, исторические и социальные, производится ревизия сложившегося стереотипа изучаемого образа и среды его формирования.

Ключевые слова: баллада, дискурс-анализ, интертекстуальность, лингвокультурный образ, многозначность текста, Робин Гуд, семантика знака, феномен культуры

Для цитирования:

Пугачева Е. Ю. Особенности лексико-стилистических средств вербализации образа Робин Гуда в балладном дискурсе // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 80–95. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-80-95>

Original research article

PECULIARITIES OF LEXICO-STYLISTIC MEANS OF ROBIN HOOD IMAGE' VERBALISING IN BALLAD DISCOURSE

E. Pugacheva

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: elenapetrishina@mail.ru

© CC BY Пугачева Е. Ю., 2026.

Received by the editorial office 11.08.2025

Revised by the author 30.09.2025

Accepted for publication 30.09.2025

Abstract

The aim is to describe means of verbalization of the linguocultural image of Robin Hood; identify their peculiarities in the English ballad discourse, interpret the amplifying semantics of the image.

Methodology. Discourse analysis is the key research method. The author employs general scientific methods, as well as linguistic ones, including etymological, semantic, contextual, linguo-stylistical, interpretational, quantitative.

Results. Relevant multimeaningness nature of ballads is demonstrated; heterogenic character of the identified stylistic means of verbalisation of the linguacultural image is concluded to serve its maximum amplification.

Research implications. The study reveals a significant expansion of discourse analyses positions in ballads' interpretation practice, that is taking into consideration both linguistic and extralinguistic factors, such as cultural, historical and social. A certain reconsideration of the stereotypical image, as well as the strata if its formation, is wrought out.

Keywords: ballad, discourse-analysis, cultural phenomenon, intertextuality, linguocultural image, text multilayered character, Robin Hood, sign semantics

For citation:

Pugacheva, E. Yu. (2026). Peculiarities of lexico-stylistic means of Robin Hood image' verbalising in ballad discourse. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 80–95. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-80-95>

Введение

Образ, выпестованный поколениями, остаётся загадкой с множественными переменными, поскольку, как в калейдоскопе, при каждом новом повороте угла зрения происходит новое видение, новое понимание, открывается новая глубина. По этой причине обращение к фольклору и мифологии не выходит из повестки дня современных лингвистов: Борецкой У. А. [1], Воронцовой Т. И. [2], Зайцева Г. [3], Джонсона М. [4], Жирмунского В. М., Лакоффа Дж. [4], Масловой В. А. [5], Приказчиковой Е. Е., Пугачевой Е. Ю. [6; 7], Проппа В. Я. [8], Сегал Н. А. [9], Скворцовой В. А. [9] и др.

Научная новизна работы связывается с многомерностью интерпретации кумулированных лексико-стилистических средств, вербализующих лингвокультурный образ Робина Гуда в балладном дискурсе.

Ключевой особенностью баллад, как известно, служит их сосредоточен-

ность на одном событии. Трагические описания суровой реальности, неоправданной жестокости власть имущих и самоочевидной несправедливости составляют основу того мощного влияния, которое оказывала старинная английская баллада на массового реципиента. Как показал анализ научной литературы по данному вопросу, указанный аспект стереотипировал образ Робин Гуда, связывая его с «реализацией денотативного компонента «бескорыстная помощь» и закрепляя в сознании реципиентов эту реалию как «статическую семантическую единицу» [9]. Эмоциональная глубина, чувство поправленной нравственности вызывали неизменный катарсис у бедняков – особенно после революции 1917 г. и в Советское время, когда деяния «новомодных» Робин Гудов оправдывались перерасделом имущества богатых. Образ «восстановителя справедливости», борца с богатой прослойкой населения стереотипировался, позволив простым людям

слиться в единстве порыва с «героем того времени». Однако пристальное изучение балладного дискурса позволяет увидеть иные стороны указанного лингвокультурного образа. **Цель статьи** – описать многоплановость средств вербализации образа Робин Гуда и её участие в амплификации интерпретаций.

Балладный дискурс отличается национальным колоритом: корни его уходят в глубокую старину, когда авторство едва ли регистрировалось. Каждый рассказчик дополнял и аранжировал исполняемый материал под собственное настроение, особенности мировосприятия, национальную принадлежность, но базовые основы дискурса оставались неизменными. Фиксировать оригинальные тексты стали со второй половины XVI в. Этот факт стал отправным моментом для: 1) смещения акцента с песенного на литературный дискурс, 2) усложнения синтаксиса баллад, что связано с обязательной назидательной концовкой; 3) расширения номенклатуры тем: помимо героических, появляются любовные, бытовые зарисовки, потусторонние мотивы. **Материалом** предпринятого исследования служит сборник английских и шотландских народных баллад под редакцией Л. М. Аринштейна¹. Цикл о Робин Гуде составляют 15 баллад, общим объёмом 119 страниц.

Методы исследования напрямую связаны с решением конкретных исследовательских задач: 1) на первом этапе проводится этимологический анализ² имени героя с целью ознакомления с корнями изучаемых имён нарицательных; 2) далее проводится семантический анализ имени героя с помощью толковых словарей³ с

целью расширения списка потенциальных значений; 3) лексико-стилистический анализ проводится безотрывно от контекстуального, интерпретационного и интертекстуального, поскольку ключевым принципом предпринятого исследования выступает принцип функциональности и стилистической дифференциации; 4) завершает исследование подсчёт статистических данных полученных результатов, что обеспечивает достоверность проведённой ревизии образа Робин Гуда; 5) общенаучными методами производится выводное знание, подводятся итоги по проделанной работе, ставятся перспективы дальнейших исследований.

Динамика развития языковой репрезентации лингвокультурного образа Робин Гуда – от имени нарицательного до прецедентного

Первостепенный и наиболее ярко характеризующий компонент лингвокультурного образа репрезентирован его именем. Как показал анализ научной литературы по данному вопросу, понимание художественного образа происходит на основе взаимодействия его вербальной оболочки (имени) с тезаурусом реципиента. Эту теорию разделяли И. В. Арнольд, М. М. Бахтин, Х.-Г. Гадамер, Д. С. Лихачев, Ю. Н. Караулов, В. И. Шаховский. В основе такого понимания лежит принцип диалога или соотношения лингвокультурного образа с реципиентом посредством декодирования знаков. Такой тип понимания связан с динамическим развитием семантического багажа слов разных языков, что фиксирует когнитивный опыт человечества. Ирина Владимировна Арнольд считает, что «этимология раскрывает больше, чем словарная дефиниция» [10, с. 403].

Ввиду разных транслаций в английской средневековой орфографии, имя собственное *Робин Гуд* имеет несколько вариантов написания: *Robin Hood*, *Robyn*

Далее – Longman Dictionary of English Language and Culture.

¹ Английская и шотландская народная баллада: сборник / сост. Л. М. Аринштейн (на англ. яз. с параллельным русским текстом). М.: Радуга. 1988. 512 с. Далее – Английская и шотландская народная баллада.

² Ayto J. Dictionary of Word Origins; Revised edition. London: Bloomsbury, 2001. 583 p. Далее – Ayto J. Dictionary of Word Origins.

³ Longman Dictionary of English Language and Culture; 4th impression. Harlow: Longman, 2000. 1568 p.

Hode, Robehod. Первый вариант – наиболее предпочтительный, поскольку зафиксирован в лексикографических источниках, второй и третий представляют собой диалектные формы.

Методом этимологического анализа можно проследить общность разных типов написания. Согласно этимологическому словарю издательства Блумсбери¹, лексическая единица (далее ЛЕ) *Hood* (колпак) уходит корнями в ЛЕ *head* (голова) и является однокорневой с ЛЕ *hat* (шапка). Относительно ЛЕ *Robin*² имеются указания, что изначально оно заимствовано из французского языка для обозначения птицы, грудка которой имеет ярко красное оперение. Если углубиться в историю этого латинского слова, можно прийти к метафорическому значению «овеванный славой», «яркий». Возвращаясь к изучаемому культурному феномену, можно предположить, что именно пересмотренное значение (историческая деривация) наиболее отвечает условиям балладного дискурса.

Не стоит выпускать из внимания тот факт, что одно слово имеет англо-саксонский корень, а другое (*Robin*) – романский. Эта особенность имеет релевантное значение, создающее многозначность интерпретаций и может стать ключом к разгадке образа Робина Гуда.

Второй этап изучения способов вербализации указанного лингвокультурного образа связан с **семантической стороной имени**. *Robin*, согласно толковому словарю языка и культуры издательства Лонгман³, представляет собой зоологический термин, обозначающий несколько видов птиц: малиновка, зарянка, дрозд, ласточка. С точки зрения сниженной лексики, ЛЕ *Robin* репрезентирует мелкую монету – пенни, в чём мы усматриваем многозначность изучаемого знака (вероятно, здесь повлиял красноватый оттенок меди).

¹ Ayto J. Dictionary of Word Origins. P. 285.

² Ayto J. Dictionary of Word Origins. P. 447.

³ Longman Dictionary of English Language and Culture. P. 1164.

ЛЕ *Hood*, согласно указанному источнику⁴, обозначает: 1) капюшон, капор, чепец, клобук монаха; 2) (уст.) рыцарский шлем; 3) (тех.) капот, складной верх, кожух, чехол, дефлектор; 4) (зоол.) хохолок; 5) лес; 6) (глагол) закрывать, скрывать, прикрывать; 7) (прил.) закрытый, скрытый, спрятанный, завуалированный. Как видно, метонимический перенос позволяет и дальше амплифицировать значения. Используя приведённые варианты перевода, можно предположить, что словосочетание *Robin Hood* в совокупности трактуется как «хохолок малиновки». Чтобы проверить данную гипотезу, обратимся к практическому изучению текстов баллад.

Тщательно проведённый **лексикостилистический анализ** исследуемого материала позволяет установить, что первой характеристикой изучаемого лингвокультурного образа стало его происхождение. Единственная дочь графа Ричарда, описываемая с помощью открытого сравнения *as [f]air as a lily-[f]lower*, отдаёт сердце простолюдину, который уговаривает девушку бежать от деспотичного отца при явных признаках беременности. Обратим внимание на символическую составляющую словосочетания «изысканна как лилия»: «В IX веке лилию завозят во Францию, где стилизованное изображение цветка включается в герб Монархии. Посвященная Богородице, лилия символизировала “невинность” и “непорочность”» [6]. Во времена становления балладного дискурса флористические символы имели колоссальное значение, поскольку культура той эпохи была построена на геральдике [3, с. 57].

Девушка, чьё имя не указывается (что, несомненно, является своеобразным знаком-характеристикой), носила ярко красное платье: *a robe o red scarlet*⁵. Ретардированный плеоназм (обе ЛЕ обозначают оттенки кармина) и аллитерация звука [r] сигнализируют о её статусности

⁴ Longman Dictionary of English Language and Culture. P. 639.

⁵ Английская и шотландская народная баллада. С. 214.

и влиятельности. Высокое («видное», «замечное») социальное положение матери героя, а также её галльские корни, придают образу Робин Гуда царственный антураж, загадочность для простых смертных, желание подчиниться и восприятие как вышестоящего. С этой точки зрения, стереотипность советского суженного восприятия искомого образа нарушается, поскольку высокородность не одобрялась политическим режимом и замалчивалась.

Отец Робина описан больше с физической стороны: *Willie was large o lith and limb* [ibid]. Имя собственное с характерным уменьшительно-ласкательным суффиксом “-ie” отражает подтекстовое одобрение массового реципиента: «один из нас». Этому эффекту вторит инвертированный эпитет, включающий устаревший диалектизм *lith* (член) и *limb* (конечности). Аллитерация звука [l] также способствует подтверждению выдвинутого утверждения, в отличие от аллитерированного звука [f], использованного при описании матери.

Общей характеристикой этой пары становится Шервудский лес, их природный дом. В. Я. Пропп считает, что попадание в лес – это «дремучий, темный, таинственный <...> обряд инициации. Он играет роль задерживающей преграды» для не прошедших ритуал [8, с. 220]. Данная характеристика хоть и косвенно, но заметно выделяет образ Робина Гуда, в отличие от утверждаемой Н. А. Сегал и В. А. Скворцовой гипотезы, что «собирательный образ Робина Гуда ориентирован исключительно на характеристику его поступков» [9].

Топонимы *Sherwood* и *Nottingham* придают образу отца Робина аутентичности, романтичности, создают ореол славы, поскольку одновременно выполняют роль фонетических каламбуров: первая ЛЕ созвучна инвертированному словосочетанию *to woo one's Cherie*, т. е. «добиваться возлюбленной»; вторая ЛЕ созвучна словосочетанию *noting him*, т. е. «тот, кто заслуживает внимания», «известный

своей репутацией». Данные семантические вкрапления остаются за пределами стереотипного восприятия [9], но, как справедливо замечает И. В. Арнольд, в познавательном и эмоциональном отношениях подобные вкрапления «являются характерной чертой поэзии, где каждый составляющий элемент приобретает образные свойства, благодаря чему информация в стихах передается в очень конденсированном виде» [10, с. 294; 11].

Миролюбивый характер отца можно засвидетельствовать и в символе, с которым он себя ассоциирует – мелкий безобидный лесной грызун: *we live here like squirrels, or lords of renown*¹. Одновременное уподобление белкам и прославленным лордам выглядит зевгматично, но, если учесть, что ЛЕ *lord*² происходит от словосложения *hlāf* (хлеб) и *weard* (опекун, сторож), и буквально значит – «хранитель хлеба», то оно становится оправданно. Белки известны тем, что умеют обеспечивать себе запасы на долгую холодную зиму. Как показал анализ научной литературы по поднимаемому вопросу, Р. О. Якобсон давно сформулировал принцип эквивалентности, изучая проблему селекции и комбинации лингвистических понятий: «Селекция (отбор слов автором) происходит на основе ассоциативной эквивалентности сходства и различия. Поэтическая функция проецирует эквивалентность с оси селекции на ось комбинации. В поэтическом тексте каждый элемент находится в заданных отношениях эквивалентности с другими единицами того же порядка» [цит. по 10, с. 52].

Баллада о рождении Робина под названием “*Willie and Earl Richard's Daughter*” (записана 1800 г.) построена на антитезах: изысканность – простота, день – ночь, красный – зелёный, графиня – простолюдин, хищник – мирный обитатель леса. В. А. Маслова пишет, что противопостав-

¹ Английская и шотландская народная баллада. С. 230.

² Ayto J. Dictionary of Word Origins. P. 328.

ления (принцип бинарности) считаются «основными для устройства мира. Они приобрели ценностную ориентацию и закрепились в культурном пространстве. Одно из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества – это свой // чужой, которое является важнейшим культурным концептом» [5, с. 184]. Образ Робин Гуда, как ни странно, нарушает эту установку: он везде «свой» и везде «чужой». Рождённый от столь разительных противоположностей, Робин-полукровка унаследовал, как и подобает настоящему герою, лучшие качества обоих родителей: честь, благородство, братство, равенство, свобода, жажда славы, отвага, меткость, справедливость и т. д.

Факт «вольного» рождения заметно отличает изучаемый образ. «Для мифологического сознания лес всегда выступал олицетворением хаоса, диким, неосвоенным пространством, которое противопоставлялось упорядоченному, культурному, освоенному. Дом и лес – антагонисты, посясторонний и потусторонний мир»¹. Особенность балладного дискурса – его полемичность (диалогичность) с другими видами дискурса, например со сказочным – позволяет включаться большему числу интекстов, а следовательно, подчёркивает историческую деривативность понимания образа, в зависимости от культурной ситуации реципиента.

Методом интертекстуального анализа можно провести ещё одну «сказочную» параллель между Робин Гудом из Ноттингема и «добрым малым Робин-ном», именуемым иначе Паком из комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» (1596 г.). Пак также был полукровкой (сыном короля фейри и деревенской женщины), а в 6-летнем возрасте убежал в лес. Оба метко стреляют и легко перевоплощаются, оба тщеславны и весьма разговорчивы. Об этой не самой презентательной черте образа умалчивается, но

статистические данные позволяют это утверждать – нами выявлены 148 реплик. Для иллюстрации проследим его речевые партии.

О детстве и отрочестве героя свидетельств не сохранилось. Самые первые зафиксированные слова (предположительно в 15-летнем возрасте) звучат следующим образом:

“Or have they parishes burnt?” he said, “or have they ministers slain

*Or have they robbed any virgin? Or with other men’s wives have lain?”*²

В представленном куплете обращает на себя внимание анафорический зачин каждой строки, репрезентирующий вопрос к обиженной старухе. Робин пытается выяснить, какая беда с ней приключилась и расставляет приоритеты своих жизненных кредо, т. е. то, за что он в первую очередь готов сражаться. В этот перечень входят надругательство над церковью и верой, насилие над беззащитными, пьянство, прелюбодеяние. Указанный ценностный ряд заслуживает одобрения и в современных реалиях. Несмотря на вольнорождение, вольнодумством юноша не отличался и с молоком матери впитал преданность Деве Марии (изображаемой в ярко красном хитоне), защитнице от перечисленных несчастий: *“Ah, deere Lady!” sayd Robin Hoode, Thou art both mother and may! I thinke it was neuer man’s destynye to dye before his day”* [ibid]. Лексика отрывка отличается оригинальной орфографией, книжностью, возвышенностью, но это неотъемлемая характеристика балладного дискурса, призванного объединить массового читателя в едином эмоциональном порыве.

“Dost thou not mind, old woman”, he said. Since thou made me sup and dine?

² Английская и шотландская народная баллада. С. 218. Перевод М. Цветаевой: «Как видно, резали святых отцов и церкви гзгли? Прельщали дев? Иль с пьяных глаз с чужой женой легли? <...> Спаси меня, – воскликнул Робин Гуд, – Спаси, Христова Мать. Не подобает никому до срока умирать <...> Однажды я в твоём доме поел, как сам король. Не плачь, старуха! Дорога мне старая хлеб-соль».

¹ Мифология Британских островов: энциклопедия. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2007. С. 197. Далее – Мифология Британских островов.

By the truth [o]f my b[o]dy,” qu[o]th b[o]ld R[o]bin Hood,

You could no[t] [t]ell i[t] in be[tt]er [t]ime” [ibid].

Учитывая тот факт, что первые упоминания о Робине Гуде датируются 1304 г., речь его звучит литературно и грамотно – в канонах того периода. Примечательна присказка, которой Робин клянётся помочь и которая звучит рефреном во всех текстах баллад: *By the truth of my body*, что можно перевести как «Так же верно, как и то, что я существую!», «Клянусь своим животом!». Вспомним условия рождения героя, тот узел невероятных событий, что привёл к его существованию; в виду чего его вера в собственную уникальность, везение, парадоксальные возможности становится важной характеризующей деталью изучаемого образа, а также дающей ему тщеславие, претензию на статусность хоть и в мире бедноты. Однако в статье «Прецедентный антропоним Робин Гуд в массовой коммуникации» (2016) Н. А. Сегал и В. А. Скворцова пишут: «Реализуя ядерный компонент “бескорыстная помощь” [в образе Робин Гуда], автор избавляется от необходимости в дополнительной интерпретации» [9], что, на наш взгляд, дискуссионно.

В приведённом отрывке впервые встречается постоянный эпитет *bold*, который переводится как «храбрый, смелый, отважный», «наглый, самоуверенный», «сильный, мощный». Немного противопоставленные по значению, указанные ЛЕ помогают усмотреть слияние отцовского и материнского начал. Этому же вторит звуковая аранжировка: ассонирующий поток гласных и аллитерирующий поток согласных. Ономастическая сторона повторяемых консонантов [t-t-t-t] позволяет услышать дробь барабана – как сигнал готовности к бою: «Час пробил!», «Справедливость должна восторжествовать!», «Враг будет повергнут!». Инструментовка повышает динамичность текста, интенсифицирует внимание реципиента.

В ходе предпринятого исследования зафиксированы ещё три постоянных эпитета к имени главного героя: 1) ЛЕ *brave*: (уст.) наёмный убийца; (книж.) нарядно одетый; (уст.) прекрасный, превосходный, великолепный; храбрый, смелый, бросающий вызов, бравирующий; 2) ЛЕ *outlaw*: «бастард, незаконнорождённый», «изгнанник, отверженный, изгой», «преступник, бандит, грабитель», «дикий, лишённый законной силы», «из чёрного списка»; 3) ЛЕ *jolly / merry* – «весёлый, радостный, живой, любящий шумную компанию балагур, общительный», «праздничный, шумный», «навеселе», «приятный, замечательный, восхитительный», «огромный, ужасный», «ласковый, лстивый, подшучивающий». Многие из приведённых значений удовлетворяют изучаемому балладному контексту и создают эффект оппозиции между Робин Гудом и социумом. Он не соответствует морально-этическим качествам законопослушных граждан, не боится наказания, неуправляемый, радостный и т. д. В балладах создаётся двойная ценностная шкала: одна для урбанистических жителей, другая – для маргиналов, и вторая выглядит гораздо привлекательней первой. Вот почему, чтобы попасть в Общество Робину, приходится изменяться / маскироваться:

Come change thy apparel with me, old man,

Come change thy apparel for mine;

Here is 40 shillings in good silver,

*Go drink it in beer or wine*¹.

Анафора с использованием ЛЕ *thy apparel* придаёт тексту песенность, лиризм, патетику. В толковом словаре² обе ЛЕ имеют стилистические пометы «уст.» и «возв.». Но не только в этом их значимая функциональность. Из приведённого отрывка явствует стремление Робин Гуда

¹ Английская и шотландская народная баллада. С. 218. Перевод М. Цветаевой: «Старик, сымайка свой наряд, а сам пойдешь в моем. Вот 40 шиллингов в ладонь чеканным серебром».

² Longman Dictionary of English Language and Culture. P. 48.

мимикрировать, наносить камуфляж. При изучении семантического потенциала ЛЕ *Hood* мы отмечали эту особенность: Робин Гуд отлично управляется как в мире бедноты, так и мире богачей, которых водит за нос. Это особенно касается его противника – короля, чьими исконными геральдическими цветами были белый и красный¹:

Then he put on the old man's cloak, Was patched black, blew and red [ibid].

Чёрно-сине-красная композиция цветов лоскутного одеяния старика, которые Робин надел, была особенно популярной в Центральной Европе (вспомним европейские корни матери Робина) благодаря своим ассоциациям со средневековыми имперскими цветами. Чёрный символизировал плодородную землю и тех, кто на ней пахал, синий – цвет неба, а красный – кровь, пролитую за Родину, патриотизм². Эволюция использования чёрно-сине-красного триколора проявляет интересную тенденцию: если в ранние века эти цвета ассоциировались с монархическими режимами, то в позднее время они стали символом демократических преобразований и национального возрождения. Таким образом, современная трактовка выдаёт в Робине Гуде первого революционера, стремившегося вернуть истинным владельцам Земли их власть. Данная подтекстовая особенность вербализации образа Робин Гуда упущена из внимания предшествующих интерпретаторов [9], но может внести вклад в новое прочтение.

Вторым элементом неповиновения, выраженного через лексику *шиллинг*, является обращение с деньгами. ЛЕ *shilling* в словаре³ имеет помету «ист.», что свидетельствует о её уникальном нацио-

нальном колорите: 1 / 20 фунта стерлингов существовал с 1502 г. до денежной реформы 1971 г. Имея на аверсе портрет короля (*head*), под военным началом которого вассалы шли в бой, шиллинг стал метонимией военной службы, что закрепилось в идиоме *to take the King's shilling*. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечали уникальный характер метонимии: они «представляют собой проявления некоторых общих категорий, в терминах которых мы структурируем мышление и деятельность» (пер. наш – Е. П.), а значит, формируем мировидение [4, с. 64]. Это позволяет заключить, что лингвокультурный образ балладного дискурса участвует в формировании английской языковой картины мира.

Но Робин не берёт деньги Короля себе, он крадёт их у Него и раздаёт! Отметим, что приём каламбура, зафиксированный при описании образа отца Уилла, передаётся сыну: словосочетание *Robin Hood* созвучно с словосочетанием *robbing heads* («крадущий головы», т. е. монеты). Метафорически данное действие можно пересмотреть как предательство власти: Робин ополчился на своего государственного лидера и готов втоптать лик короля в грязь, пропить его. Таким образом, с ранних баллад возникает тема яростного противостояния Закону (отсюда постоянный эпитет *outlaw*).

Семантический анализ позволил установить, что имя Робин в сленговом регистре означает самую маленькую денежную единицу – медный пенс, грош, что приравнивает его к пешке, незначимому члену общества. Но, если предположить, что король Эдуард представлял собой самую крупную единицу – фунт стерлингов золотом, то можно усмотреть интересный интертекстуальный момент. В русском языке есть пословица «Копейка рубль бережёт», что значит «крупные сбережения начинаются с малых», то есть кидая на «размен» своих лучших стрелков, воинов, смельчаков, король наживает проблемы внутри своей страны,

¹ См.: Благородный разбойник // Мифология Британских островов. С. 197–208.

² Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики; 3-е изд. М.: Международные отношения, 2001. 560 с.

³ Longman Dictionary of English Language and Culture. P. 1241.

подвергает собственную фундаментальность опасности. Есть и английское идиоматическое выражение, которое имеет схожее значение – *Robin Hood's penny*, что значит «продать задёшево, намного ниже реальной стоимости». Как видим, имя собственное героя контекстуально расширяет семантический багаж и даёт новые ключи к декодированию и диалогу между культурами, а «всякое вкрапление иного голоса приводит к повышению в этой точке текста интенсивности смысла» [10, с. 417].

Помимо короля антагонистом Робин Гуда в текстах баллад служит шериф Ноттингема. Примечательно, что данный образ (также как и мать героя) лишён имени. Он обозначен лишь должностным положением и олицетворяет собой то, что не приемлет Робин. В балладе “Robin Hood and the Golden Arrow” (1777 г.) читаем:

When as the sheriff of Nottingham Was come, mickle grief,

He talkd no good of Robin Hood, That strong and sturdy thief <...>

I'll stick it on my arrow's head, And shoot it into the town;

The mark shall show where it must go, Whenever it lights down.”

The project it was full performd; The sheriff that letter had;

Which when he read, he scratchd his head. And rav'd like one that's mad¹.

Сюжет баллады описывает провальный план шерифа заманить Гуда в город под предлогом соревнования лучников, но Робин умудряется и прийти неузнанным (сокрывшимся), и выиграть матч, и унижить шерифа, вернув ему трофей с письмом-разгадкой. Говоря про антагонистические качества обоих героев, сле-

дует отметить: 1) неуверенность шерифа, выраженную гиперболическим сравнением *rav'd like one that's mad*, и независимость Робина; 2) страх за собственную жизнь и «тёплое местечко под боком короля» и абсолютное доверие себя Проведению (*I'll stick it on my arrow's head, The mark shall show where it must go*), вера в собственную неуязвимость и безнаказанность (вспомним постоянный эпитет *honest Robin*), 3) оголение головы (*scratchd his head*) шерифом контекстуально можно считать поражением и позором, в то время как Робин оставался в знаменитом колпаке, буквально «околпачив» врага.

Отметим, что русская ЛЕ *околпачить* ёмко амплифицирует дополнительный семантический багаж имени изучаемого героя. Указанное разговорное слово означает «обмануть, одурачить, воспользовавшись чьим-либо простодушием, доверчивостью», что не соответствует кодексу чести рыцаря. В английском фольклоре с этим значением закрепились идиомы *to go around Robin Hood's barn* – «ходить вокруг да около», «путать». Отметим перекличку балладного дискурса с фольклорным. Подобное межжанровое взаимодействие фиксирует внимание на узловых моментах содержания, повышает экспрессивность оценочную, образную, характерологическую, пародийную и сатирическую. Образ Робин Гуда становится прецедентным именем, в терминологии В. И. Карасика – «вербальным мостом понимания».

Не только знаменитым колпаком характеризуется Робин Гуд. Боевой лук и конь, колчан и стрелы, меч и ножны, рог и «весёлое братство» – всё, что сейчас воспринимается атрибутами давних времён, в балладах становится метонимией главного героя: он метче всех стреляет, быстрее всех ездит верхом, лихо управляется мечом.

В ходе лексико-стилистического исследования зафиксированы следующие ЛЕ, репрезентирующие виды оружия, которыми пользовались «лесные братья»:

¹ Английская и шотландская народная баллада. С. 256: Перевод Игн. Ивановского: «Шериф без сна проводит ночь, а днем не правит суд, Ему покоя не дает разбойник Робин Гуд <...> Письмо к стреле я привяжу, пущу стрелу в полет. Пускай оно к шерифу в дом, как с неба, упадет! Был в страшной ярости шериф от дерзкого письма, и сам потом дивился он, что не сошел с ума».

longbow, Bastard Blade, Ballock dagger, Basselard (узкий четырёхгранный, обоюдоострый прямой клинок с рукояткой в виде буквы Н), *quarterstaff* (английский боевой ударный шест до 9 футов длиной и сечением 3 см, выполненный из твёрдых пород дерева с наконечниками или шипами на концах). Указанные виды боевого сопротивления настолько срастались со своими владельцами, что становились их прямым продолжением, олицетворялись, получали имена и стягивали на себя постоянные эпитеты владельцев: *noble, long bow; thick and fast arrows; lusty, tough horse; with a passionate fury and ire scabbard; fierce, severe blade, sword; win the battle; horn*.

Образ Робина отличают самые значимые рыцарские качества, среди которых отвага (*bold*) и доблесть (*Gallantry*) занимают первое место: именно посредством них Робин реализует свою истинную суть в обоих мирах, где ему приходится управляться. Методом статистического подсчёта установлено, что данные ЛЕ употреблены 40 раз на 30 страницах текста, на втором месте по употребительности стоит ЛЕ *merry* (10 словоупотреблений на тот же объём). Отметим, обе ЛЕ эмоциональны по своему коннотативному значению и имеют отношение не только к военной удали, но в широком смысле к одобренному обществом поведению, соответствующему понятию чести и репутации; они имеют социальную и интеллектуальную окраску; они выражают благоприятную оценку поведения, считающегося приемлемым, согласно моральным критериям того исторического общества. Чтобы наиболее правильно перевести их, нужно прибегнуть к таким перифразам как «сознающий свой долг», «заботящийся о совершенстве», «озабоченный своей репутацией». Иными словами, доблестный означает «образцовый воин», «прославленный рыцарь, достойный им быть» [10, с. 385].

В изучаемом отрывке Робин стреляет «наугад», «как повезёт», «на уда-

чу» – *The mark shall show where it must go*. Это действие используется в разных видах дискурса, когда протагонисту надо определиться со своей судьбой (например, русская народная сказка «Царевна-лягушка»: *куда стрелы упадут – там и судьба ваша!*). Г. Зайцев исследовал этот момент: «Мужчины бросали копьё вертикально вверх, по направлению к небосводу. Падая на землю и ударяясь древком о камни, эти копьё, благодаря появившемуся элементу случайности, могли развернуться острием в любом направлении: на восток, где зарождается день, на юг, опаляющий дневным зноем великого светила, на запад, где ежедневно солнечный диск уходит на покой или на север, где безмолвствует вечная мгла. Так осуществлялся ритуал предсказания по стреле» [3, с. 20]. Данный интертекстуальный феномен отличает доблесть и отвагу настоящего воина – уметь принять вызов судьбы, подчиниться ей, обуздать её, стать королём самому себе.

Противопоставление королю Англии формируется также за счёт жизнеописания Робина или, как его перефразируют, «Короля отбросов» и его Двора. Методом интертекстуального анализа здесь можно определить диалогичность с дискурсом короткого рассказа: например, с рассказом М. Твена «Принц и Нищий» (1881 г.). Образ Робин Гуда дополняет его свита: Маленький Джон, брат Тук, Уилл Статли, Аллен Э'Дейл, дева Мариан. Примечательно, что все они происходят из разных сословий и напоминают паломников из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера (1343–1400), в чём мы также усматриваем диалогичность. Так, параллельно с особенностями лингвокультурного образа Робин Гуда можно узнать причины, заставлявшие людей отказываться от упорядоченной жизни в социуме и уходить в маргинальное подполье, однако это не входит в задачи предпринятого исследования.

When Robin Hood was about 20 years old,

*With a hey down down and a down
 He happened to meet Little John,
 A jolly brisk blade, right fit for the trade,
 For he was a lusty young man.
 Tho he was calld Little, his limbs they
 were large,
 And his stature was 7 foot high;
 Where-ever he came, they quak'd at his
 name,
 For soon he would make them to fly.¹*

Анализируемый отрывок начинается с указания возраста Робина, что может служить вехой летоисчисления. Достоверно известный год смерти Гуда (4 февраля 1194 года в возрасте 30 лет) позволяет установить, что описываемые события относятся к 1184 году. Исторические хроники свидетельствуют, что в это время произошло принятие закона под названием «Лесная Ассиза», согласно которой все леса Англии объявлены собственностью короля и подлежали его бесконтрольной и неограниченной юрисдикции; усиливается налоговое бремя на простых людей: крестовые походы требуют затрат [12, с. 264]. В таких условиях противостоять несправедливости в одиночку не реально; к тому же возраст 20 лет считался «средним» при общей продолжительности жизни 40–45 лет, так как периодически возникали пандемии и войны.

Провидение не оставляет героя без соратников: глагол *happen* является одно-корневым с ЛЕ *happiness*, что маркирует идею, что счастье всегда «неожиданно, случайно», как и описанный ранее элемент удачи. Имя друга противоречит его истинным габаритам и звучит контекстуальной иронией, а Гуд был ценителем хорошего юмора, что закрепилось в устойчивом эпитете – *merry Robin Hood*. Дан-

ная черта сближает героев. Отметим, что в Средние века имя считалось настолько значимым, его не разглашали и нередко имели по несколько вариантов: одно – в миру, другое – для бога. Этимология ЛЕ *имя* констатирует: «**им я** – (John), а Богу ...».

Как и положено странствующим рыцарям-романтикам, Джон экипирован оружием. Целый каскад эпитетов характеризует его: *jolly brisk blade*, что переводится как «восхитительный» (огромный, праздный), «проворный» (разящий со свистом) «меч, клинок» («разбитной парень», «фехтовальщик»), т. е. формируется двойное прочтение, каламбур. Фонетическая инструментовка создаёт эффект быстрых, точных, сверкающих ударов, несущих победу в бою – стилистический приём ономотопея. Отметим, ЛЕ «бой» не используется в тексте, но звучит ЛЕ *trade*, что можно принять за «торговлю» или «купеческое ремесло». Ирония такова, что именно это сословие (коммерсанты) является лакомой добычей соратников Леса.

Аллитерация и каламбур отражают и внутреннее содержание Малютки Джона – балагур, дюжий здоровяк, громкоголосый любитель женщин, ценитель прекрасного. Учитывая его богатырский рост (7 футов составляют 213 см, что даже по современным меркам впечатляет), он всегда ярок и находится в центре внимания. Его качества соответствуют ранее описанным характеристикам Робина и его отца.

Производя лексико-стилистический анализ приведённого отрывка, автор не может не остановиться на междометных восклицаниях, которые носят явный оценочный характер. Роль нарратора одновременно создаёт дистанцию между повествованием и реципиентом и сокращает её,нося комментирующий характер. Примечательно, что на протяжении всего цикла баллад о Робин Гуде положительная оценка лингвокультурного образа не меняется, как и негатив-

¹ Английская и шотландская народная баллада. С. 222. Перевод М. Цветаевой: «Рассказать вам, друзья, как Смелычак Робин Гуд, – Бич епископов и богачей, – с неким Маленьким Джоном в дремучем лесу поздоровался через ручей, хоть и Маленьким звался тот Джон у людей, был он телом – что добрый медведь! Не объять в ширину, не достать в вышину, – было в парне на что поглядеть!»

ная оценка его антагонистов. Мир Робин Гуда чётко разделён на своих и чужих: первые – бедняки, лишённые заступничества; вторые – шериф, епископ, король, осуществляющие земную власть. В балладах противопоставлены не только социальные слои, но и сами понятия законности (человеческой) и справедливости (божественной). То, что делает Робин и его товарищи (незримо уравнивают, «сшивают» обе стороны), – незаконно, но справедливо, т. е. утверждается некая Высшая («надземная») справедливость, народная («сокрытая») правда. Это и есть центральный лейтмотив всех изученных баллад, амплифицирующий образ Робина Гуда, инициированный в самом его имени – «яркое скрывается», «сокрытое становится явным». Здесь можно было бы провести параллель с библейским сюжетом: Иисус обличается в отречение нищего при въезде в Иерусалим на ослике; об этом же вторит максима: «совершая красное (красивое, благодетельное), сохрани его в тайне», но это не входит в задачи представленной работы.

Заключение

Каждый образ несёт в себе отпечаток эпохи, в которой рождён. Но становясь прецедентным именем, он обретает дополнительные механизмы, связывающие слова и содержание текста с культурой, в том числе за счёт импликации, модальности и квантования. Целью статьи служило описание лексико-стилистических средств вербализации лингвокультурного образа Робин Гуда в условиях балладного дискурса, способствующих расширению его семантики, способности к развиту, разрушая принятые стереотипы.

Лексико-стилистическое своеобразие лингвокультурного образа Робин Гуда в балладном дискурсе состоит в компиляции конкретных повторяющихся средств, пронизанных системой социальных оценок. Зная тот факт, что авторство баллад неоднородно, как и временной период их создания, лингвокультурный образ Гуда

служит стержнем, главной связующей нитью, организующим композиционно-сюжетным началом всего балладного дискурса, посвящённого его персоне.

Развитие образа шло путём наслоения лексических значений (гиперсемантизация), замещения (метонимизация), переосмысления (метафоризация), новообразования (неологизация) – классической исторической деривации. Этот порядок мы усматриваем в качестве главной особенности, реализуемой за счёт лексико-стилистических средств, вербализующих лингвокультурный образ Robin Hood.

Особенность его вербализации, заключающаяся в том, что одна часть имени имеет англо-саксонский корень, а вторая пришла из романской культуры, что имеет релевантное значение для интерпретации и является ключом к разгадке всего образа. Так, из буквального значения «холок малиновки» появилось метафорическое словосочетание «овеянный славой скрывающийся». Дальнейшее изучение лексико-стилистических средств приводит к выводу, что в подтексте имени героя присутствует соединение образов родителей, где мать – высокопоставленная, заметная особа, а отец – низкородный беглец, т. е. формируется оксюморон. Герой становится резидентом двух миров, заслужив перифразы «Король отбросов», «Принц воров», «Крёстный отец обиженных и оскорблённых».

Через метонимию и фонетический каламбур появляется новое значение «ворующий деньги» (robbing heads). Колпак Hood постепенно замещается маской и умением «околпачить», что приводит к тому, что колпак становится прообразом «мешка / западни», куда попадают недруги.

Лексико-стилистический контекст позволяет расширить этот ряд значений до прецедентного имени, поскольку в каждой культуре найдётся свой революционер – аналог Робина Гуда. Следовательно, происходит такая амплификация, при которой в одном мятежном герое возможно

узреть проблемы общества, где он сформировался, понять причины появления воинов-политиков, способных противостоять натиску несправедливости.

«В дискурсе конкретной эпохи, конкретной культуры, сферы деятельности есть четкие лексико-стилистические маркеры, отражающие идеологию её носителей» [13, с. 128]. В ходе проведённого исследования в балладном дискурсе установлено, что к таковым относятся фонетическая инструментовка, постоянные эпитеты, перифраз, историзмы, диалектизмы, лексические повторы, ирония, гипербола, открытое сравнение, анафора, инверсия, полисиндетон и др. (см. табл. 1)

Отметим, что фонетические средства в основном сводятся к аллитерации (гласных и согласных) и ономотопее – основе англо-саксонского стиха. Рифмовка строк условна, но внешняя рифма (eye rhyme) сохранена. Часто встречается припев *derry derry down – hey down derry derry down*, что фиксирует промежуточное состояние баллад между песенным дискурсом и речитативом.

Лексико-синтаксические средства разнообразны, что сигнализирует о повышенной эмоциональности и оценочности балладного дискурса, проявленной в основном в постоянных эпитетах (212 словоупотреблений). Сложный нарратив

Таблица 1 / Table 1

Лексико-стилистические приёмы, отражающие идеологию представителей конкретной эпохи / Lexical and stylistic devices reflecting the ideology of representatives of a particular era

Лексико-стилистическое средство	кол-во	Пример из текста баллад	Перевод на русский язык
Фонетические средства			
фонетическая инструментовка (аллитерация / ассонанс)	69	Wi[ll]ie's [l]arge o [l]imb and [l]ith [c. 212]	Был пригожим молодцом (пер. С. Я. Маршака)
Лексические средства			
постоянные эпитеты	212	Bold / brave / jolly Robin Hood, noble bow	Отважный / весёлый / смельчак Робин Гуд, честный лук
перифраз	17	And now, for thy sake, a staff will I take, the truth of thy manhood (храбрость) to try [c. 222]	Но, оружием сравнившись с тобой, посмотрю, как со мною сравнишься, трус! (пер. М. Цветаевой)
историзмы, устаревшая лексика, диалектизмы	83	Lythe and listin, gentlemen, that be of frebore blode; I shall you tel a gode yeman, his name was Robyn Hode [c. 270]	Искал добычу Робин Гуд, и вот лесной тропой проехал рыцарь на коне, как будто бы слепой (пер. Игн. Ивановского)
лексические повторы	77	Fair as a lily-flower <...>, When the leaves were fair and green <...> and gane is a' my fair colour, that wont to be my pride [c. 212]	Ему приглянулась хозяйская дочь, Надежда и гордость отца ... однажды летнею порой, когда раскрылся лист, ... и вянет, вянет нежный цвет румяных щёк моих (пер. С. Маршака)
ирония	40	Tho he was called Little, his limbs they were large [c. 222]	Хоть и Маленьким звался тот Джон у людей, Был он телом – что добрый медведь! (пер. М. Цветаевой)

Лексико-стилистическое средство	кол-во	Пример из текста баллад	Перевод на русский язык
гиперболы	52	O wind thy horn, thou proud fellow, of thee I have no doubt; I wish that thou give such a blast till both thy eyes fall out [c. 222]	Труби, труби, Робинов друг, Труби в Робинов рог! Да так, чтоб очи вон из ям, чтоб скулы вон из щёк! (пер. М. Цветаевой)
инвертированные эпитеты	50	My name is John Little, a man of good mettle [c. 228]	Джоном маленьким люди прозвали меня (пер. М. Цветаевой)
открытое сравнение (simily)	37	Thou dost prate like an ass ? Thou talkst like a coward [c. 224]	Ты говоришь как болван, ты угрожаешь как трус.
Синтаксические средства			
анафоры	28	They sought her back, they sought her for, they sought her up and down [c. 214]	Искали они и ночи, и дни, не зная покоя и сна... (пер. С. Маршака)
инверсия	24	Therefore now abroad will I go [c. 224]	Мне лежачее дело не впрок (пер. М. Цветаевой)
антитезы+параллельные конструкции	19	O narrow is my gown, Willie, that wont to be sae wide [c. 212] Whan night was gane , and day was come [c. 214]	О Вилли, тесен мой наряд, что прежде был широк (пер. С. Маршака)
полисиндетон	17	And kep me in your arms twa, and latna me fa down... and Willie was large o lith and limb, and keppit her in his arm. And they've gane to the gude green wood, and ere the night was deen... [c. 212]	К тебе с карниза я спущусь, а ты поймай меня! И с высоты на красный плащ к нему слетела вниз. Зеленая чаща приют им дала, и , прежде чем кончилась ночь... (пер. С. Маршака)
редупликация подлежащего	10	Robin Hood he [b]ent up a no[b]le (олицетворяющий эпитет) [b]ow and a [b]road (аллитерация) arrow he let flye (инверсия) [c. 212]	И поднял Робин честный лук с широкою стрелой (пер. Н. Гумилева)

включает образ «всезнающего» нарратора, который ведёт межкультурный диалог с читателем, что предъявляет к последнему определённые требования: 1) знание исторических фактов (период правления короля Ричарда Львиное Сердце, успехи его крестовых походов, персона доброго короля Эдуарда I); 2) знание параллельных видов дискурса (сказочного, короткого рассказа и т. д.); 3) широкий вокабуляр диалектизмов и историзмов: *yeomen, pounde, shilling, bow*.

Подводя итоги, отметим, что читателю приходится создавать новые области опыта на основе накопленных знаний по литературе, лингвистике, политологии, истории, поэтике, собственной интуиции.

Процесс чтения балладного дискурса и интерпретации центрального лингвокультурного образа во многом зависит от активной продуктивной деятельности реципиента, а это требует специальной подготовки – умения пользоваться словарями, комментариями, справочными пособиями, развивать в себе тончайшую филологическую сонастройку с изучаемым образом. В этом мы усматриваем несомненную **практическую значимость** проведённого исследования. Динамика развития любого лингвокультурного образа основывается в глубокой художественной перцепции, обусловленной опытом прошлого и открытостью интеллектуально-рефлексивной и эмоциональной сфер личности чи-

тателя к наблюдению и умению видеть между строк. К **перспективам** данного исследования можно отнести отработку предложенного алгоритма для описания

прочих лингвокультурных феноменов в прочих видах дискурса; возможно сравнение результатов, полученных с помощью иных методов исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борецкая У. А. Отличительные особенности жанра английской народной баллады // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 1. № 4. С. 90–98.
2. Воронцова Т. И. Картина мира в тексте английской баллады (когнитивная основа и языковая репрезентация): автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2003. 36 с.
3. Зайцев Г. Таинство пути: культурологическое исследование второго септенера Старшего Аркана Таро. М.: Касталия, 2017. 412 с.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
5. Маслова В. А. Лингвокультурология. Введение: учебное пособие для вузов; 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2022. 208 с.
6. Пугачева Е. Ю. Лексико-семантический потенциал ольфакторной лексики в поэтическом дискурсе Шекспира (на примере сонетов) // Russian Linguistic Bulletin. 2025. № 5 (65). URL: <https://rulb.org/archive/5-65-2025-may/10.60797/RULB.2025.65.19> (дата обращения: 13.05.2025). DOI: 10.60797/RULB.2025.65.19.
7. Пугачева Е. Ю. Лингвокультурный образ Шекспира в мировом поэтическом дискурсе // Russian Linguistic Bulletin. 2025. № 8 (68). URL: <https://rulb.org/archive/8-68-2025-august/10.60797/RULB.2025.68.5> (дата обращения: 08.08.2025). DOI: 10.60797/RULB.2025.68.5.
8. Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки. М.: Колibri, Азбука-Аттикус, 2021. 640 с.
9. Сегал Н. А., Скворцова В. А. Прецедентный антропоним Робин Гуд в массовой коммуникации // Universum: Филология и искусствоведение. 2016. № 11 (33). С. 32–35.
10. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность / науч. ред. П. Е. Бухаркин; изд. 4-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 448 с. (Серия: Лингвистическое наследие XX века).
11. Шаховский В. И. Стилистика английского языка = English stylistics: учебное пособие. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 232 с.
12. Флори Ж. Ричард Львиное сердце: Король-рыцарь / пер. с фр. А. В. Наводнюка. СПб.: Евразия, 2008. 666 с.
13. Трушина М. К. Различия дискурса оригинала и перевода художественного текста на материале романа Бел Кауфман "Up The Down Staircase" // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 1. С. 127–136 DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-127-136.

REFERENCES

1. Boretckaia, U. A. (2013). Distinctive features of English folk ballad. In: *Pushkin Leningrad State University Journal*, 1 (4), 90–98 (in Russ.).
2. Vorontsova, T. I. (2003). *Picture of the World in the Text of an English Ballad (Cognitive Basis and Linguistic Representation)* [dissertation]. St. Petersburg (in Russ.).
3. Zaitsev, G. (2017). *The Mystery of the Path: A Cultural Study of the Second Septener of the Major Arcana of the Tarot*. Moscow: Kastalia publ. (in Russ.).
4. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Maslova, V. A. (2022). *Lingvoculturology. Introduction*. Moscow: Yurait publ. (in Russ.).
6. Pugacheva, E. Y. (2025). Lexical and semantic potential of olfactory vocabulary in Shakespeare's poetic discourse (on the example of sonnets). In: *Russian Linguistic Bulletin*, 5 (65). URL: <https://rulb.org/archive/5-65-2025-may/10.60797/RULB.2025.65.19> (accessed: 13.05.2025). DOI: 10.60797/RULB.2025.65.19 (in Russ.).
7. Pugacheva, E. Y. (2025). The linguocultural image of Shakespeare in global poetic discourse. In: *Russian Linguistic Bulletin*, 8 (68). URL: <https://rulb.org/archive/8-68-2025-august/10.60797/RULB.2025.68.5> (accessed: 08.08.2025). DOI: 10.60797/RULB.2025.68.5 (in Russ.).

8. Propp, V. Ya. (2021). *Morphology of the fairy tale; Historical roots of the fairy tale*. Moscow: KoLibri publ., Azbuka-Atticus publ. (in Russ.).
9. Segal, N. A. & Scvortsova, V. A. (2016). The precedent-setting anthroponym Robin Hood in mass communications. In: *Universum: Philology and Art History*, 11 (33), 32–35 (in Russ.).
10. Arnold, I. V. (2016). *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Moscow: LENAND publ. (Series: Linguistic Heritage of the 20th Century) (in Russ.).
11. Shakhovsky, V. I. (2008). *English stylistics*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
12. Flori, J. (2008). *Richard the Lionheart: The Knight King*. St. Petersburg: Eurasia publ. (in Russ.).
13. Trushina, M. K. (2018). The Differences Between the Original and Translation Discourse of a Literary Text in Up the Down Staircase by Bel Kaufman. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 127–136 DOI: 10.18384/2310-712X-2018-1-127-136 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пугачева Елена Юрьевна (г. Жуковский, Московская обл.) – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Государственного университета просвещения;
<https://orcid.org/0009-0000-7708-3180>; e-mail: elenapetrishina@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Yu. Pugacheva (Zhukovsky, Moscow Region) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of English Philology, Federal State University of Education;
<https://orcid.org/0009-0000-7708-3180>; e-mail: elenapetrishina@mail.ru

Научная статья

УДК 8125

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-96-109

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ В КИТАЙСКИХ И РУССКИХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Цзоу Цзиньна¹, Сюе Эньюй¹, Карабулатова И. С.^{1,2,3*}

¹ Хэйлунцзянский университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация

³ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: radogost2000@mail.ru

Поступила в редакцию 14.04.2025

После доработки 28.11.2025

Принята к публикации 13.12.2025

Аннотация

Цель: рассмотрение специфики структурных особенностей терминологических систем китайского и русского языков на примере научно-технических текстов.

Процедура и методы. Основным является метод параллельного сравнения научно-технических текстов, что дополняется использованием типологического и сравнительно-сопоставительного методов. Рассмотрены различные подходы и классификации переводимых научно-технических терминов с учётом их морфологических характеристик и структуры. Эмпирический материал был извлечён из 5-томной двуязычной русско-китайской и китайско-русской хрестоматии современных научно-технических текстов в области гражданского строительства в количестве 2780 фрагментов методом непрерывной выборки.

Результаты. Выявлены различия в формах и конструкциях научно-технической терминологии в сфере гражданского строительства на русском и китайском языках, определены ключевые подходы к терминообразованию в сравниваемых языках.

Теоретическая и практическая значимость обусловлена активной интеграцией России и Китая в сфере науки и техники. Это предопределяет специфику перевода научно-технических русско-китайских прямых и обратных переводных текстов, в том числе ревизии ряда сложившихся принципов и подходов в отношении русской и китайской терминологии.

Ключевые слова: китайский язык, научно-технический текст, русский язык, строительная терминология, структурные особенности, терминология

Благодарности. Работа выполнена в рамках фундаментального проекта Национального фонда общественных наук «Перевод Словаря иероглифов Синьхуа с китайского языка на русский» (19ZDA317); проекта по планированию исследований философских и социальных наук провинции Хэйлунцзян «Исследование перевода архитектурной культурной лексики на русский язык с точки зрения когнитивной семантики» (25YYC016).

Для цитирования:

Цзоу Цзиньна, Сюе Эньюй, Карабулатова И. С. Структурные особенности терминологии в китайских и русских научно-технических текстах // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 96–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-96-109>

© СС ВУ Цзоу Цзиньна, Сюе Эньюй, Карабулатова И. С., 2026.

Original research article

STRUCTURAL FEATURES OF TERMINOLOGY IN CHINESE AND RUSSIAN SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS

Jinna Zou¹, Enkui Xue¹, I. Karabulatova^{1,2,3*}

¹ Heilongjiang University, Harbin, People's Republic of China

² Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

³ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: radogost2000@mail.ru

Received by the editorial office 14.04.2025

Revised by the author 28.11.2025

Accepted for publication 13.12.2025

Abstract

Aim. The purpose of the article is to consider the specifics of the structural features of the terminological systems of the Chinese and Russian languages using the example of scientific and technical texts.

Methodology. The main method is the method of parallel comparison of scientific and technical texts, which is complemented by the use of typological and comparative methods. Various approaches and classifications of translated scientific and technical terms are considered, taking into account their morphological characteristics and structure. Empirical material was extracted from 5-volume bilingual Russian-Chinese and Chinese-Russian textbook of modern scientific and technical texts in the field of civil engineering in the amount of 2,780 fragments by continuous sampling.

Results. The differences in the forms and constructions of scientific and technical terminology in the field of civil engineering in Russian and Chinese were considered, and key approaches to terminology formation in the compared languages were identified.

Research implications. The theoretical and/or practical significance is predetermined by the active integration of Russia and China in the field of science and technology. Translation determines the specifics of the translation of scientific and technical Russian-Chinese direct and reverse translated texts, including the revision of a number of established principles and approaches in relation to Russian and Chinese terminology.

Keywords: Chinese language, scientific and technical text, Russian language, construction terminology, structural features, terminology

Acknowledgments. This work was supported by the National Social Science Foundation's fundamental project "Translation of the Xinhua Character Dictionary from Chinese into Russian" (19ZDA317); and the Heilongjiang Province Philosophical and Social Sciences Research Planning Project "Research on the Translation of Architectural Cultural Lexicon into Russian from the Perspective of Cognitive Semantics" (25YYC016).

For citation:

Zou, Jinna, Xue, Enkui & Karabulatova, I. S. (2026). Structural features of terminology in Chinese and Russian scientific and technical texts. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 96–109. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-96-109>

Введение

Результаты четвёртой промышленной революции демонстрируют рост научно-технической сферы, вследствие чего наблюдается активное развитие современной терминологии, в том числе и переводной. Повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта сформировало отдельные подпространства специальных знаний на стыке гуманитарных, точных и естественных наук, предполагая как предметную экспертизу, так и лингвистическую [1; 2]. В результате возникли новые понятия, которые ранее не существовали в человеческой практике (типа: *интернет, блокчейн, цифровой близнец* и т. д.). В соответствии с этим возникла необходимость разработки новых стандартов означивания этих новых явлений и их перевода на другие языки [3; 4]. Поскольку появились ранее неизвестные вещи и явления, их обозначение представляет определённую сложность, потому что термин должен выразить содержание того, с чем ранее человечество не сталкивалось, при этом сохраняя точность и однозначность передачи знания в различных областях науки, техники и производства.

Сложность русско-китайского и китайско-русского перевода терминологии обусловлена опосредованным влиянием английского языка и спецификой китайской политики относительно допустимых принципов терминообразования и словообразования. Как правило, во всех языках такие понятия, как *интернет, радио, телевидение, смартфон, айфон, технология, мобильный, блокчейн*, используются, как слова-интернационализмы. Однако совсем другая ситуация в Китае, где эти слова не заимствуются, но переводятся как по общему смыслу, так и по описательным содержательным характеристикам. Этот аспект терминоведения включён в процесс реализации языковой политики Китая. Например, такой известный термин-интернационализм, как «математика», вошедший прак-

тически во все языки мира, в китайском языке звучит как 数学 / *shùxué* «учение о числе». Также термин-интернационализм «архитектура» в китайском языке переводится по смыслу как 建筑设计 / *jiànzhù shèjì* «установление плана строительства зданий» и т. д. Кроме того, одно из таких основных понятий научно-технической сферы, относящихся к терминам-интернационализмам, как «метод» в значении «путь исследования, или способ доказательства теории», в китайском языке получило обозначение 方法 / *fāngfǎ* в значении букв. «рецепт + закон», что близко по своей сути к определению содержания слова *метод*. Всё это делает терминологическое пространство научно-технической сферы достаточно сложным для понимания в контексте перевода с китайского языка на русский и обратно.

Следует отметить, что проблема соответствия понятий-интернационализмов с китайскими терминами является одной из самых актуальных задач современной языковой политики КНР. Так, в 2001 г. Институтом прикладной лингвистики Министерства образования Китая была предложена единая концепция стандартизации и упорядочивания современной китайской информации на основе использования семантических признаков [5].

В современном терминоведении понятие «термин» определяется как номинативная специальная лексическая единица (слово или словосочетание) специального языка, принимаемая «для точного наименования специальных понятий» [6, с. 22], как «совокупность всех вариантов неязыкового знака или устойчиво воспроизводимой синтагмы, выражающих специальные понятия определенной области деятельности» [7, с. 216]. Многочисленные исследования терминологии как особого подъязыка, последовавшие вслед за разработками Л. Хоффмана [8], позволили О. А. Зябловой атрибутировать отдельно страты научно-технической терминологии, а именно: 1) язык теоретических фундаментальных наук;

2) язык экспериментальных наук; 3) язык прикладных наук и техники; 4) язык материального производства; 5) язык сферы потребления [9, с. 25–32].

Особый акцент уделяется совершенствованию подкорпуса переводной строительной терминологии, что связано с интенсификацией совместных строительных проектов России и Китая: от развития городской среды и цифровых двойников [10; 11], создания совместных международных хабов в приграничных зонах и территориях¹ до амбициозного строительства совместной станции на Луне², что требует особого подхода к пониманию научно-технической лексики.

В связи с этим возникает острая необходимость унификации терминологического аппарата России и Китая в сфере научно-технической документации, в том числе в кодексе искусственного интеллекта, для обеспечения эффективной коммуникации, чёткого понимания стандартов в технико-производственной сфере обеих стран, для последующей формализации данных и улучшения качества автоматического перевода [12; 13; 14]. Вследствие этого стал разрабатываться специализированный терминологический стандарт китайского языка с выделением морфологических категорий с верифицирующими семантическими признаками.

Русский и китайский языки относятся к разноструктурным языкам, поэтому они обнаруживают различные подходы к способам образования и классификационным параметрам, что влияет на функциональный потенциал того или иного термина [15]. Например, В. М. Лейчик

выделяет содержательную и формальную стороны в структуре термина [16]. Фэн Чживэй рассматривает структуру термина на морфологическом, синтаксическом и семантическом уровнях [17]. В. И. Литовченко в статье «Классификация и систематизация терминов» уделяет внимание таким параметрам, как содержательная (семантическая) структура (однозначные и многозначные термины), формальная структура (термины-слова и термины-словосочетания), морфемная структура (непроизводные, производные, сложные термины и аббревиатуры), морфологическая структура терминов-слов (части речи) [18].

Н. Г. Кузнецова на примере терминов китайского языка выделяет такие критерии их анализа, как: 1) морфемный состав – двух-, трёх-, четырёхсложные термины-слова и термины-словосочетания; 2) способ словообразования; 3) происхождение – заимствованные термины и исконные; 4) модели словосложения – атрибутивные, сочинительные, глагольно-объектные, аббревиатуры [19].

Соответственно интерес к лингвистическим аспектам терминологии при осуществлении перевода на разноструктурные языки, к которым относится пара «русский и китайский», представляет собой особый вызов как для теоретиков, так и для практиков в области прикладного языкознания.

Структурные особенности терминов в китайских научно-технических текстах

В китайском языке терминология научно-технического текста имеет свою специфику, обусловленную использованием иероглифической системы [20].

Термины в китайском языке могут быть разделены на два основных типа: простые (состоят из одного иероглифа) и сложные (состоят из двух и более иероглифов). Первый тип терминов встречается довольно редко, к ним можно отнести такие простые термины, как: 瓦 «черепица», 轴 «вал».

¹ Ван Л., Карабулатова И. С., Цзоу Ц. Моделирование социально-экономического и демографического развития трансграничных регионов (на примере российско-китайского приграничья) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 4. С. 26–51. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.2.

² Степанов И. А., Шушканова Е. А. Сотрудничество России и Китая в области развития космических технологий // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. Т. 2. № 11. С. 417–420.

Наибольшее внимание уделяется сложным терминам, которые состоят из двух или более иероглифов и занимают основную часть китайской научно-технической лексики. Такие термины могут быть разделены на две категории: односложные и многосложные. Односложные термины (например, 电 «электричество», 铁 «железо», 钢 «сталь») содержат только один иероглиф, а многосложные термины (например, 玻璃 «стекло», 马达 «мотор», 坦克 «танк») состоят из нескольких слогов и чаще встречаются в научно-технических текстах.

Сложные термины в китайском языке преобладают в современном терминологическом пространстве [21, 38页]. В зависимости от структуры предложения (среди которых выделяются сочинительные, атрибутивные, глагольно-объектные и субъективно-предикативные структуры) будут использоваться разные типы составных слов. Рассмотрим на примерах использование сложных составных терминов с различной структурой.

1. Сочинительный тип (联合式复合词). В этой структуре компоненты имеют равное место, и они не модифицируют друг друга: 宽大 «просторный, обширный» состоит из иероглифов 宽 «широкий» и 大 «большой», которые суммируют две слогоморфемы, подчёркивая исключительно большое пространство.

2. Атрибутивный тип (偏正式复合词).

1) В данной структуре предыдущая морфема модифицирует последующую: 刀头 «кончик/головка резца», 砂轮 «шлифовальный круг (точило)», 弓锯 «лучковая пила (ножовка)». Это достаточно продуктивный тип терминообразования в китайском языке: 曲轴 «коленчатый вал», 变压器 «трансформатор», 电焊机 «электросварочная машина», 传输带 «конвейер», 老虎钳 «тиски», 齿轮箱 «дифференциальная коробка», 潜孔钻 «расточка скрытых отверстий», 边刨床 «кромкострогальный станок», 球磨床 «сферошлифовальный станок».

2) Предыдущая морфема модифицирует последующую, при этом центральная морфема является глагольной: 精轧 «чистовая обработка», 初轧 «первичная прокатка».

3. Глагольно-объектный тип (动宾式复合词). Первый компонент является глаголом, а второй – существительным, и между ними существует отношение действия и подчинения: 给水 «водоснабжение», 转门 «вращающаяся дверь», 刨床 «строгальный станок», 磨床 «шлифовальный станок».

4. Субъектно-предикативный тип (主谓式复合词). В данной структуре первый компонент является основным, второй компонент излагает или описывает первый компонент, выражая его действие или состояние. Первый компонент является существительным, второй компонент – глаголом или прилагательным: 电焊 «электрическая сварка», 车削 «обточка», 电流 «электрический ток», 电感 «индуктивность».

Таким образом, составление сложных слов в китайском языке происходит главным образом с использованием четырёх основных методов: соединение, модификация, объектное дополнение и субъектно-глагольная структура. Эти методы также являются основными способами формирования китайских фраз. На основе этих четырёх методов могут быть сформированы и трёхсложные слова.

Отличительной особенностью китайского языка, создающей определённую сложность в понимании, является отсутствие в письменной форме китайского языка чётких границ между слогоморфемами, поэтому потенциальные границы при разбивке текста на слова весьма условны. Также большую сложность представляет «нанизывание» иероглифов при конструировании сложносоставных терминов для «глубинной» расшифровки понятия. Возьмём популярный термин современного общества *цифровой менеджмент*, под которым понимается такой управленческий поход, который, отталкиваясь от

новых цифровых технологий, стремится оптимизировать производственные, логистические и бизнес-процессы, повышая эффективность конкурентоспособности компании, что сопровождается фундаментальным сдвигом в мышлении современного управленца. Кроме того, под цифровым менеджментом понимается также и обучение персонала новым навыкам и цифровым компетенциям¹.

В китайском языке понятие *цифровой менеджмент* – 数码管理 / shù mǎ guǎnlǐ представляет собой сложносоставной иероглиф, в котором слогоморфема 数 «считать, посчитать» связывается с последующим сложным иероглифом 码 «код, шифр», который указывает на род занятий в слогоморфеме 管 «заниматься», с уточнением 理 «управлять», т. е. цифровой менеджмент в китайском понимании истолковывается как «числовой код в совершении управления». Современное китайское общество активно продвигает сложную интеллектуальную систему управления, применяя технологию цифровых двойников, будь то живое существо, некий артефакт, природные реалии или производственный компонент. Понятие социального рейтинга как реального компонента жизнедеятельности человека в цифровом измерении также является примером цифрового двойника. Сам термин «цифровой двойник» / «цифровой близнец» возник относительно недавно, в 2014 г. в исследованиях М. Гривса², войдя как калька практически во все языки мира, представляя собой обозначение виртуальной копии некоего физического объекта, субъекта, процесса или системы в цифровой среде с имитацией объек-

тивной реальности³. Понятие цифрового двойника в китайском языке отталкивается от внутреннего содержания термина 数字孪生/shùzì luánshēng «цифровой двойник», в котором первая слогоморфема 数 «считать» соотносится со второй слогоморфемой 字 «буква, письмо», уточняя в третьей слогоморфеме качественную характеристику 孪 «близнецы», поясняя появление нового качества в четвертой слогоморфеме 生 «жизнь, рождение».

Иными словами, *цифровой двойник* понимается в китайском языке, как «посчитанный, зафиксированный на носителе, появившийся аналог живой реальности». Значение цифрового двойника в китайском языке выявляет незначительные отличия уточняющего характера.

Акцентуация на детализации в значении аналогового термина научно-технической сферы в китайском языке обнаруживает стратегические преимущества «мягкой силы», направленные на поддержку витальности собственного этнокультурного кода и языка, демонстрируя семантические связи в контексте конфуцианства, создавая прозрачность толкования всех слогоморфем внутри каждого термина как свёрнутого кластера в единой информационной системе современной научно-технической китайской терминологии, иллюстрируя эффект созависимых связей различных терминологически подгрупп [22].

При этом создание новой научно-технической терминологии укрепляет внутренние семантические связи между каждым членом китайского социума и самим этноколлективом, делая так или иначе отсылку к термину 国家/guójiā «государство», состоящему из компонентов 国 «страна» + 家 «в семье».

Так, термин *интернет* в китайском языке передан понятием 网络/wǎngluò «интернет», в котором первая слогомор-

¹ Лазарева М. В., Горюков А. А. Цифровизация и цифровой менеджмент в современном управлении // Электронный научный журнал «Потомки Аль-Фаргани» (Al-Farg'oniyy avlodlari (The descendants of Al-Fargani)). 2023. Т. 1. Вып. 4. С. 75–81. URL: <https://zenodo.org/records/10334823> (дата обращения: 10.04.2025). DOI: 10.5281/zenodo.10334822.

² Grieves M. Digital twin. Manufacturing excellence through virtual factory replication // White paper. 2014. Vol. 1. P. 1–7.

³ Stark R., Damerau T. Digital Twin // CIRP Encyclopedia of Production Engineering / eds. S. Chatti, T. Tolio. Berlin: Springer, 2019. P. 1–8. DOI: 10.1007/978-3-642-35950-7_16870-1.

фема 网 «сети» уточняется способом 络 «наматывать», т. е. буквально «наматывающиеся сети / связи», делая отсылку к понятию 关系 / гуаньси как многоуровневой традиционной системе межличностных взаимоотношений, принятой в китайской культуре. Иногда этот термин передаётся иначе, но также с апелляцией к китайской языковой картине мира: 互联网/ *hùlián wǎng*, где 互 «друг друга» + 联 «объединённые» + 网 «сети». Оба обозначения интернета в китайском языке представлены через понимание цифровых гуаньси.

Вместе с тем практически все новые термины китайского языка, связанные с развитием цифровых систем, включают в себя слогоморфему 电流 «электрический ток» как ключевой компонент реализации искусственного интеллекта и цифровизации. Однако сам термин 电流 «электрический ток» создан с помощью слогоморфем 电 «электроэнергия» и 流 «течь», которые содержат в себе ключевой признак «движение электроэнергии». Если в русском языке электрический ток представляет собой поток электричества, то в китайском языке это понятие передаётся похоже – как текучая электроэнергия.

Современная жизнь неотделима от цифровых реалий, в которых термин 流动电话系统/ *liúdòngdiànhuà xìtǒng* «система мобильной связи» представляет собой терминологическое предложение-номинатив, где первая слогоморфема нам уже знакома, потому что выражена понятием 流 «течь», вторая слогоморфема 动 «двигаться, передвигаться» как бы уточняет характер третьей слогоморфемы 电 «электроэнергия», которая является ключевым понятием в термине. Далее четвёртая слогоморфема 话 союз «если», указывающая на последующую слогоморфему 系 «система», которая акцентирует последнюю часть иероглифа 统 «управлять». Таким образом, термин 流动电话系统/ *liúdòngdiànhuà xìtǒng* имеет значение «текучая мобильная электроэнергия на основе системы, связи управления», позво-

ляя метафорически домыслить значение самого термина как эквивалента понятия *система мобильной связи*. Например, понятие 电感/ *diàngǎn* «индуктивность» состоит из следующих иероглифов: 电 «электроэнергия» + 感 «чувствовать, ощущать», что также представляет собой пример когнитивной метафоры.

Таким образом, современное терминообразование в китайском языке сопряжено с основными способами образования китайских предложений, что существенно отличается от русской терминологии, требуя новых компетенций от переводчиков в научно-технической сфере.

В связи с этим структурные особенности терминологической архитектуры научно-технического дискурса в сфере российско-китайского перевода могут быть представлены в виде обобщённой верхнеуровневой модели, которая группирует термины, исходя из семантических векторов, связывающих основные кластеры. Эти кластеры конструируются в виде сложных метаграфов в расширенной архитектуре суперсложной метаграфовой системы, в которую органично вписывается терминология, что было представлено нами на базе русского, английского, арабского и китайского языков ранее для разработки более качественного мультиязычного перевода в ситуации неблизкородственных и разнотипных мировых языков, чьё влияние демонстрирует устойчивый характер и рост во всем мире [13].

Не повторяя ранее полученные результаты, детализирующие принципы токенизации терминологии, в том числе в китайском языке, мы продвинулись дальше в аспекте построения терминологической метавселенной с учётом структуры, связей и содержания.

Этот фрагмент терминологической метавселенной выстроен нами на основе сферы современного строительства, включающего в себя цифровые технологии, распространённые в Китае и набирающие рост в России (рис. 1). Распреде-

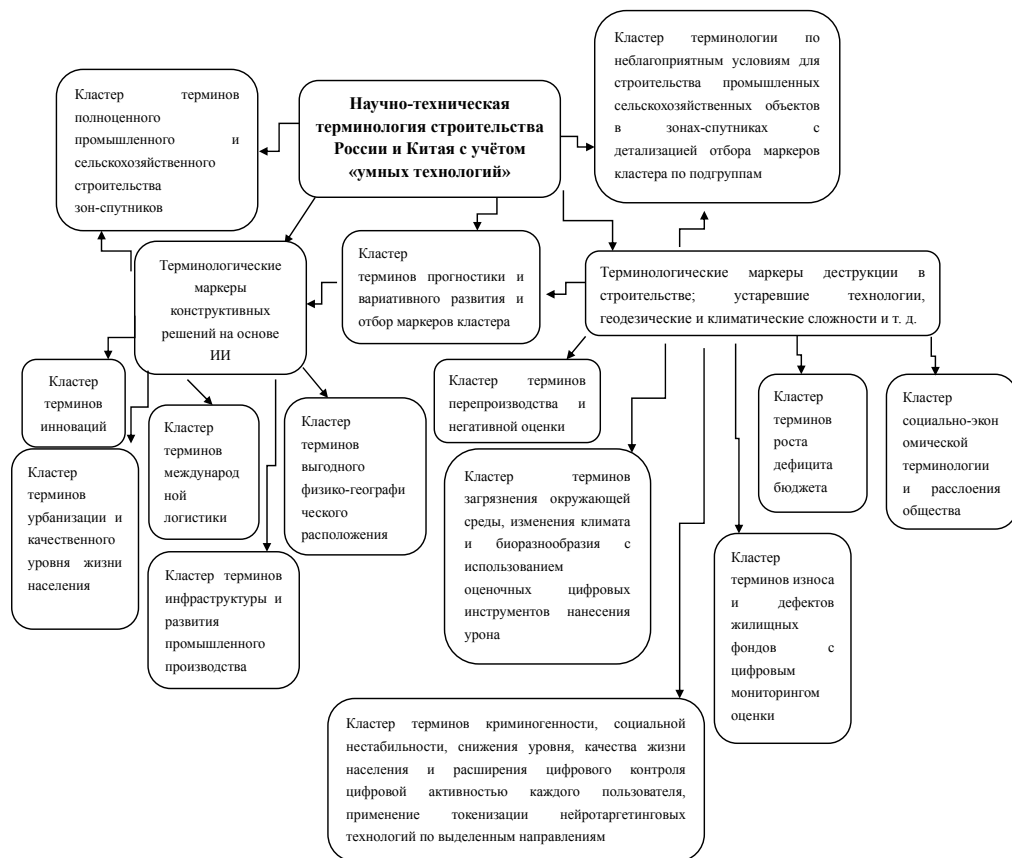

Рис. 1 / Fig. 1. Верхнеуровневая архитектура терминологического подкорпуса конструктивной и деструктивной стратегий реализации международного сотрудничества в сфере строительства между Россией и Китаем / High-level architecture of the terminological subcorpus of constructive and destructive strategies for implementing international cooperation in the field of construction between Russia and China

Источник: составлено автором

ние терминологии на конструктивный и деструктивный подкорпусы обусловлено спецификой реализации современных технологий в бинарном представлении, вследствие чего можно определить тенденции витальности того или иного кластера. Успешность внедрения цифровых технологий в Китае базируется на лингвокогнитивном фундаменте традиционных понятий китайской культуры с акцентом на сложности взаимообусловленных семантических связей, что интерпретируется как некая иерархия организационной структуры информационной империи, включающей в себя

расширенные системы сложных мульти-метаграфов.

Терминология цифровых технологий как в России, так и в Китае иллюстрирует этносоциокультурную специфику, демонстрируя особенности нейроморфных элементов в социоморфной системе современной научно-технической сферы [22].

Такое структурирование китайской терминологии понятно носителю китайского языка, поскольку сам Китай неоднократно именуется как «империя мегаполисов», что методологически влияет на внутреннюю социально-экономическую жизнь как внутри КНР, так и на интер-

претацию терминологических понятий в научно-технической сфере стран-партнёров, на что указывается в аналитической литературе¹. Соответственно расширяется понятийное пространство терминологической сферы, что сказывается на синтаксической структуре китайского научно-технического текста [23].

В связи с этим, в интерпретация феномена китайского терминообразования важны следующие классификационные кластеры: 1) семантический граф, включающий в себя верификацию терминов по чёткости выражения семантического значения (однозначные vs многозначные термины); 2) формальный граф, верифицирующий термины по сложности структуры (термины-слова vs термины-словосочетания); 3) морфемный граф, характеризующий процесс терминообразования (непроизводные, производные, простые, сложные, аббревиация); 4) морфологический граф, позволяющий атрибутировать термины по частям речи.

Использование производных составных терминов также является отличительной особенностью китайской современной научно-технической терминологии. Словообразование, состоящее из морфем содержательных и служебных слов, называется производным словом. В научно-техническом тексте на китайском языке производные слова встречаются гораздо чаще, чем в других специализированных языках². Производные слова можно разделить на три типа: с приставкой, с суффиксом, приставкой и с суффиксом одновременно [24].

1. Приставочные производные слова

非: обозначает «отсутствие принадлежности к какой-либо категории», например: **非金属** «неметалл», **非导体** «не-

проводник», **非晶体** «аморфное тело», **非电解质** «неэлектролит»;

超: обозначает «превышение, выход за пределы», например: **超导体** «сверхпроводник», **超高压** «сверхвысокое давление», **超固态** «супертвёрдое тело», **超低温** «сверхнизкая температура»;

半: обозначает «половина, полу-; делить пополам; уменьшать вдвое; иметь вполовину», например: **半导体** «полупроводник», **半自动** «полуавтоматический», **半成品** «полуфабрикат», **半胶体** «полукolloид». Следует отметить, что в китайской разговорной речи термин **半** может быть использован в значении «нахождение между двумя вещами», что является частным случаем, на наш взгляд, первичной дефиниции;

过: имеет значение «превышение, выход за пределы», например: **过电压** «перенапряжение», **过冷** «переохлаждение», **过热** «перегрев», **过氧化氢** «пергидроль (перекись водорода)», **过氧化钙** «пероксид кальция».

2. Суффиксальные производные слова

性: имеет значение «свойство», типа: **弹性** «упругость», **塑性** «пластичность», **放射性** «радиоактивность», **挥发性** «летучесть»;

度: обозначает степень, например: **弧度** «радиант», **度** «концентрация», **硬度** «твёрдость», **溶解度** «растворимость», **电离度** «ионизация»;

式: обозначает стиль или категорию, например: **喷气式** «реактивный», **自主式** «автономный», **气压式** «пневматический».

В научно-технических текстах активно используется сокращение производных слов, что требует отдельного рассмотрения и анализа. Преобразованные термины обычно имеют более компактную форму, отражающую экономичность языка, и поэтому морфолого-синтаксический способ является одной из тенденций формирования новых терминов (из-за постоянного увеличения количества терминов в современной эпохе). Кроме того, метод сокращения терминов также

¹ Параг Х. Коннектография: будущее глобальной цивилизации / пер. с англ. Э. Кондуковой. М.: Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2019. 427 с.

² Шешин В. Г., Хабаров А. А. Электронный словарь «Киберслов» (E-DICTIONARY «CYBERWORDS»). Свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2022617060, 18.04.2022. Заявка № 2022613061 от 25.02.2022.

включает извлечение основных частей из каждого компонента исходного термина для создания нового термина. (1) Опускание существительного с сохранением прилагательного: сила сцепления/прилипания – адгезия (附着力), технологический способ – технология (工艺), механическая конструкция – механизм (机械装置), торцевая поверхность / грань – край (端面). (2) Опускание прилагательного с сохранением существительного: широкогорлая банка – банка (广口瓶), малая шестерня – шестерня (小齿轮). (3) Извлечение основных компонентов прилагательного и существительного для формирования нового термина: механическая обработка – механообработка (机械加工), автомобильная бетономешалка – автобетономешалка (混凝土搅拌汽车).

В отличие от метода сокращения метод сложения – это способ, при котором два и более корня и морфемы объединяются в одно слово-термин. Термины, образованные с помощью метода сложения, часто можно разделить на две части: корень слова, расположенный в начале, и полное слово, расположенное в его второй части: электропроводность – 电导率, водогаз – 压水机, воздуходувка – 鼓风机, металлоискатель – 金属探测器, теплоавтомат – 热力自动机, теплоотдатчик – 散热器, ветроэлектроагрегат – 风力电气机组.

В русском научно-техническом языке также существует особая форма словосочетаний, которые состоят из трёх частей: существительное + предлог + существительное: сварка на подкладке – 衬垫焊, цинкование в порошках – 固体渗锌, трещина в кратере – 弧坑裂纹, припуск на обработку – 加工余量, резка на ножницах – 剪切下料.

Кроме двухкомпонентных терминов существуют и трёхкомпонентные термины. Среди них можно выделить следующие четыре репрезентативных способа словообразования:

1) прилагательное + прилагательное + существительное: бескарбюраторный

бензиновый двигатель – 无汽化器汽油发动机, азимутальный корректирующий двигатель – 方位校正发动机, бескомпрессорный воздушно-реактивный двигатель – 无压缩器式空气喷气发动机, плетёный фрикционный материал – 编织摩擦材料, бустерный ракетный двигатель – 助推火箭发动机, закрытая кинематическая цепь – 闭式运动链;

2) существительное + прилагательное + существительное: толщина литейной формы – 吃砂量, продолжительность простоя объекта – 不工作时间, ширина зубца – 齿宽, равновесие отдельной плоскости – 单面 (静) 平衡, система моно-свободной степени – 单自由度系统.

3) существительное + существительное + существительное: коэффициент амортизации запаздывания – 迟滞阻尼系数, преобразование типов волн – 波形转换, коэффициент применимости материала – 材料利用率, поверхность впадин зубьев – 齿根曲面, отношение сигнала акта – 动作信号比.

4) прилагательное + существительное + существительное: тканый диск сцепления – 编织离合器片, технологический расход материалов – 材料工艺性消耗, качественный фактор материала – 材料品质因素, угловой шаг зубьев – 齿距角, завалочная машина вагранки – 冲天炉加料机.

Помимо двухкомпонентных и трёхкомпонентных терминов существуют и многокомпонентные термины – словосочетания в русском языке, состоящие из четырёх или более компонентов, и их вариации могут быть разнообразными. Формирование многокомпонентных терминов неразрывно связано с двух- и трёхкомпонентными терминами, которые служат основой для образования многокомпонентных терминов. Способы словообразования следующие: 1) прилагательное + существительное + прилагательное + существительное: ионный двигатель малой тяги – 小推力离子发动机, время задержки для повторной работы – 重新进入工作状态延迟时间;

2) прилагательное + прилагательное + прилагательное или причастие + существительное: воздушно-реактивный резонансный пульсирующий двигатель – 共振脉冲式空气喷气发动机; 3) прилагательное + прилагательное или причастие + существительное + прилагательное + существительное: гиперзвуковой прямоточный воздушно-реактивный двигатель – 高超声速冲压式空气喷气发动机; 4) наречие + прилагательное + прилагательное + существительное: горизонтально расположенный подъёмный двигатель – 卧式升力发动机; 5) наречие + прилагательное + прилагательное + существительное: заранее снаряжаемый жидкостный ракетный двигатель – 预装燃料液体火箭发动机; ракетный двигатель реактивной системы управления – 喷气操纵系统式火箭发动机.

В многокомпонентных терминах также встречаются словосочетания с предлогами, например: 1) прилагательное или причастие + предлог + существительное + существительное: включаемый в апогее двигатель – 在远地点打开的发动机; 2) прилагательное + существительное + предлог + существительное: пригодный двигатель для полёта – 适航发动机; 3) прилагательное + существительное + предлог + прилагательное или прича-

стие + существительное: газотурбинный двигатель с осевым компрессором – 轴向压缩器式燃气涡轮发动机; жидкостно-ракетный двигатель с регенеративным охлаждением – 再生冷却式液体火箭发动机; 4) прилагательное + прилагательное или причастие + существительное + союз + прилагательное + существительное: жидкостный ракетный двигатель с сжиганием топлива – 热反应式液体火箭发动机.

Заключение

Таким образом, сравнительный анализ структурных особенностей терминов в китайских и русских научно-технических текстах позволяет сделать вывод о существенных различиях в подходах к их образованию.

В китайском терминообразовании традиционно присутствует многослойность значения каждого термина на основе интерпретации смысловых ключей, что может не совпадать с точностью семантического значения в русском языке. Эти различия не только отражают особенности терминообразования в таких разноструктурных языках, как русский и китайский, но и обнаруживают разные подходы для точной передачи научно-технического знания в обоих языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградова Е. В. Принципы построения макро- и микроструктуры русско-английского тезауруса по судостроению // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 4. С. 18–27. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-18-27
2. Метафорическая терминология в древних текстах традиционной китайской медицины: проблемы понимания и перевода (Metaphorical Terminology in Ancient Texts of Traditional Chinese Medicine: Problems of Understanding and Translation / Q. Sun, I. S. Karabulatova, J. Zou, Ch. Kuo // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2024. Т. 23. № 6. С. 141–157. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.6.10.
3. Глызина В. Е., Митякина К. В., Пашаева И. В. Прототип и стереотип как механизмы восприятия человеком окружающего мира // Вопросы современной лингвистики. 2024. № 5. С. 18–26. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-18-26.
4. Лебедева А. А. К вопросу о проблемах корректной передачи семантической конфигурации юридических терминов на другой язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 2. С. 96–105. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-96-105.
5. 郭曙纶, 汉语语料库的建设及应用, 上海, 上海外语教育出版社, 2012.
6. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский лицей, 1993. 309 с.
7. Авербух К. Я. Общая теория термина. М.: Издательство МГОУ, 2006. 252 с.

8. Hoffmann L. Kommunikationsmittel. Fachsprache. Eine mittel. Fachsprache. Berlin: AkademieVerlag, 1976. 498 s.
9. Зяблова О. А. Принципы исследования языка для специальных целей: на примере языка экономики: дис. ... докт. филол. наук. М., 2005. 314 с.
10. Разнообразие образовательных коммуникативных ситуаций виртуального урбанизма как эффективный инструмент формирования коммуникативной компетентности учащихся при изучении иностранных языков в России, Казахстане и Китае (The Variety of Educational Communicative Situations of Virtual Urbanism as an Effective Tool for the Formation of Students' Communicative Competence in Learning Foreign Languages in Russia, Kazakhstan and China) / А. С. Баймахан, Г. К. Бельгибаева, И. С. Карабулатова, Дзядун Ху, Дзиньна Цзоу // Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2024. Т. 3. № 3. С. 231–244. DOI: 10.21603/2782-4799-2024-3-3-231-244.
11. О локализации британских стандартов для Умного Города / В. П. Куприяновский, Н. А. Уткин, Д. Е. Николаев, Д. И. Ярцев, Д. Е. Намиот, С. А. Снягов // International Journal of Open Information Technologies. 2016. Т. 4. № 7. С. 13–21.
12. Ли Цзяцзя. Сопоставление терминов, обозначающих части речи, в английском, русском и китайском языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 1. С. 73–81. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-73-81ю
13. Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System / Y. Gpanyuk, C. Cai, C. Jia, I. Karabulatova // Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research VIII: Selected Papers from the XXVI International Conference on Neuroinformatics (October 21–25, 2024, Moscow, Russia). Cham: Springer, 2025. P. 523–530 (Series: Studies in Computational Intelligence. Vol. 1179). DOI: 10.1007/978-3-031-80463-2_49.
14. 方梦之. 科技翻译理论的研究: 十年述评与展望. 北京: 中国翻译. 1992. (2). 7–10页.
15. Максименко О. И, Беляков М. В. Опосредованный диалог с позиций функциональной лингвистики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 3-2. С. 72–79. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-72-79.
16. Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура; 4-е изд. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
17. 冯志伟. 中文科技术语的结构描述及潜在歧义. 中文信息学报. 1989. (2). 1–16页.
18. Литовченко В. И. Классификация и систематизация терминов // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2006. № 3 (10). С. 156–159.
19. Кузнецова Н. Г. Терминосистема китайского языка в сфере внешнеэкономической деятельности // Известия Восточного института. 2017. № 2 (34). С. 28–39. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-2/28-39.
20. Цзиньна Ц. Сходства и различия научно-технического текста на китайском и русском языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2019. № 48. С. 110–120.
21. 李裕德. 科技汉语语法. 北京: 冶金工业出版社, 1985. 351页.
22. Erokhin V., Karabulatova I. S. Neuromorphic Elements as a First Step Towards Sociomorphic Systems // BioNanoScience. 2025. Vol. 15. Article no. 483. DOI: 10.1007/s12668-025-02078-z.
23. Хабаров А. А. Синтаксическая организация речи: интерактивный аспект: на материале современного китайского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 23 с.
24. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Чернышова Л. А. Опыт описания семантико-структурных отношений между терминами (на материале английской терминологии лексикологии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 2. С. 44–52. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-2-44-52.

REFERENCES

1. Vinogradova, E. V. (2024). Principles for modeling the macro- and microstructure of Russian-English thesaurus in shipbuilding. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 4, 18–27. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-4-18-27 (in Russ.)
2. Sun, Q., Karabulatova, I. S. Zou, J. & Kuo, Ch. (2024). Metaphorical Terminology in Ancient Texts of

- Traditional Chinese Medicine: Problems of Understanding and Translation. In: *Science journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23 (6), 141–157. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.10>
3. Glyzina, V. E., Mityakina, K. V. & Pashaeva, I. V. (2024). Prototype and stereotype as human perception mechanisms of surrounding world. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 5, 18–26. DOI: 10.18384/2949-5075-2024-5-18-26 (in Russ.).
 4. Lebedeva, A. A. (2022). On the problem of correct legal terminology interlingual semantic transference. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 96–105. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-2-96-105 (in Russ.).
 5. 郭曙伦, 汉语语料库的建设及应用, 上海, 上海外语教育出版社, 2012.
 6. Grinev, S. V. (1993). *Introduction to Terminology*. Moscow: Moskovskiy litsey publ. (in Russ.).
 7. Averbukh, K. Ya. (2006). *General theory of the term*. Moscow: Moscow Region State University publ. (in Russ.).
 8. Hoffmann, L. (1976). *Kommunikationsmittel. Fachsprache. Eine mittel. Fachsprache*. Berlin: AkademieVerlag.
 9. Zyblova, O. A. (2005). *Principles of studying language for special purposes: on the example of the language of economics* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
 10. Baimakhan, A. S., Belgibayeva, G. K., Karabulatova, I. S., Hu, Jiadong & Zou, Jinna (2024). The Variety of Educational Communicative Situations of Virtual Urbanism as an Effective Tool for the Formation of Students' Communicative Competence in Learning Foreign Languages in Russia, Kazakhstan and China. In: *Virtual Communication and Social Networks*, 3 (3), 231–244. DOI: 10.21603/2782-4799-2024-3-3-231-244.
 11. Kupriyanovsky, V. P., Utkin, N. A., Nikolaev, D. E., Yartsev, D. I., Namiot, D. E. & Sinyagov, S. A. (2016). On Localization of British Standards for Smart Cities. In: *International Journal of Open Information Technologies*, 4 (7), 13–21 (in Russ.).
 12. Li, Jiajia (2023). Comparison of terms denoting parts of speech in English, Russian and Chinese. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 1, 73–81. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-1-73-81 (in Russ.).
 13. Gapanyuk, Y., Cai, C., Jia, C. & Karabulatova, I. (2025). Using Metagraph Approach for Building an Architecture of the Terminology Integration System. In: *Advances in Neural Computation, Machine Learning, and Cognitive Research VIII: Selected Papers from the XXVI International Conference on Neuroinformatics (October 21–25, 2024, Moscow, Russia)*. Cham: Springer, pp. 523–530 (Series: Studies in Computational Intelligence. Vol. 1179). DOI: 10.1007/978-3-031-80463-2_49.
 14. 方梦之. 科技翻译理论的研究: 十年述评与展望. 北京: 中国翻译, 1992, 2, 7–10页.
 15. Maksimenko, O. I. & Belyakov, M. V. (2022). Mediated dialogue from the point of view of functional linguistics. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 3-2, 72–79. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-3-2-72-79 (in Russ.).
 16. Leychik, V. M. (2009). *Terminology: Subject, methods, structure*. Moscow: LIBROKOM publ. (in Russ.).
 17. 冯志伟. 中文科技术语的结构描述及潜在歧义. 中文信息学报. 1989, 2, 1–16页.
 18. Litovchenko, V. I. (2006). Classification and systematization of terms. In: *Vestnik SibSAU. Aerospace technologies and control systems*, 3 (10), 156–159 (in Russ.).
 19. Kuznetsova, N. G. (2017). Terminological system of the chinese language in the sphere of international economic activity. In: *Oriental Institute Journal*, 2 (34), 28–39. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-2/28-39 (in Russ.).
 20. Jinna, Z. (2019). Similarities and Differences of Scientific and Technical Text in Chinese and Russian. In: *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, 48, 110–120 (in Russ.).
 21. 李裕德. 科技汉语语法. 北京: 冶金工业出版社, 1985. 351页.
 22. Erokhin, V. & Karabulatova I. S. (2025). Neuromorphic Elements as a First Step Towards Sociomorphonic Systems. In: *BioNanoScience*, 15, 483. DOI: 10.1007/s12668-025-02078-z.
 23. Khabarov, A. A. (2016). *Syntactic organization of speech: interactive aspect: based on the modern Chinese language* [dissertation]. Moscow (in Russ.).
 24. Grinev-Griniewicz, S. V., Sorokina, E. A. & Chernyshova, L. A. (2021). A study of semantic relations between terms (based on the English terminology of lexicology). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2, 44–52. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-2-44-52.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цзоу Цзиньна (г. Харбин, Китай) – кандидат филологических наук, докторант Института русского языка Хэйлунцзянского университета;
<https://orcid.org/0009-0008-7915-2360>; e-mail: zoujinnazg@163.com

Сюе Эньюй (г. Харбин, Китай) – доктор филологических наук, профессор Института русского языка Хэйлунцзянского университета;
e-mail: xueenkui@sina.com

Карабулатова Ирина Советовна (г. Москва, Россия; г. Харбин, КНР) – доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательского центра цифровых гуманитарных технологий Института русского языка Хэйлунцзянского университета; ведущий научный сотрудник лаборатории «Семантический анализ и машинное обучение» Института перспективных исследований проблем искусственного интеллекта и интеллектуальных систем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;
<https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>; e-mail: radogost2000@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Jinna Zou (Harbin, China) – PhD (Philology), Dr. Sci. degree-seeking candidate, Institute of the Russian Language, Heilongjiang University;
<https://orcid.org/0009-0008-7915-2360>; e-mail: zoujinnazg@163.com

Enkui Xue (Harbin, China) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Language, Heilongjiang University;
e-mail: xueenkui@sina.com

Irina S. Karabulatova (Moscow, Russia; Harbin, China) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Head of the Research Center for Digital Humanities, Institute of Russian language, Heilongjiang University; Leading Researcher, Laboratory “Semantic Analysis and Machine Learning”, Institute for Advanced Study of Artificial Intelligence and Intelligent Systems, Lomonosov Moscow State University; Prof., Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba;
<https://orcid.org/0000-0002-4228-3235>; e-mail: radogost2000@mail.ru

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья

УДК 81'23

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-110-126

СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ РЕАЛИЙ ДЕЛОВОЙ ЖИЗНИ В ПЕРИОД 2000–2025 ГОДОВ С ПОЗИЦИЙ ДИНАМИКО-СИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Колоскова О. А.^{1*}, Пономаренко Е. В.²

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал), Московская обл., г. Одинцово, Российская Федерация

² Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор, e-mail: o.koloskova@odin.mgimo.ru

Поступила в редакцию 15.01.2026

После доработки 30.01.2026

Принята к публикации 09.02.2026

Аннотация

Цель – выявление и анализ происходивших с 2000 по 2025 годы изменений в лексической (под)системе английского делового языка, основных движущих факторов её эволюции, а также внутриязыковых процессов, активированных для адаптации указанной (под)системы к меняющимся условиям внешней среды.

Процедура и методы. Проанализирован корпус средств выражения реалий деловой жизни, отобранных из 3000 популярных лексем, их тематическая принадлежность, степень значимости отдельных тематических блоков, актуализированных адаптационных процессов. Основными методами исследования являются методы лингвистического наблюдения и описания, структурно-функционального, сравнительно-исторического анализа, количественных подсчётов.

Результаты. В результате исследования были определены основные тенденции в эволюции лексической (под)системы английского делового языка, сделаны выводы о сохранении целостности этой системы в ходе определённых динамических процессов, подтверждены положения об их взаимосвязи с изменениями в общественном сознании англоговорящего социума.

Теоретическая значимость работы заключается в раскрытии динамико-системных свойств лексической (под)системы английского делового языка с учётом синхронического и диахронического аспектов, уточнении внутриязыковых процессов и позиционных траекторий популярных лексем в лексико-семантическом пространстве современного английского языка.

Ключевые слова: английский деловой дискурс, динамико-системный подход, лексическая (под)система, реалии деловой жизни, слова года, частотные лексемы

Для цитирования:

Колоскова О. А., Пономаренко Е. В. Средства вербализации реалий деловой жизни в период 2000–2025 годов с позиций динамико-системного подхода // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 110–126. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-110-126>

Original research article

MEANS OF VERBALIZING BUSINESS REALIA IN 2000–2025 FROM THE PERSPECTIVE OF DYNAMIC SYSTEMS APPROACH

O. Koloskova^{1*}, E. Ponomarenko²

¹*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (Odintsovo branch), Odintsovo, Moscow Region, Russian Federation*

²*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs Russian Federation (MGIMO), Moscow, Russian Federation*

* Corresponding author, e-mail: o.koloskova@odin.mgimo.ru

Received by the editorial office 15.01.2026

Revised by the author 30.01.2026

Accepted for publication 09.02.2026

Abstract

Aim. The purpose of the article is to reveal and analyze the changes in the English business vocabulary in 2000–2025, the driving factors of linguistic evolution, and to identify the intralinguistic processes activated to adapt this (sub)system to the changing environmental conditions.

Methodology. The paper analyzes a corpus of means expressing business realia selected from about 3,000 popular words. The study presents an analysis of their thematic affiliation, the degree of importance of each thematic block, and the adaptation processes involved. The main research methods are methods of linguistic observation and description, structural and functional analysis, comparative historical analysis, quantitative estimation.

Results. As a result of the research, the main trends in the evolution of the lexical (sub)system of business English were determined, conclusions were drawn about the current ways of self-preservation and integrity of the said system within certain dynamic processes, and the thesis of their interconnection with changes in public consciousness was confirmed.

Research implications include the disclosure of the dynamic systems properties of the business English lexical (sub)system considering synchronic and diachronic aspects, specification of intralinguistic processes and position trajectories of popular lexemes in the lexico-semantic space of modern English.

Keywords: business realia, dynamic and systems approach, English business discourse, high frequency lexemes, lexical (sub)system, Words of the Year.

For citation:

Koloskova, O. A. & Ponomarenko, E. V. (2026). On the specifics of verb tense usage in newspaper headlines (based on contemporary Spanish language material). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 110–126. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-110-126>

Введение

На современном этапе развития лингвистической науки комплексный взгляд на язык как на систему, изучение языковых явлений с точки зрения их системных свойств, взаимосвязей и отношений не теряют своей актуальности. Появление и развитие идеи о системности в лингвистике, организованности языковой структуры и функциональных отношений составляющих её элементов связано с именами таких выдающихся лингвистов, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, Н. В. Крушевский, Ф. де Соссюр, В. В. Виноградов, А. А. Потебня, А. И. Смирницкий, В. М. Солнцев, Л. В. Щерба, Р. О. Якобсон и др. И. А. Бодуэн де Куртенэ рассматривал язык как «систему, для которой существенны отношения между её элементами» [1, с. 88]. При этом под элементами языка учёный понимал «единицы, обладающие не только своим значением, но и значимостью, исходя из их места в системе отношений» [ibid.]. В настоящее время уже признаётся и определённая системность речи, а дихотомия языка и речи не имеет той категоричности, с которой эти два феномена противопоставлялись ранее. Как указывал И. Р. Гальперин, «Речь тоже системна. Даже спонтанность речепроизводства не свободна от оков, накладываемых на неё системой языка» [2, с. 3].

Современная наука активно развивает **динамико-системное** направление исследований, которое органично интегрирует в себе традиционную трактовку объекта любой природы (в нашем случае языка) как *сложившейся стабильной системы* и анализ *подвижных, изменчивых свойств* её компонентов в процессе их функционирования и эволюции [3–5].

Основания такого подхода в русле функциональной англистики были разработаны Е. В. Пономаренко и дали начало направлению «функциональной лингвосинергетики», которое получило дальнейшее развитие в трудах её последователей (В. Л. Малаховой, Г. А. Пар-

шутиной, А. В. Радюк, И. В. Савиной, М. В. Черкуновой, Д. С. Храмченко, А. А. Харьковской и др.). Очевидно, что оба вышеназванных плана языка неразрывно связаны как факторы его длительного существования, ибо без системности язык был бы лишён способности служить взаимопониманию множества людей, а без подвижности он с течением времени терял бы адаптивность к социально-культурному состоянию общества, и представители разных поколений или регионов быстро утратили бы возможность общаться друг с другом.

С этих позиций для нас представляет интерес изучение эволюционных процессов в английской деловой лексике ввиду её постоянного изменения и обновления при сохранении общих системных основ. Проблематика настоящего исследования особенно актуальна сегодня, когда весь мир переживает немало турбулентных событий, и изучение протекающих в языковой системе эволюционных процессов позволяет проследить изменения в общем гуманитарном состоянии социума, проанализировать вызвавшие эти изменения обстоятельства и реакции современников на них, дать оценку происходящему в исторической перспективе.

Теоретические основания исследования

Современные труды о языке как семиотической системе «основной единицей (или, в терминах теории систем, элементом) традиционно признают главным образом слово как знак, сочетающий единство выражения и содержания» [6, с. 26]. Неотъемлемым свойством и условием существования системы языка является его способность к постоянным изменениям, когда отдельные элементы трансформируются под влиянием внутренних и/или внешних факторов, вступают в новые взаимодействия с другими элементами, теряют свою значимость или, наоборот, становятся более активными на определённом этапе развития системы, перио-

дически меняют своё положение относительно друг друга, оказывая воздействие на систему в целом и даже постепенно меняя её структуру на каких-то участках.

В то же время существенным признаком, без которого произошло бы разрушение целостности языковой системы, остаётся способность языка к *самосохранению* за счёт совместного функционирования его элементов и подсистем, кооперирующих ради сохранения всей системы в ходе эволюции [6]. Одним из важнейших факторов адаптации языковой системы к меняющимся внешним условиям выступает дискурсивное общество, которое для сохранения своей целостности поддерживает свои коммуникационные параметры в определённых пределах [7].

Таким образом, с позиций динамико-системного подхода язык представляет собой сложную незамкнутую систему, которая находится в состоянии относительного (неустойчивого) равновесия: оказывается под воздействием вариативных условий внешней среды, вызывающих внутренние трансформации, и одновременно стремится сохранить ключевые внутрисистемные признаки ради выживания всей системы и для поддержания её дальнейшей эволюции [6; 8; 9]. При этом под *внешней средой* понимается совокупность и когерентность таких составляющих, как общественное сознание англоговорящего сообщества, состояние языковой системы в целом на том или ином этапе её развития и конкретные коммуникативные ситуации, в которых актуализируются потенциально присущие языку функциональные свойства [6].

Одним из наиболее заметных маркеров изменений, происходящих в языковой системе английского языка в целом и в лексической (под)системе в частности можно считать появление и распространение часто употребляемых лексических единиц, которые набирали особую популярность на разных этапах периода 2000–2025 гг., попадали в длинные и

короткие списки номинантов на звание «Слово года» (Word of the Year), были объявлены победителями этой акции. В течение этого времени кампания по выбору слов года становилась всё более масштабной и привлекала всё больше внимания профессиональных лексикографов и широкой общественности, а применяемые в её рамках методики постоянно совершенствовались и позволили авторитетным англоязычным издательствам создавать и исследовать многомиллионные корпуса устного и письменного языкового материала [10].

Официальные данные о популярной лексике в англоязычном пространстве предоставляли несколько известных лексикографических организаций. С 1990 г. кампанию по выбору «слов года» проводит Американское диалектологическое общество. В начале нового тысячелетия к акции присоединились хорошо известные словари Великобритании, США и Австралии (Oxford University Press, Cambridge Dictionary, Merriam-Webster, Collins, Macquarie, Dictionary.com, Macmillan), сообщество профессиональных лингвистов Australian National Dictionary Centre и действовавшее до 2023 г. агентство Global Language Monitor (GLM).

Ведущие лингвисты и лексикографы этих организаций высоко оценивают роль кампании «Слово года», подчеркивая, что выбранные лексические единицы – это не просто слова или фразы, ставшие популярными в отдельно взятый момент времени, это **символы эпохи**, за которыми скрыт глубинный смысл. Эти единицы подсвечивают самые злободневные темы, передают дух времени, помогают понять и оценить изменения в умонастроениях общества и происходящие в языке трансформации. В своих публикациях президент Oxford Languages Каспер Графвол (Каспер Гратвол) также делает акцент на роли рядовых носителей в процессе языковой эволюции, подчёркивая, что их интересы, заботы, предпочтения, реакции во многом коллективно определяют, в

каком именно направлении происходит развитие общества и как это отражается в языке: «We are the ones collectively who are driving *how English is evolving and where it's going* ... but underneath that, the words we choose tell us so much about our preoccupations and our likes and dislikes. I think Word of the Year has such a valuable role to play in helping us to understand *where we're going*»¹.

В ходе исследования были рассмотрены часто употребляемые лексемы, названные перечисленными выше организациями номинантами или финалистами акции «Слово года» (Word of the Year). Анализ лексического материала был проведён в несколько этапов, что отражено в соответствующих разделах статьи.

На первом этапе все объявленные топ-словами в 2000–2025 гг. лексемы были собраны в единый банк слов, включающий около 3000 единиц. Далее он был проанализирован с точки зрения непосредственной принадлежности вошедших слов к реалиям деловой жизни англоязычного сообщества. Мы также принимали во внимание лексемы из других тематических блоков в тех случаях, когда описываемые ими явления были ситуативно связаны с деловой жизнью. Полученные результаты позволили выделить особенно актуальные в определённые годы темы, составить корпус часто употребляемой деловой лексики и описать вошедшие в него лексические единицы.

Второй этап включает анализ динамики (изменений) в лексической (под)системе делового английского языка; были выделены годы, когда события в деловой сфере привлекали особое внимание англофонов, определены причины смещения акцентов, отмечены некоторые внутриязыковые процессы, сопровождавшие эти трансформации, описаны лексические средства выражения измене-

ний в реакции бизнес-сообщества на эти события.

В третьей части исследования были рассмотрены другие значимые для англоязычного сообщества темы и определены этапы, когда фокус внимания представителей англоговорящего мира смещался на эти тематические блоки. В рамках данной работы было важно установить корреляцию между изменениями в общественном сознании и преобразованиями, происходившими в языке делового общения.

В результате проведённого исследования были сделаны выводы об основных тенденциях в эволюции лексической (под)системы английского делового языка в первой четверти XXI века, о сохранении целостности этой подсистемы, подтверждена взаимосвязь изменений в языке с изменениями в общественном сознании англоговорящего социума.

Тематическая принадлежность слов-символов 2000–2025 годов

В списках «Слово года» (Word of the Year) достаточно широко представлена деловая тематика. Практически все лексикографические организации уделяют этой сфере особое внимание. В частности, проведённые нами подсчёты показали, что около 45% лексем, названных Американским диалектологическим обществом топ-словами 1990–2024 гг., связаны с жизнью бизнес-сообщества. Словарь Macquarie ежегодно отбирает наиболее популярные неологизмы в рубрике Business. Другие источники подчёркивали важность этой темы в определённые годы в подробных комментариях и пояснениях к выбранным «словам года».

Учитывая высокую значимость делового дискурса, выборка лексических единиц данной тематики из числа слов-символов 2000–2025 гг. позволяет сформировать достаточно репрезентативный корпус лексических средств выражения реалий деловой жизни. Входящие в состав этого корпуса лексемы дают возможность отследить кардинальные трансформации

¹ Grathwohl C. Your Oxford Story [Электронный ресурс] // Oxford University Press : [сайт]. URL: <https://corp.oup.com/spotlights/your-oxford-story-casper-grathwohl/> (дата обращения: 10.12.2025).

в мире бизнеса, зафиксировать наиболее значимые экономические события, которые на определённых этапах выходили на первый план и «затмевали» другие темы, увидеть изменения в отношении англо-фонов к происходящим переменам, наблюдать эволюционные процессы в лексической (под)системе делового языка, выявлять её динамические и системные свойства характерные для каждого этапа.

Согласно определению Большой российской энциклопедии, «ре́алия (от позднелат. *realis* – вещественный, действительный) – это всякий предмет, всякое явление материального мира, материальной культуры, т. е. предмет, явление, существующие в действительности»¹. Отобранные нами лексические единицы включают в себя объекты, действия, явления, процессы, понятия и качества, которые описывают жизнь деловых кругов англоговорящего сообщества.

Корпус средств выражения реалий деловой жизни содержит относительно небольшое количество имён собственных. Например, в рубрику «Names» агентства Global Language Monitor входили имена известных бизнесменов и ведущих представителей истеблишмента, оказавших существенное влияние на деловую жизнь в англоговорящих странах: *Donald Trump, Joe Biden, Vladimir Putin, Neil Gorsuch, Steve Jobs*. Также в списках часто употребляемых лексем агентства GLM, словарей Oxford и Cambridge встречаются названия некоторых крупных компаний, финансовых институтов, международных организаций и правительственных учреждений: *Bloomberg, WHO, BRIC, CIVETS*.

При составлении корпуса в число лексических средств выражения реалий деловой жизни мы также включали лексемы, описывающие взаимоотношения представителей деловых кругов, их отношение к происходящим событиям, к из-

менениям на рабочем месте и в условиях их труда. В течение исследуемого нами периода количество и популярность подобных лексем постоянно возрастали за счёт публикуемых в сети эмоционально окрашенных комментариев и оценок. Появились даже исследования по манипулятивному потенциалу популярной лексики [11].

В полученный корпус также были включены лексические единицы из других тематических блоков, представляющие интерес в рамках изучаемой проблемы в той части, в которой они связаны с вопросами деловой жизни. Например, обеспокоенность состоянием окружающей среды (*carbon-neutral, global warming, sustainable*) стала причиной введения стандартов экологической безопасности и усиления контроля за их выполнением при осуществлении строительных проектов или организации деятельности промышленных предприятий; набравшее популярность движение за употребление только местных продуктов питания (*locavore*) привело к сокращению расходов на транспортировку и способствовало развитию фермерских хозяйств вблизи крупных городов; социальные движения в поддержку «небелого» населения (*BI-POC, BLM*) повлияли на квотирование при приёме на работу представителей этих социальных слоёв, а также на изменения в законодательстве, регулирующем деловую активность бизнеса, и т. п.

Составленный таким образом корпус лексических средств выражения реалий деловой жизни насчитывает более 1000 лексем. Анализ показывает, что на разных этапах периода 2000–2025 гг. самые заметные события и явления во внешней по отношению к языковой системе среде сразу отражались в языке, выдвигая на передние позиции лексемы определённой тематики. В свою очередь динамические процессы в тематической принадлежности часто употребляемой лексики не только показывали, как именно происходило смещение акцентов в сознании ан-

¹ См.: Реалия [Электронный ресурс] // РУВИКИ: [сайт]. URL: <https://bigenc.ru/c/realiia-0db617> (дата обращения: 13.01.2026).

глофонов, но и влияли на формирование картины мира, а также на оценку и отношение к происходящим событиям.

Трансформационные процессы в английской лексической (под)системе реалий деловой жизни

Как отмечают перечисленные выше лексикографические источники, в течение всего исследуемого периода деловая жизнь оставалась одной из наиболее злободневных и широко обсуждаемых тем в англоязычном сообществе.

В 1999 и 2000 г. топ-словами были названы *dot.com*, *dot bomb*, *dot snot*, что обусловлено взлётом возникших в 1990-х годах интернет-компаний, продолжительным ростом экономики и котировок акций этих компаний на фондовых биржах, а затем быстрым падением стоимости акций и банкротством многих из них. В языке вышеназванные лексические единицы поначалу репрезентировали ведущие концепты в поле внимания общества. Однако в исторической перспективе эти события не имели продолжения, и спустя некоторое время повышенный уровень «разупорядоченности» лексической (под)системы, отражавший эти экономические потрясения и сопутствующий общественный резонанс, стал постепенно снижаться, так резко набравшие популярность лексические единицы уходили из фокуса внимания, произошло их смещение на периферийные позиции подсистемы деловой лексики.

В период 2007–2010 гг. целый ряд часто употребляемых лексем был тематически связан с мировым финансовым кризисом и последовавшей за ним рецессией. Под воздействием этих внешних по отношению к языковой системе событий проявились новые тенденции в лексической (под)системе реалий деловой жизни. В частности, в центре внимания оказались многие финансовые термины (*deficit*, *bankruptcy*, *furlough*, *foreclosure*).

Кроме того, в ответ на возникшие во внешней среде потребности произошла

активизация некоторых внутриязыковых процессов, что привело к возникновению новых лексем, репрезентирующих различные нюансы социально-экономических явлений: некоторые общеупотребительные слова получили новое, специальное значение в составе словосочетаний (*financial tsunami*, *credit crunch*, *toxic (mortgage) debt*, *phoenix firm*), другие лексемы из общего языка приобрели дополнительный смысл и стали употребляться в связи с конкретными экономическими событиями и политическими мерами по их урегулированию (*stimulus*, *bailout*, *subprime*, *meltdown*) или вошли в состав контаминированных лексических единиц (*bankster*).

В 2011–2013 гг. активно обсуждались вопросы налогообложения. На центральные позиции в этот период выдвигаются средства описания сложной экономической ситуации и мер её оздоровления: *9-9-9 tax plan*, *tergiversate*, *Sifi*, *Robin Hood tax*, *fiscal cliff*. Ставшая результатом продолжающейся рецессии стратификация общества и ухудшение качества жизни менее обеспеченных слоёв населения также находят отражение в топ-словах данного этапа: *squeezed middle*, *the 99%*, *payday lending*, *patchwork economy*.

Приведённые примеры показывают, что для адаптации к меняющимся условиям внешней среды в лексической (под)системе были активированы внутренние процессы: с одной стороны, проникновение профессиональных терминов в общее употребление (среди них можно выделить названия налогов, например, *9-9-9 tax plan* и неолексемы с неочевидным значением, например, аббревиатуры, цифровые обозначения – *Sifi*, *the 99%*, *47 percent*). С другой стороны, прослеживается активное использование слов, не связанных напрямую с экономикой, для создания неофразем со специальным значением (*fiscal cliff*, *bedroom tax*, *Robin Hood tax*), а также неосемем – в случае актуализации новых значений (или оттенков значений) у существующих в язы-

ке лексем (*tergiversate, bluster, occupy* и т. п.). Подобный обмен ресурсами, возникший внутри лексической (под)системы под воздействием активно меняющихся внешних условий, способствовал адаптации системы к новым условиям и повышению степени её организации.

События **2020 г.** имели значительное трансформационное воздействие на деловую сферу. Часто употребляемые лексемы периода пандемии являются маркерами основных процессов в мире экономики и бизнеса, таких как закрытие предприятий (*lockdown*), развитие новых форм организации трудовой деятельности (*hybrid working, digital nomad visa*), постепенный возврат к традиционным рабочим процессам (*reopening, workplace allyship*). Эти изменения сопровождались экономическим спадом, ростом инфляции и безработицы (*furlough, mortgage prison, inflation* + related nouns: *shrinkflation, skimpflation, greedflation*). Для обеспечения устойчивости лексической (под)системы реалий деловой жизни в этот период активизируется процесс образования новых лексических единиц, способных заполнить возникающие понятийные лакуны, при этом можно отметить появление новых сочетаний слов как наиболее продуктивный способ образования популярных неологизмов, а также выделить такие способы, как словосложение, блендинг, акронимизация, инициализация [12].

В период с 2021 по 2024 гг. на передний план выдвинулись лексические единицы, имеющие оценочный компонент в своём значении и выражающие негативное отношение к происходящим событиям. В эпоху пост-пандемии в обществе наблюдалась смена настроения: после длительного периода напряжения чувствовалось эмоциональное истощение, усталость, склонность к социальной изоляции. Топ-словами этого времени становятся *goblin mode, permacrisis, boreout, splooting*.

Эти тенденции не могли не отразиться на деловой сфере. Начиная с 2021 года, у многих представителей бизнес-сообщества появляется желание прикладывать как можно меньше усилий на своём рабочем месте, не включаться эмоционально в рабочие процессы или поменять текущее место работы, и всё более распространённой становится удалённая форма занятости. В лексической (под)системе реалий деловой жизни в круг ядерных элементов системы попадают *quiet quitting, antiwork, career cushioning, paper ceiling*. Одним из топ-слов становится неологизм *Great Resignation*, обозначающий экономическую тенденцию, при которой многие сотрудники добровольно уходят с работы.

Основные тенденции в использовании неделовой лексики в деловом контексте

На отдельных этапах исследуемого периода особую актуальность приобретали тематические блоки, характерные для других видов деятельности, но контекстуально связанные с деловым дискурсом.

Политические и социальные вопросы волновали носителей английского языка в течение большей части исследуемого периода. В **2001 году** в связи с событиями 11 сентября произошло закрепление в языке таких единиц, как **9-11, 9/11** или *September 11, Ground Zero*. Эти события получили широкий социально-политический резонанс и имели серьёзные экономические последствия, в частности, сразу после террористических атак фондовый индекс упал на 14%, что стало самым большим недельным падением в истории.

В период с 2014 по 2019 гг. внимание англоязычного сообщества было приковано к выходу Великобритании из Европейского Союза и серьёзных экономических последствий этого шага для обеих сторон, что зафиксировало соглашение Trade and Cooperation Agreement. Поя-

вившаяся в 2012 г. неолексема **Brexit** (сращение British + exit) в течение нескольких лет лидировала среди популярных слов и вошла в состав английского языка в рекордно короткие сроки: уже в 2016 г. словарь Oxford включил её в онлайн-версию. Старший редактор Oxford English Dictionary Фиона Макферсон (Fiona McPherson) выделила именно общественную значимость этого события как основание для принятого решения: “The word had filled an empty space in our language, and the growing importance of the phenomenon it described”¹.

В 2020 году на фоне потрясших мир событий тема политики несколько сдала свои позиции, но осталась в фокусе внимания англофонов. Проблемы расовой дискриминации и полицейского произвола, а также неоднозначности президентских выборов вывели на передний план названия социальных движений, большая часть которых вошла в массовое употребление в сокращённой форме (**BIPOC**, **BAME**, **MAGA**, **BLM**), что иллюстрирует усиление одной из актуальных тенденций в развитии языка – стремление к языковой экономии [12]. Дальнейшая адаптация этих средств в языковой системе различается, например, «термин **MAGA** органично вошёл в речь, актуализировался и породил производные на морфемном и синтагматическом уровнях», в то время как акроним «**BIPOC** вызвал неоднозначную реакцию среди групп, которые он охватывает» [13], что постепенно привело к его смещению на периферийные позиции. При этом все более очевидной становится критическая оценка происходящих событий, о чем свидетельствует особенная актуальность лексем с негативной коннотацией: **denier**, **hater**, **gaslighting**, **truth-telling** [10].

Начало XXI века можно с уверенностью назвать переходным этапом в развитии всего человечества. **Цифровые и компьютерные технологии**, повсеместное внедрение интернета и мобильных устройств находили отражение в языке, прежде всего в лексике, и порождали серьёзные изменения в коммуникационных моделях [14]. Исследователи отмечают, что «с появлением Интернета парадигма трансляции массовой информации претерпела фундаментальные изменения» [15]. Появление и популяризация целого ряда инновационных идей, устройств, технологий становится неотъемлемой частью развития делового языка, что хорошо прослеживается на всех этапах исследуемого нами периода.

В 2000–2005 гг. приоритетные позиции занимают следующие единицы: **m-commerce** (купля-продажа с помощью сотового телефона), **Wireless Application Protocol** (технические характеристики, позволяющие беспроводным устройствам соединяться друг с другом), **blog**, **podcast**, **google** (глагол), **wiki**.

В 2006–2010 гг. появляются и быстро становятся популярными лексемы **vlog** и производные **vloggers**, **vlogosphere**, а также **app**, **iPad**, **microblogging** (размещение обновлений в личном блоге) и т. д.

В 2011–2015 гг. в лексической (под) системе реалий деловой жизни происходит выдвижение некоторых важных и имеющих долгосрочные последствия для бизнес-сферы неологизмов: **big data**, **bitcoin**, **cloud** (как цифровой термин). Также значительные изменения коснулись способов осуществления платежей: **wave and pay**, **contactless**, **QR code**.

Растущее влияние социальных сетей и интернета на языковые нормы можно также проследить на примере быстро набравшей популярность неолексемы **# hashtag**. Этот символ был впервые использован в Твиттере в 2007 г., а уже в 2014 г. новая лексема была включена в словарь Oxford в следующем значении: “a word or phrase with the symbol # in front

¹ Kean D. YouTuber, Bama and Brexit among new words in Oxford English Dictionary [Электронный ресурс] // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/books/2016/dec/15/brexit-youtuber-bama-new-words-oxford-english-dictionary> (дата обращения: 10.12.2025).

of it, used on social media websites and apps so that you can search for all messages with the same subject”¹. В данном случае частью словарного состава языка стал внешний по отношению к ней символ, что обеспечило усложнение и повышение уровня организации лексической (под)системы.

В 2016–2019 гг. продолжались преобразования в способах безналичной оплаты, в частности, Американское диалектологическое общество объявило популярными глаголы *chip* и *swipe*. Несколько других лексем подтверждают всё более активное использование технологий на рабочем месте (*BYOT* – *B(ring) Y(our) O(wn) T(echnology)*), изменения в организации работы в офисе и в банковской сфере (*coffice*, *neobank*).

После 2020 г. развитие технологий получило новый стимул к продвижению. В первую очередь разрабатывались удалённые формы коммуникации: ключевыми понятиями 2020 г. были названы неосема *zoom* и выражение *virtual happy hours*, несколько позже появились лексемы *e-change* (переезд за город и возможность удалённой работы) и *brigading* (организация совместных действий в интернете для поддержки какого-либо проекта). Усилился процесс перехода специализированных терминов из данной сферы в массовое употребление.

Проведённый анализ часто употребляемых профессионализмов из сферы технологий позволяет выделить некоторые характерные особенности развития лексической (под)системы делового английского языка:

– наличие аббревиатур и сокращений, расшифровка которых не всегда помогает понять значение термина: *NFT* (non-fungible token), *LLM* (large language model), *Q-Day* (Quantum Day);

– расширение семантики уже существующих в языке единиц благодаря развитию искусственного интеллекта: *train*, *manifest*, *slop*;

– высокая востребованность или, наоборот, отказ от использования технологических нововведений, что сразу вызвало ответную реакцию в языке: эти единицы либо закреплялись, фиксировались в словарях, иногда в рекордно короткие сроки, либо исчезали из массового употребления, перемещаясь на периферийные позиции в лексической (под)системе.

К закрепившимся в языке неологизмам можно отнести большую часть перечисленных лексем: *blog*, *podcast*, *vlog*, *app*, *big data*, *bitcoin*, *QR code*, *digital nomad*, *selfie*. Тем не менее некоторые из названных в определённый момент топ-словами неологизмов не остались в числе часто употребляемых лексических единиц и были вытеснены на периферию лексико-семантического поля (*cloudware*, *wave and pay*, *phablet*). Причиной такого перемещения становились внешние по отношению к языковой системе факторы. Например, в 2013 г. словарь Collins назвал одним из финалистов акции «Слово года» неолексему *phablet*, образованную при помощи блендинга *phone* + *tablet*. Эта единица появилась в связи с выходом в продажу портативных устройств, способных выполнять функции компьютера/планшета при небольших размерах, чуть больше смартфона. Согласно Oxford English Dictionary, первое использование данного неологизма датируется 2009 годом. Неолексема *phablet* была включена в словари английского языка в очень сжатые сроки. Однако после 2017 г. частота её употребления постоянно снижалась, так как соответствующее устройство оказалось не таким востребованным, как ожидалось².

¹ New words notes June 2014 [Электронный ресурс] // Oxford English Dictionary: [сайт]. URL: <https://web.archive.org/web/20141007085108/http://public.oed.com/the-oed-today/recent-updates-to-the-oed/june-2014-update/new-words-notes-june-2014/> (дата обращения: 12.11.2025).

² Phablet [Электронный ресурс] // Oxford English Dictionary: [сайт]. URL: https://www.oed.com/dictionary/phablet_n?tl=true&tab=frequency (дата обращения: 21.01.2026).

В 2020–2022 гг. верхние строки списков слов-символов года занимали слова, связанные с **темой пандемии**, последствия которой моментально отразились на жизни делового сообщества, а в дальнейшем вызвали значительные трансформации в условиях труда, формах занятости, организации работы компаний и предприятий и в соответствующей лексике [16]. Наблюдаемые в этот период флуктуации в лексической (под)системе реалий деловой жизни сопровождались такими языковыми процессами, как интенсификация перехода профессиональных, в частности, медицинских, терминов в массовое употребление (*COVID-19, omicron, anti-vaxxer, long hauler*), активная неологизация профессионально-ориентированного дискурса за счёт новых терминологических словосочетаний и контаминированных единиц с использованием общепотребительных слов (*essentia workers, frontline workers, super-spreader, infodemic*).

Тема экологии была особенно актуальной с 2006 по 2010 годы. В это время быстро становились популярными и закреплялись в языке новые лексические единицы, связанные с проблемами окружающей среды, многие из этих явлений влияли на деловую сферу (*carbon-neutral, water trading, carbon footprint*).

В 2015–2019 гг. возросшая в обществе обеспокоенность по поводу изменения климата, наличия большого количества токсичных отходов, необходимости их переработки дала толчок к образованию целого ряда словосочетаний с существительным *climate* – *climate crisis, climate emergency, climate grief*, к появлению сокращения *cli-fi*, а также к расширению семантики и ареала употребления существительных *single use, upcycling* и прилагательного *toxic*.

Результаты исследования

Проведённое нами исследование корпуса средств выражения реалий деловой жизни даёт представление о динамике

изменений в словарном составе делового английского языка и позволяет составить поэтапную характеристику эволюции деловой лексики в первой четверти XXI века. Для того, чтобы проследить основные тенденции в развитии лексической (под)системы, были выявлены доминирующие на каждом этапе тематические блоки, проанализированы входящие в них лексические единицы, подсчитано процентное соотношение (доля) лексем каждого тематического блока к общему количеству отобранных лексических единиц по выделённым этапам, обозначены внутриязыковые процессы, которые были активированы для адаптации к меняющимся условиям внешней среды (см. табл. 1).

Приведённые в табл. 1 данные показывают, что выдвигание лексем собственно деловой тематики на передние позиции в лексической (под)системе делового английского становилось особенно актуальным на определённых этапах исследуемого периода:

- в 2000 г. – в связи с крахом крупных интернет-компаний;

- в 2007–2010 гг. – по причине мирового финансового кризиса;

- в 2011–2013 гг. – из-за возникших в обществе дискуссий о возможных вариантах выхода из кризиса и о вводимых налогах;

- в 2021–2024 гг. – как результат смещения акцентов в общественном сознании в сторону критического восприятия действительности, склонности к негативной оценке событий в деловом мире и на политической арене.

Значимость других тематических блоков в определённые годы и их корреляцию с деловой тематикой также можно проследить в табл. 1:

- вопросы политики особенно волновали носителей английского языка и вызвали изменения в деловой сфере в 2011–2015 гг. (24,7%) и 2016–2020 гг. (22%) в связи с необходимостью урегулирования последствий мирового финансового кризиса, выходом Великобритании

Таблица 1 / Table 1

Динамика изменений в лексической (под)системе делового английского языка в 2000-2025 годах / Dynamics of changes in the lexical (sub)system of the English language in 2000-2025

Этапы иссле- дуемого периода	Доминирующие тематические блоки, примеры лексем	Доля лек- сем блока в общем объёме выборки	Активированные внутриязыковые процессы
2000– 2005 гг.	Собственно деловая тематика dot.com, dot bomb, dot snot	41,7 %	Проникновение лексических инноваций из интернет-пространства в деловой язык
	Новые технологии WAP, blog, podcast, google (v.), wiki, Y2K	37,5 %	Аббревиация, сокращения, блендинг, конверсия
	Политика (2001 г.) 9-11, 9/11 или September 11	20,8 %	Сокращения, цифровые обозначения
2006– 2010 гг.	Собственно деловая тематика (2007–2010 гг.) а) furlough, foreclosure, equity б) financial tsunami, credit crunch, bankster в) bailout, meltdown, subprime	47,1 %	а) популяризация профессиональной терминологии; б) лексемы из общего языка как часть терминологических словосочетаний и контаминированных единиц; в) увеличение количества неосемем
	Новые технологии vlog, vloggers, vlogosphere, app, iPad, microblogging	31,4 %	Сокращения, блендинг, активная деривация от таких неологизмов
	Экология carbon-neutral, water trading, carbon footprint, locavore	15,7 %	Активное использование неофразем и сращений со специальным значением
	Менее весомые темы	5,8 %	
2011– 2015 гг.	Собственно деловая тематика (2011–2013 гг.) а) 9-9-9 tax plan, the 99% б) Corbynomics, Robin Hood tax, fiscal cliff, squeezed middle, patchwork economy	45,5 %	а) цифровые обозначения, популяризация профессиональной лексики с неочевидным значением; б) онимы, стилистически окрашенные сочетания
	Политика а) Brexit (2014-2019 гг.) б) Sifi, GIIPS/PIIGS, BRIC	24,7 %	а) блендинг, авторский неологизм; б) аббревиация, сокращения
	Новые технологии big data, bitcoin, cloud, wave and pay, QR code, contactless, # hashtag	19,5 %	Неосемемы, неофраземы, сокращения, аффиксация, интернет-символы как лексические инновации
	Менее весомые темы	10,3 %	

Окончание табл. 1

Этапы исследования периода	Доминирующие тематические блоки, примеры лексем	Доля лексем блока в общем объёме выборки	Активированные внутриязыковые процессы
2016–2020 гг.	Собственно деловая тематика hybrid working, digital nomad visa, workplace allyship, shrinkflation, bossware	32,1 %	Усиление процесса неологизации, высокая востребованность неофразем, блендинга
	Политические и социальные движения BIPOC, BLM, MAGA	22 %	Аббревиация, акронимизация
	Экология (2015–2019 гг.) climate crisis, climate emergency, single use, cli-fi, toxic	16,7 %	Неофраземы, сокращения, расширение значения
	Новые технологии chip, swipe (verbs), BYOT, coffice, neo-bank	18,3 %	Конверсия, инициализация, блендинг
	Пандемия COVID-19, social distancing, self isolate, lockdown, superspreader	10,9 %	Переход терминов в массовое употребление, использование общеупотребительных лексем в неофраземах и контаминированных лексемах
2021–2025 гг.	Собственно деловая тематика permacrisis, boreout, quiet quitting, antiwork, Great Resignation	37,1 %	Усиление оценочности в значении, наличие негативной коннотации
	Новые технологии а) zoom, virtual happy hours, e-change, train, manifest, slop б) NFT, LLM, LARP Q-Day	21,9 %	а) неосемемы, неофраземы, сокращения; б) аббревиация, сокращения с неясным значением
	Политика и социальная справедливость (после 2022 г.) sanction, oligarch, critical race theory, #Istandwith, Teal, denier, hater, gaslighting	18,1 %	Усиление оценочности в значении, наличие негативной коннотации
	Пандемия Omicron, spicy cough, long Covid, vax/vaxx, pingdemic, infodemic	14,3 %	Переход терминов в массовое употребление, использование общеупотребительных лексем в неофраземах и контаминированных лексемах
	Экология fusion power, wildfire, climate anxiety, ecotarian;	8,6 %	популяризация профессиональной терминологии, неофраземы, сокращения

из Евросоюза, активизацией социальных движений;

– в период с 2020 по 2022 годы особенную актуальность приобрела пандемийная тематика;

– после 2022 года всё яснее прослеживается критическая оценка действий властей, отдельных политических деятелей и медийных персон, что коррелируется с

происходящими в это время процессами в деловой сфере;

– значимость экологической тематики стала особенно заметной в 2006–2010 гг. (15,7%) и увеличилась до 16,7% к 2016–2020 гг., что стало причиной внедрения «зелёных технологий» и других изменений в мире бизнеса.

С точки зрения изучения языка как системы важно отметить, что в результате активного взаимодействия с изменчивой внешней средой, а также происходивших внутри лексической (под)системы динамических процессов сформировалась устойчивая тенденция к обновлению лексического состава языка делового общения. Цифровые технологии и связанные с ними прорывные инновации перестраивали традиционные бизнес-структуры, что неизбежно отразилось на профессионально-ориентированном дискурсе.

Для снижения уровня разупорядоченности и для эффективной адаптации к быстро меняющимся условиям внешней среды в лексической (под)системе реалий деловой жизни происходило дальнейшее переосмысление её внутренних ресурсов и включение ряда компенсаторных процессов системы: устоявшиеся терминологические единицы профессионально-ориентированного дискурса получали новое значение или становились частью новых терминологических словосочетаний и контаминированных лексических единиц. Эта тенденция была особенно заметна в 2006–2010 и в 2020–2022 годах. Для создания новых терминов активно использовались внешние по отношению к лексической (под)системе делового языка языковые средства: не связанные напрямую с этой сферой общеупотребительные слова оказывались настолько востребованными, что образованные с их помощью лексемы попадали в списки топ-слов английского языка в очень короткие сроки. Этот процесс можно было наблюдать в 2007–2010, 2011–2013 и 2021–2025 годах (табл. 1).

Обновление лексического состава делового языка сопровождалось увеличением количества сокращений, аббревиатур, инициализмов, примеры таких лексем встречаются среди топ-слов 2000–2010 и 2021–2025 годов; проникновением лексических инноваций из интернет-пространства в деловой язык в 2000 году и в 2011–2015 годах; появлением новых сем и сочетаний слов со специальным значением, что было особенно заметно в 2006–2010, 2015–2019 и 2021–2025 годах. Также стоит отметить увеличение востребованности таких словообразовательных моделей, как словосложение и блендинг (сращение) на протяжении всего исследуемого периода, что можно объяснить ёмкостью и многоуровневостью значения полученных в результате лексем.

Заключение

Таким образом, предложенный в рамках данной статьи анализ развития английской лексической (под)системы реалий деловой жизни подтверждает особую актуальность деловой тематики для англоязычного сообщества на протяжении первой четверти XXI века. Пристальное внимание к этой части общественной жизни объясняется тем, что бизнес-сфера подвергалась масштабным трансформациям под влиянием целого ряда факторов, среди которых необходимо выделить резкий скачок в развитии цифровых и компьютерных технологий, полное обновление условий и возможностей коммуникации в обществе, более высокую по сравнению с предыдущими периодами степень вовлечённости рядовых граждан в социальные, экономические и политические процессы, изменения в состоянии окружающей среды. Наше исследование также подтверждает отмеченную в трудах лингвистов роль пандемии COVID 19 в обновлении английской лексики.

Анализ в ракурсе динамико-системного подхода позволяет сделать вывод, что целостность английской лексической (под)системы реалий деловой жизни в

ходе её эволюции обеспечивается интеграцией системных, устойчивых свойств и подвижных, динамичных свойств, активным взаимодействием и кооперацией различных элементов этой подсисте-

мы друг с другом и с внешней средой, что позволяет ей адекватно отвечать на внешнее воздействие и адаптироваться к обновлённому состоянию общей лексической системы английского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртене И. А. Языковедение и язык: исследования, замечания, программы лекций. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 211 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования; изд. 4-е. М: КомКнига, 2006. 144 с.
3. Geert P. van. A Dynamic Systems Model of Basic Developmental Mechanisms: Piaget, Vygotsky, and Beyond // *Psychological Review*. 1998. Vol. 105. No. 4. P. 634–677. DOI: 10.1037/0033-295X.105.4.634-677.
4. Systematic Literature Review on System Dynamics / J. Hoffmann, C. Mai, B. Hu, R. A. Buettner // *IEEE Access*. 2025. Vol. 13. P. 88871–88887. DOI: 10.1109/ACCESS.2025.3571620.
5. From text to model: Leveraging natural language processing for system dynamics model development / G. A. Veldhuis, D. Blok, M. H. T. de Boer, G. J. Kalkman, R. M. Bakker, R. P. M. van Waas // *System Dynamics Review*. 2024. Vol. 40. Iss. 3. e1780. DOI: 10.1002/sdr.1780.
6. Пономаренко Е. В. Основания функциональной лингвосинергетики: учебное пособие: спецкурс по специальности 10.02.04 (германские языки). М.: МГИМО-Университет, 2015. 316 с.
7. Хазагеров Г. Г. Риторика, грамматика, дискурс, гомеостаз // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 2. С. 357–372. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-357-372.
8. Малахова В. Л. Динамико-системные принципы синергетики в функциональной лингвистике // *Филологические науки в МГИМО*. 2021. Т. 7. № 3 (27). С. 24–33. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-3-24-33.
9. Khranchenko D. S. The power of synergy in discourse: exploring persuasive language in English mass media // *Indonesian Journal of Applied Linguistics*. 2023. Vol. 13. No. 2. P. 368–379. DOI: 10.17509/ijal.v13i2.63068.
10. Колоскова О. А., Пономаренко Е. В. Популярная лексика как отражение трансформационных процессов в лексической системе английского языка в 2020–2023 гг. // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2023. № 51. С. 137–162. DOI: 10.25076/vpl.51.06.
11. Малюга Е. Н. Контекстуальная интерпретация термина «buzzwords» как компонента манипулятивной риторики в профессиональной коммуникации // *Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения: сборник материалов X Международной научной конференции (Москва, 22–23 апреля 2022 г.)* / отв. ред. Е. Н. Малюга. М.: РУДН, 2022. С. 11–15.
12. Колоскова О. А. Актуальные способы пополнения лексического состава английского языка (на материале слов года 2022–2023 гг.) // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2024. Т. 30. № 2. С. 170–179. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-2-170-179.
13. Зуева В. В. От модных слов до мейнстрима: актуальность существования BIPOC, MAGA и «культуры отмены» // *Российский гуманитарный журнал*. 2025. Т. 14. № 2. С. 98–108. DOI: 10.15643/libartrus-2025.2.3.
14. Черкунова М. В. Дискурсивный потенциал стилистических приемов в малоформатных жанрах современной англоязычной сетевой литературы // *Язык в пространстве и времени: материалы международной научной конференции (Самара, 25 декабря 2021 г.)* / под ред. О. Н. Шалифовой. Самара: Самарский государственный социально-педагогический университет, 2021. С. 154–165.
15. Ахренова Н. А., Зарипов Р. И. Структурные особенности новостного текста в интернет-дискурсе // *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2023. № 3. С. 87–98. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-6.
16. Gabrielova E., Lopatina V. Occasionalisms in Social networks during the pandemic // *Journal of Language and Education*. 2023. Vol. 9. No. 4 (36). P. 46–60. DOI: 10.17323/jle.2023.15946.

REFERENCES

1. Baudouin de Courtenay, I. A. (2010). *Linguistics and language: research, comments, lecture programs*. Moscow: LKI publ. (in Russ.).
2. Galperin, I. R. (2006). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: KomKniga publ. (in Russ.).
3. Geert, P. van. (1998). A Dynamic Systems Model of Basic Developmental Mechanisms: Piaget, Vygotsky, and Beyond. In: *Psychological Review*, 105 (4), 634–677. DOI: 10.1037/0033-295X.105.4.634-677.
4. Hoffmann, J., Mai, C., Hu, B. & Buettner, R. A. (2025). Systematic Literature Review on System Dynamics. In: *IEEE Access*, 13, 88871–88887. DOI: 10.1109/ACCESS.2025.3571620.
5. Veldhuis, G. A., Blok, D., de Boer, M. H. T., Kalkman, G. J., Bakker, R. M. & van Waas, R. P. M. (2024). From text to model: Leveraging natural language processing for system dynamics model development. In: *System Dynamics Review*, 40 (3), e1780. DOI: 10.1002/sdr.1780.
6. Ponomarenko, E. V. (2015). *Foundations of functional linguosynergetics: a textbook: a special course in specialty 10.02.04 (Germanic languages)*. Moscow: MGIMO-University publ.
7. Khazagerov, G. G. (2018). Rhetoric, Grammar, Discourse and Homeostasis. In: *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 357–372. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-357-372 (in Russ.).
8. Malakhova, V. L. (2021). Dynamic-and-Systemic Principles of Synergetics in Functional Linguistics. In: *Philology at MGIMO*, 7 (3). 24–33. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-3-24-33 (in Russ.).
9. Khramchenko, D. S. (2023). The power of synergy in discourse: exploring persuasive language in English mass media. In: *Indonesian Journal of Applied Linguistics*, 13 (2), 368–379. DOI: 10.17509/ijal.v13i2.63068.
10. Koloskova, O. A. & Ponomarenko, E. V. (2023). Buzzwords as reflection of transformational processes in English lexical system in 2020-2023. In: *Issues of Applied Linguistic*, 51, 137–162. DOI: 10.25076/vpl.51.06 (in Russ.).
11. Malyuga, E. N. (2022). Contextual interpretation of the term “buzzwords” as a component of manipulative rhetoric in professional communication. In: *Current Issues in Linguistics and Foreign Language Teaching for Business and Professional Communication: Proceedings of the 10th International Scientific Conference (Moscow, April 22–23, 2022)*. Moscow: RUDN University publ., pp. 11–15 (in Russ.).
12. Koloskova, O. A. (2024). Current word formation models of the English vocabulary buildup (based on 2022–2023 words of the year). In: *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 30 (2), 170–179. DOI: 10.18287/2542-0445-2024-30-2-170-179.
13. Zueva, V. V. (2025). From buzzwords to mainstream: the relevance of BIPOC, MAGA and “cancel culture”. In: *Liberal Arts in Russia*, 14 (2), 98–108. DOI: 10.15643/libartus-2025.2.3.
14. Cherkunova, M. V. (2021). Discourse potential of stylistic devices in small-format genres of modern English network literature. In: *Language in Space and Time: Proceedings of the International Scientific Conference (Samara, December 25, 2021)*. Samara: Samara state university of social sciences and education publ., pp. 154–165.
15. Akhrenova, N. A. & Zaripov, R. I. (2023). Structural features of news text in internet discourse). In: *Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal*, 3, 87–98. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-3-6 (in Russ.).
16. Gabrielova, E. & Lopatina, V. (2023). Occasionalisms in Social networks during the pandemic. In: *Journal of Language and Education*, 4 (36), 46–60. DOI: 10.17323/jle.2023.15946.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колоскова Ольга Анатольевна (г. Одинцово, Московская обл.) – старший преподаватель кафедры английского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Одинцовский филиал); <https://orcid.org/0000-0002-0657-5791>; e-mail: o.koloskova@odin.mgimo.ru

Пономаренко Евгения Витальевна (г. Москва) – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 5 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; <http://orcid.org/0000-0003-3725-4461>; e-mail: e.ponomarenko@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Koloskova (Odintsovo) – Senior Lecturer, Department of English language for Odintsovo branch, MGIMO University, Russian Federation;

<https://orcid.org/0000-0002-0657-5791>; e-mail: o.koloskova@odin.mgimo.ru

Evgeniya V. Ponomarenko – Dr. Sci. (Linguistics), Assoc. Prof., Prof., Department of English no. 5, MGIMO University, Russian Federation;

<http://orcid.org/0000-0003-3725-4461>; e-mail: e.ponomarenko@inno.mgimo.ru

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-127-138

ГИМН НИКАРАГУА КАК РИТОРИЧЕСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ К ГРАЖДАНСКОМУ СОГЛАСИЮ

Котеняткина И. Б.* , Чеснокова О. С.

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
г. Москва, Российская Федерация*

** Корреспондирующий автор, e-mail: kotenyatkina-ib@rudn.ru*

Поступила в редакцию 04.02.2026

После доработки 16.02.2026

Принята к публикации 26.02.2026

Аннотация

Цель: систематизировать языковые и риторические свойства государственного гимна Республики Никарагуа, обосновать его статус как уникального явления в латиноамериканском гимновом дискурсе, интерпретировать его смысловые доминанты и ассоциативные символы.

Процедура и методы. Основные методы исследования: интерпретационный, функционально-семантический, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование.

Результаты. Проведённый анализ показал, что гимн Никарагуа является уникальным песенно-поэтическим произведением с доминирующими концептами труда и природы, что выделяет его в латиноамериканском гимновом дискурсе, традиционно сосредоточенном на призывах к борьбе и сопротивлению.

Теоретическая и практическая значимость. Статья развивает парадигму дискурс-анализа и идентитарных исследований, а её результаты могут быть применены в преподавании испанского языка с углублённым изучением культуры.

Ключевые слова: Никарагуа, гимн, идентичность, контекст, национальные варианты испанского языка, риторика, лексико-семантические средства

Для цитирования:

Котеняткина И. Б., Чеснокова О. С. Гимн Никарагуа как риторическое воззвание к гражданскому согласию // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 127–138. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-127-138>

Original research article

THE ANTHEM OF NICARAGUA AS A RHETORICAL APPEAL TO CIVIL CONSENT

I. Kotenyatkina* , O. Chesnokova

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, Russian Federation*

** Corresponding author, e-mail: kotenyatkina-ib@rudn.ru*

Received by the editorial office 04.02.2026

Revised by the author 16.02.2026

Accepted for publication 26.02.2026

Abstract

Aim. The aim of the article is to systematize the linguistic and rhetorical properties of the national anthem of the Republic of Nicaragua, to prove its status as a unique phenomenon in the Latin American anthemic discourse, and to interpret its semantic dominants and associative symbols.

Methodology. The main research methods are functional-semantic, interpretive, linguistic and cultural analysis, cultural commentary.

Results. The analysis showed that the anthem of Nicaragua is a unique song-poetic anthem work with the dominant concepts of labor and nature, which distinguishes it within the Latin American anthem discourse, traditionally focused on calls for struggle and resistance.

Research Implications. The article develops the paradigm of discourse analysis and identity studies, and its results can be applied in teaching the Spanish language with an in-depth study of culture.

Keywords: Nicaragua, anthem, identity, context, national variants of the Spanish language, rhetoric, lexical-semantic means

For citation:

Kotenyatkina, I. B. & Chesnokova, O. S. (2026). The anthem of Nicaragua as a rhetorical appeal to civil consent. In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 127–138. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-127-138>

Введение

Республика Никарагуа – крупнейшее по площади государство в Центральной Америке, расположенное между Тихим океаном и Карибским морем, граничащее с Коста-Рикой и Гондурасом. Никарагуа – важный стратегический партнёр Российской Федерации¹. Так, например, в 2022 г. Россия и Никарагуа установили межпарламентское сотрудничество; подписанное соглашение способствует «расширению экономического и культурного сотрудничества, обмену опытом парламентской деятельности и укреплению взаимодействия в международных организациях» [1, с. 126]. В 2024 г. заместитель министра иностранных дел России С. А. Рябков в своём выступлении на открытии выставки, посвящённой 80-летию установления дипломатических отношений между Россией и Никарагуа, отметил, что активно

развивается практическая кооперация «в сфере здравоохранения, космоса, мирного атома, преодоления последствий стихийных бедствий, в области сельского хозяйства, транспорта, образования, подготовки профессиональных кадров»².

Компетенция в идентичности никарагуанцев способствует оптимизации диалога в различных сферах коммуникации с никарагуанскими партнёрами. Данная статья посвящена языковым и риторическим особенностям государственного гимна Никарагуа. Задачи статьи – охарактеризовать и систематизировать языковые и риторические свойства гимна страны. Статья опирается на уже апробированную авторами методологию исследования гимнов латиноамериканских стран [2]³.

² Выступление заместителя Министра иностранных дел России С. А. Рябкова на открытии выставки, посвящённой 80-летию установления дипломатических отношений между Россией и Никарагуа [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3UupAR> (дата обращения: 28.01.2026).

³ См. также: Чеснокова О.С., Котеняткина И. Б., Гишкаева Л.Н. Дискурсивные практики национальной идентичности: гимн Аргентины как полипарадиг-

¹ См., напр.: Кожевников А. Лавров: Россия и Никарагуа – верные друзья и стратегические партнёры [Электронный ресурс] // Российская газета : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3Uup8t> (дата обращения: 21.01.2026).

Разделяя идеи Ван Дейка [3] о том, что дискурс представляет завершённый или продолжающийся продукт коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, считаем первостепенной задачей данной статьи комплексный анализ языковых средств никарагуанского гимна как образца патриотического дискурса.

Основные методы исследования: интерпретационный, коммуникативно-дискурсивный, функционально-семантический, лингвокультурологический анализ, культурологическое комментирование.

Гимн Никарагуа в концептосфере никарагуанцев

Концептосфера, вслед за Т. Б. Радби-лем, будет рассматриваться в статье как «упорядоченная совокупность концептов, информационная база мышления»¹. Никарагуанский национальный вариант испанского языка, являясь частью латиноамериканского континуума, представляет собой самостоятельную лингвокогнитивную сущность с собственными языковыми особенностями². В концептосферу и коллективную память никарагуанцев входят события (прецедентные явления), связанные с борьбой никарагуанцев за независимость и со сменой политических режимов, что воплощено в национальных символах и в их динамике.

Никарагуа сформировалась в XX в. как многоэтническая, мультикультурная и многоязычная страна, население которой представлено не только мети-

сами и потомками европейцев (преимущественно испанцев), когда-то прибывших на американский континент, но и индейскими народами, потомками африканского происхождения, некоторые из которых до сих пор сохранили свой язык и традиции. Национальная идентичность в целом определяется совокупностью исторических, экономических, социальных, политических и культурных элементов населения, которое объединяют традиции этнического, лингвистического, религиозного и социокультурного характера. Символами национальной идентичности, объединяющими всех никарагуанцев, среди прочего, являются государственный флаг, государственный герб, национальный гимн, а также национальные дерево, птица и цветок [4, р. 44].

В рамках нашего исследования мы обратимся к государственному гимну страны. Отметим, что современному гимну Никарагуа предшествовало несколько других гимнов, некоторые из которых представляли исключительно музыкальные произведения, без вербальных составляющих. Для полноценного понимания риторики современного гимна и отражения в нём идентичности никарагуанского народа проанализируем все имеющиеся текстовые образцы гимнов.

Гимн Чаморро

«Гимн Чаморро» (“el Himno de Chamorro”) или «Солдаты, граждане» (“Soldados, ciudadanos”) в 1876 г. без какого-либо предварительного конкурса стал первым официальным гимном страны по инициативе правительства тогдашнего Президента Никарагуа – Педро Хоакина Чаморро-и-Альфара, от имени которого и произошло его «народное» название. Автор текста Фернандо Альварес, автор музыки – Кармен Вега. Как отмечает никарагуанский поэт Саломон Ибарра Майорга, данный текст анахроничен, т. к. в нём воспевается 15 сентября 1821 г., когда был подписан «Акт о независимости Центральной Америки», закреплявший независимость

мальная сущность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. Т. 21. № 4. С. 976–993. DOI: 10.21638/spbu09.2024.412; Чеснокова О.С., Котеняткина И. Б. Лингвокультурологический анализ гимна Мексики // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 4 (40). С. 164–183.

¹ Радбиль Т. Б. Когнитивистика: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2018. С. 36.

² См., например: Щербакова Е. В. Лингвокультурологические особенности никарагуанского национального варианта испанского языка: автореф. дис. ... кан. филол. наук. М., 2008. 25 с.

Гватемалы, Сальвадора, Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики от Испании. Но также это и боевой призыв к сопротивлению ко-

лонияльной власти, уже не существовавшей в то время [5, р. 17].

Обратимся к тексту¹:

Soldados, ciudadanos

Soldados, ciudadanos, a las armas
esgrimid las espadas con valor;
que más vale morir independientes
a vivir subyugados en la opresión.

Hoy se lanza la patria querida
sobre un campo de gloria inmortal,
hoy alzando su frente abatida,
aniquila el poder colonial.

De septiembre la luz se levanta
bella, pura, cual hija del sol,
y a su vista el ibero se espanta,
tiembla y cae el león español.

Солдаты и граждане!

Солдаты и граждане, к оружию!
С храбростью обнажите шпаги.
Ведь лучше смерть принять в борьбе за
независимость,
Чем жить угнетёнными среди цепей!
Сегодня родина любимая вступает
На поле бессмертной славы
Сегодня, гордое чело подъявля,
Она стирает колониальный гнёт.

Свет Сентября восходит лучезарно,
Прекрасный, чистый, словно дочь Солнца,
Испанец в ужасе бежит от света,
Дрожит и падает ниц, звеня, испанский лев.

Первая строка первой строфы содержит обращение к воинам и простым гражданам: *soldados, ciudadanos*. Это обращение в сильной, начальной позиции текста и выбранные для него номинации «солдаты» и «граждане» подчёркивают, что борьба за независимость – это дело каждого никарагуанца, объединяющее всё население, независимо от пола и рода занятий. Это обращение, открывающее текст, и стало названием гимна.

Так как национальный гимн универсально служит для поднятия боевого духа, призывает сограждан к борьбе против агрессора, в анализируемом текстовом образце закономерно запечатлена лексика, связанная с военным делом: *soldados* ‘солдаты’, *armas* ‘оружие’, *espadas* ‘сабли’, *aniquilar* ‘уничтожать’. Экспрессивность тексту придают лексемы *subyugados* ‘порабощённые’, *opresión* ‘угнетение’, *colonial* ‘колониальный’, обладающие вне контекста отрицательной коннотацией и вызывающие у слушателя негативные ассоциации и, как следует по риторике текста, призыв к их преодолению. В то же время лексемы с положительной коннотацией *valor* ‘храбрость’, *indepen-*

dientes ‘независимые’ служат для воодушевления никарагуанцев. Религиозная лексика (*gloria inmortal* / «вечная слава») смягчает тональность, добавляет торжественности тексту. Также особо отметим лексику с эмоционально-экспрессивной окраской, которая используется как эпитеты при описании родины: *querida* ‘любимая’, *bella* ‘красивая’, *pura* ‘чистая’, что придаёт тексту возвышенный и поэтический характер.

Для национальных гимнов стран Латинской Америки характерно активное употребление императивных форм, преимущественно 2-го лица мн. ч., для воодушевления и побуждения к действию, для призывов подняться на борьбу с врагом, защитить отчизну. В этой связи обращает на себя внимание единичный случай использования в данном гимне повелительного наклонения (*esgrimid las espadas con valor* / «с храбростью обнажите шпаги»). В остальных же случаях применяются инфинитивы (*morir, vivir*) и формы настоящего времени (*se lanza, aniquila* и др.) для описания исторических событий, борьбы никарагуанского

¹ Здесь и далее перевод наш – О. Ч.

народа с захватчиками, что придаёт тексту повествовательный характер.

Примечательно использование в 3-й строфе лексемы *el íbero* 'ибериец' с определённым артиклем со значением обобщённости, собирательности, что нехарактерно для художественного дискурса¹.

Обилие стилистических средств не только придаёт тексту значимость и торжественность, но и добавляет романтизм.

Строки "*que más vale morir independientes \ a vivir subyugados en la opresión*" («лучше умереть независимыми \ чем жить угнетёнными»), по нашему мнению, являются аллюзией на крылатую фразу ("*¡Prefiero morir de pie que vivir siempre arrodillado!*", другой вариант "*¡Más vale morir de pie que vivir de rodillas!*" – «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»), авторство которой приписывается национальным героям разных стран (например, Хосе Марти (Куба), Эмилиано Сапата (Мексика)), и подчёркивают важность приобретения свободы и независимости. Риторика создаётся за счёт персонификации родины: "*se lanza la patria querida ... alzando su frente abatida, aniquila el poder colonial*", что создаёт воздействующие средства единения никарагуанского народа перед лицом врага. Примечательна градация обозначений врага от абстрактной колониальной аллюзии *el poder colonial* «колониальная власть» до конкретного «иберийца», то есть испанца, кульминацией чего оказывается *el león español* «испанский лев».

В каждой строфе гимна используются антитезы. В них храбрость никарагуанского народа, подвиги которого сделают его бессмертным, противопоставлены временному пребыванию захватчиков, аллюзия на которых представлена в третьей строфе: *el león español* («испанский лев»). Также в третьей строфе использован интересный приём, объединяющий метафорическую персонификацию и

аллюзию на независимость Никарагуа, воплотившуюся в реальность благодаря подписанному в сентябре 1821 г. «Акту о независимости Центральной Америки» ("*De septiembre la luz se levanta bella, ríega...*" – «поднимается красивый, чистый сентябрьский свет»). Эмоционально окрашенное сравнение "*cual hija del sol*" («словно дочь солнца») придаёт яркую образность тексту и передаёт воодушевление, которое принесло Никарагуа это событие.

Многочисленные случаи инверсии служат для создания определённого стилистического эффекта, привлечения внимания слушателей, а также обладают эстетической коннотацией, создавая плавный ритмический рисунок гимна. Для особой риторической и звуковой организации текста гимна использован приём анафоры: *se lanza ... alzando*. С точки зрения композиции, отметим, что начинается Гимн Чаморро с прямого призыва взяться за оружие, а заканчивается описанием поражения врага, аллегорически представленного в образе льва: "*tiembla y cae el león español*" («дрожит и падает испанский лев»). С точки зрения идентичности никарагуанцев примечательна номинация "*de septiembre la luz*" / «свет сентября», упоминающая сентябрь 1821 г. – обретение независимости, что является важным прецедентным явлением в концептосфере никарагуанцев и маркером их идентичности.

Гимн «Прекрасная владычица»

Гимн "*Hermosa Soberana*" («Прекрасная владычица») в 1893 г. при правительстве генерала Хосе Сантоса Зелая получил статус официального гимна Никарагуа, также без предварительного проведённого конкурса. Автор музыки – бельгийский композитор Александр Кузин. В отношении автора текста нет единого мнения. По мнению Бонилья Руана, данный гимн представляет собой «литературное сокровище», автором которого мог быть выдающийся никарагуанский

¹ Цит. по: Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка: учебное пособие. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 84.

поэт-модернист Рубен Дарио, т. к. в нём прослеживается «стиль данного поэта и его изящная манера стихосложения» [5, p. 19]. В настоящее время это гимн Либе-

рально-конституционной партии Никарагуа¹.

Обратимся к тексту:

Hermosa Soberana

Hermosa Soberana
cual sultana, Nicaragua
de sus lagos al rumor,
ve en sus hijos denodados
los soldados del honor.

Siempre libre y hechicera
su bandera ve flotar,
y apacible se reclina
cual ondina de la mar.

Y orgullosa, cual deidad,
muestra altiva el noble pecho
en defensa del derecho
y su santa Libertad.

Гимн “Hermosa Soberana” весьма отличается по своей стилистике и оценочно-экспрессивным средствам от «Гимна Чаморро». Начиная с названия гимна, текст передаёт нежные чувства к родине и гордость никарагуанцев за суверенитет своей страны. Патриотические чувства отражаются посредством не военной лексики, а восторженного поэтического описания Никарагуа и её флага. С этой целью автор прибегает к ярким эпитетам (hermosa Soberana «суверенная красавица», libre ‘свободная’, hechicera ‘чарующая’, orgullosa ‘гордая’), сравнениям (cual sultana «словно султанша», cual ondina de la mar «словно морская русалка», cual deidad «словно богиня»), где относительное местоимение *cual* используется в том же модальном значении, что и *como*¹. Также придаёт тексту торжественность религиозная лексика (santa Libertad – «святая Свобода»). Помимо этого, обращает на себя внимание написание слова

Прекрасная владычица

Красавица-владычица,
Как средь озёр султанша, Никарагуа,
Под плеск воды в тиши
Ты видишь в сыновьях бесстрашных
Солдат, что чести служат.

Свободна ты и вечно чаруешь,
Как вьётся флаг в лазурной вышине,
И тихо ты покоишься, подобно
Русалке в морской волне.

И гордая, как богиня,
Являешь смело благородство вновь,
Чтоб защищать закон священный
И священную Свободу.

Libertad с заглавной буквы, что подчёркивает важность приобретения Никарагуа независимости для идентичности никарагуанцев. В целом, тема независимости и свободы является основной в данном гимне, что отражается целым рядом лексем, подчёркивающих достоинство Никарагуа (Soberana ‘суверенная’, honor ‘честь’, libre ‘свободная’, orgullosa ‘гордая’, noble ‘доблестная’, derecho ‘право’, Libertad ‘свобода’).

Текст данного гимна не содержит прямого обращения к никарагуанцам, императивных форм, однако отражает отношение родины к ним как к детям, которые бесстрашно сражаются за свою страну (sus hijos denodados «её бесстрашные дети»).

Использование формы 3-го л. ед.ч. *si* (‘её’) в отношении Никарагуа, повествовательный характер гимна, придают тексту своеобразную плавность, а выбранные лексические и стилистические

¹ См.: cual [Электронный ресурс] // Diccionario panhispánico de dudas: [сайт]. URL: <https://www.rae.es/dpd/cual> (дата обращения: 21.01.2026).

² Nuestro himno [Электронный ресурс]. URL: <https://orgullosamenteliberal.wordpress.com/acerca-de/> (дата обращения: 28.02.2021).

средства делают текст восторженно-торжественным.

Во второй строфе упоминается русалка (*ondina*), что является отсылкой к никарагуанским легендам¹ и в целом характерно для художественного мира стран Латинской Америки [6, p. 100]: сирен «видели в американских морях первые первопроходцы» [7, с. 46]. Образ русалки широко представлен в мировом словесном творчестве: мифах и персональном художественном дискурсе.

Любопытно, что строки “*muestra altiva el noble pecho / en defensa del derecho / y su santa Libertad*” вызывают ассоциации с картиной Э. Делакруа «Свобода, ведущая народ», посвящённой борьбе за права и свободу французского народа. В целом данная аллюзия не удивительна, учитывая, насколько сильное влияние события в Европе XIX в. оказывали на страны Латинской Америки, воодушевляя их на борьбу с угнетателями.

С точки зрения грамматической стилистики интересно отметить метафорическую персонификацию Никарагуа, которая смотрит на своих детей – солдат, на флаг и поднимается на борьбу за свою свободу. Другой любопытной особенностью является использование в женском роде *la mar* ‘море’, что представляет собой грамматический архаизм, но характерно для речи рыбаков и жителей побережья, а также поэтических произведений². Упоминание моря в целом не удивительно. Как отмечает А. Ф. Кофман, «природные образы и мотивы составляют самую сердцевину художественного кода латиноамериканской литературы. Они встречаются наиболее часто (без преувеличения можно сказать – заполняют художественное пространство большинства произведений); их трактовки и вариации

поразительно устойчивы; и, в конечном счёте, именно под эти образы так или иначе “подвёрстываются” мотивы и мифологемы, характеризующие латиноамериканский универсум и бытие человека» [7, с. 108].

Комплексный анализ современного гимна Никарагуа

Перейдём к анализу современного, законодательно утверждённого гимна Никарагуа. В 1910 г., после провала Либеральной Революции, гимн “*Hermosa Soberana*” утратил статус национального гимна, поэтому в 1918 г. был объявлен конкурс на создание нового гимна Никарагуа. Победителем конкурса стал никарагуанский поэт Саломон Ибарра Майорга (*Salomón Ibarra Mayorga*, 1887–1985). В своей монографии он отмечает, что в то время Никарагуа находилась в сложной ситуации, под американской оккупацией, и требовалось написать нейтральный в политическом плане текст, не упоминая интервентов. В этой связи конкурсные работы должны были отвечать нескольким требованиям: состоять из двух четверостиший для обеих частей, упоминать только мир и труд, максимально подстраиваться под музыкальную структуру гимна [4, p. 22]. Жюри единогласно проголосовало за текст “*¡Salve a ti, Nicaragua!*” («Славься, Никарагуа!»). Однако официально данный текст получил статус гимна только 20 октября 1939 г.

Отметим, что музыка современного гимна Никарагуа имеет религиозное происхождение: в конце XVIII в. францисканский монах-миссионер испанского происхождения Ансельмо Кастиново обычно пел религиозный псалом во время начала и окончания занятий, на которых рассказывал индейцам о христианстве. Мелодия передавалась из поколения в поколение, со временем партитура попала к учителю музыки Марсело Сото. Это литургическое песнопение получило широкое распространение, и к тому времени, когда была провозглашена

¹ Cuentos, leyendas y tradiciones indígenas del Caribe nicaragüense / comp. Maricela Kauffmann [et al.]; 1a ed. Managua: CRAAN, 2012. 20 p.

² Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика современного испанского языка: учебное пособие. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 79.

независимость стран Центральной Америки, никарагуанцы исполняли его как на религиозных, так и на политических мероприятиях. В 1909 г. после отказа от гимна “Hermosa Soberana” в Никарагуа вернулись к той самой мелодии, которая получила новую интерпретацию благодаря Антонио Сапата¹.

Автор текста нового гимна С. Ибарра Майорга критиковал предыдущие гимны за их воинственность и подража-

ние «Марсельезе» и сделал свой выбор в пользу религиозности, стремясь отразить «идеалы никарагуанского народа, такого щедрого, многострадального и миролюбивого» [5, р. 112]. Перед С. Ибарра Майорга стояла непростая задача сочинить две строфы по два десятисложных четверостишия, не только описывающие мир и труд, но и отражающие доблесть и отвагу никарагуанского народа.

Приведём текст и его перевод.

¡Salve a ti, Nicaragua!

¡Salve a ti, Nicaragua! En tu suelo
ya no ruge la voz del cañón,
ni se tiñe con sangre de hermanos
tu glorioso pendón bicolor.

Brille hermosa la paz en tu cielo,
nada empañe tu gloria inmortal,
que el trabajo es tu digno laurel
y el honor es tu enseña triunfal.

Первые слова гимна “¡Salve a ti, Nicaragua!”, ставшие его названием, отсылают к католической молитве “Salve, Regina, Mater misericordiae”. Это придаёт гимну как образцу патриотического дискурса религиозный оттенок, а общая риторика любви к Родине приобретает особую форму духовного служения.

Созданию сакральной риторики текста способствует и активное использование притяжательного местоимения *tu* («твой», «твоя», «твоё»), характерное для религиозного дискурса. Это превращает гимн в своего рода молитву, обращённую к Родине – Никарагуа.

Отметим, что для Никарагуа характерно явление *voseo* (использование местоимения 2 л. ед. ч. *vos*), которое сформировалось в испанском языке стран Латинской Америки в колониальный период, но постепенно было вытеснено *tuteo* (использование местоимения 2 л. ед. ч. *tú*) в

Славься, Никарагуа!

Славься, Никарагуа!
На твоей земле
больше не слышен грохот (дословно «голос») пушки,
и не обагрён братской кровью твой славный двухцветный стяг.
Пусть мир прекрасно сияет на твоём небе,
пусть ничто не омрачит твою бессмертную славу.
Твоя награда – это свобода,
А твоё триумфальное знамя – это честь!

странах, где была наиболее тесная связь с испанской короной (например, на Кубе и в Пуэрто-Рико)². Хотя в Никарагуа *voseo* сохранилось, как отмечает А. Христиансен, обращение *tú* используется в адрес представителей высших социальных слоёв [8, р. 261]. Данный феномен иллюстрирует наблюдение Н. М. Фирсовой, отмечавшей, что на современное состояние морфолого-синтаксической вариативности в испанском языке оказывают влияние такие экстралингвистические факторы, как: «1) временной (исторический); 2) территориальный (пространственный и географический); 3) воздействие субстрата и влияние экспорта испанского языка в Латинскую Америку; 4) социальный и социально-исторический»³.

² Real Academia Española incorpora el pronombre personal «vos» [Электронный ресурс] // Nicaragua Investiga : [сайт]. URL: <https://clck.ru/3UusF7> (дата обращения: 21.01.2026).

³ Фирсова Н. М. Избранные труды. Том II. Современный испанский язык в Испании и странах Латинской Америки. М.: РУДН, 2009. С. 218.

¹ Himno Nacional de Nicaragua [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3UusDs> (дата обращения: 10.01.2026).

Важная лексико-семантическая доминанта текста – религиозная лексика: *glorioso* ‘славный’, *paz* ‘мир’, *cielo* ‘небо’, *gloria* ‘слава’, *inmortal* ‘бессмертный’, *laurel* ‘лавровый венок’. Религиозная лексика встречается не только в религиозных гимнах, но и в произошедших от них военных маршах и национальных гимнах. В гимне Никарагуа при его линейной компактности религиозная лексика создаёт особый риторический посыл торжественности и сакральности. Отметим, что, хотя С. Ибарра Майорга стремился избежать излишней «воинственности» текста, он прибегнул к военной лексике, хоть и в незначительном количестве: *cañón* ‘пушка’, *pendón* ‘знамя’, *triumfal* ‘победный’, которая напоминает о сражениях и победах никарагуанцев и одновременно оттеняет доминантное мирное послание гимна. Подчеркнём, что патриотизм гимна сосредоточен не на образе солдата или гражданина, как в «Гимне Чаморро» с открывающим текст обращением “*Soldados, ciudadanos*” («солдаты, сограждане»), а строится вокруг концептов мира и труда: *Brille hermosa la paz en tu cielo*. Как воспевание мира, а не смерти за родину, можно интерпретировать строфу *En tu suelo ya no ruge la voz del cañón*, которая констатирует отсутствие грохота пушек. Отрицательное предложение оттеняет положительную символику мира и созидания. Честь и настроенность на мир Никарагуа подчёркивается сравнением труда с лавровым венком – восходящим к античности универсальным символом победы: *el trabajo es tu digno laurel*.

С грамматической точки зрения примечательно употребление возвратной формы в строке “*ni se tiñe con sangre de hermanos*”, которая позволила автору избежать прямого указания на угнетателей никарагуанского народа.

В целях соблюдения рифмы использовано существительное «пушка» в ед. ч. (*del cañón*) в значении множественности.

Существительное мн. ч. *hermanos* ‘братья’, будучи использованным в не-

маркированном мужском роде, указывает на весь никарагуанский народ, т. е. «братья и сёстры», объединившийся для защиты своей страны.

Обращают на себя внимание формы сослагательного наклонения *brille*, *empañe* (*Brille hermosa la paz en tu cielo, / nada empañe tu gloria inmortal*). С. Ибарра Майорга объясняет, что ему посчастливилось найти компромиссный вариант, чтобы передать патриотизм никарагуанского народа в сложный исторический период поспрашивания его прав, при этом соблюдая правила конкурса – не описывать политическую ситуацию и не упоминать агрессоров. Он использовал «волевую и экспрессивную» форму сослагательного наклонения, которая не только передаёт побуждение, направленное на будущее, но и отражает настоящее, душевные порывы, патриотические чувства никарагуанского народа [5, p. 23].

Несмотря на небольшой линейный размер гимна, он украшен значительным количеством эпитетов (*glorioso* ‘славный’, *hermosa* ‘красивый’, *inmortal* ‘бессмертный’, *digno* ‘достойный’, *triumfal* ‘победный’), которые прославляют доблесть и мужественность никарагуанцев и готовность защищать свою прекрасную страну.

Сравнительный анализ текста гимнов “*Soldados, ciudadanos*”, “*Hermosa Soberana*”, “*¡Salve a ti, Nicaragua!*” показывает разницу в использовании морфологических, лексических и стилистических средств, создающих диапазон от воинственно-воодушевляющей риторики текстов “*Soldados, ciudadanos*”, “*Hermosa Soberana*” до риторики, сакрализирующей труд и природу в “*¡Salve a ti, Nicaragua!*”, что и делает современный гимн Никарагуа уникальным образцом гимнового дискурса с мирным и созерцательным настроением, прославлением мира через труд и отсутствием эксплицитно упоминаемого врага.

Никарагуанский гимн компактен и лаконичен, что приводит к его двойным реализациям.

Гимн Никарагуа в латиноамериканском гимновом дискурсе

Коммуникативно-дискурсивный анализ гимнов латиноамериканских показывает, что главной ценностью в них обычно выступает концепт свободы и борьбы, концепт свободы через борьбу. Как отмечает Л. Альварадо, в национальных гимнах стран Центральной Америки «выражены два типа национализма: либеральный и пацифистский, который превозносит национальные ценности, и гражданско-военный, в котором население призывается защищать эти национальные ценности перед лицом иностранной агрессии» [9, p. 114].

Национальный гимн является не только образцом патриотического дискурса, способствующим созданию и сохранению чувства национальной гордости, но и песенно-поэтическим символом страны, элементом национальной идентичности, отражающим культурно-историческую память, объединяющим всё население, которое гордится своим прошлым и настоящим и стремится к дальнейшему процветанию в будущем. Родина, как правило, ассоциируется с матерью, которая гордится своими детьми – отважными воинами, сражающимися за неё, за своих братьев и за свободу. Ключевыми образами, вокруг которых развивается текст гимна, стабильно в гимнах латиноамериканских стран оказываются образ тирана, символика крови, упоминание орудий, оппозиция концептов «свой – чужой»¹. Гимн Никарагуа на этом фоне выделяется тем, что главный акцент в нём сделан на концептах мира и труда. Даже упоминание пушки в тексте

представляет её как «замолчавшую». Никарагуанский гимн не упоминает внешних врагов. Акцент сделан на созидании и внутреннем согласии.

Так, сравнение никарагуанского гимна с кубинским гимном [2] показывает разницу как в плане музыки (маршевый ритм «Баямесы» и религиозный хорал никарагуанского гимна), так и в лексико-семантическом и риторическом отношениях. Гимн Кубы динамичен, маршевый темп в нём сочетается с карибскими ритмами и африканской страстью. Если кубинский гимн – это гимн-марш, то никарагуанский гимн – это гимн-литургия, гимн-молитва. Цветовая символика так же различна: доминирующий красный цвет, цвет крови в кубинском гимне, провозглашающем смерть за родину как величайшую духовную ценность, и бело-голубая символика никарагуанского флага, ассоциирующаяся с миром и спокойствием.

В кубинском гимне активны императивы типа *al combate corred* «бегите на поле боя», что задаёт ритм приказов действовать и создаёт риторику борьбы. Ключевым мотивом и концептом кубинский гимн имеет смерть за родину, когда физическая смерть становится менее важна, чем служение родине, при этом смерть за родину выступает как символ духовного подвига [2, с. 160]. Гимн Никарагуа подчеркивает образом крови братьев (и сестер) трагедию гражданских войн, но призывает не к смерти за Родину, а к созидательному труду на благо Родины, что и признается по риторике текста величайшей доблестью.

Симптоматично прилагательное *glorioso*, запечатлённое в гимнах обеих стран. В гимне Кубы данное прилагательное сочетается со словом *muerte*: *muerte gloriosa* «славная смерть»; а в гимне Никарагуа – с существительным *pendón* «знамя»: *tu glorioso pendón bicolor* «твоя славная двухцветное знамя». Это символично для различной риторики этих гимнов: призыва к борьбе и смерти за Родину

¹ См.: Чеснокова О. С., Говорова Л. А., Усманов Т. Ф. Гимн Перу в контексте национальной идентичности перуанцев // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 55. С. 72–98. DOI: 10.25076/vpl.55.04; Chesnokova O. S. Colombian national anthem as the dialogicity continuum // Training, Language and Culture. 2023. Vol. 7. No. 3. P. 59–68. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-3-59-68.

как величайшей ценности в кубинском гимне и концентрации на настрое на мир и созидание в никарагуанском гимне.

Заключение

Исследование языковых и риторических свойств государственного гимна Республики Никарагуа убедительно демонстрирует его особую песенно-поэтическую эстетику в континууме латиноамериканских гимнов. Никарагуанский гимн выделяется компактностью, что приводит к его двойным реализациям. Концептуальные доминанты текста – труд и мир, а сам гимн становится, по сути, своего рода «анти-гимном» войны, гимном-литургией, гимном-молитвой. Название “¡Salve a ti, Nicaragua!” с явственной аллюзией католической молитвы придаёт любви к родине статус духовного служения, что обрастает значительными символическими и культуроносными смыслами в сознании никарагуанцев и оказывается целостным

риторическим воззванием к миру и к гражданскому согласию.

Все три проанализированных гимна Никарагуа были написаны в конце XIX – начале XX вв., т. е. в переломный для Центральной Америки период, отмеченный Либеральной реформой, модернизацией, американской интервенцией и формированием национального мифа [9, p. 113]. Однако исторические, социальные и культурные процессы послужили созданию в Никарагуа мультиэтнической и мультикультурной нации, способствуя формированию и укреплению национальной идентичности никарагуанцев.

Полученные результаты текстовой специфики гимна Никарагуа могут быть полезны для выявления национальной специфики гимновых дискурсов в различных полинациональных языках и лингвокультурах, а также для осуществления успешной межкультурной коммуникации в современном многополярном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пожаров И. А. Особенности межпарламентского сотрудничества Российской Федерации с государствами Латинской Америки // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 5. С. 121–130. DOI: 10.24158/per.2025.5.15.
2. Чеснокова О. С., Котеняткина И. Б. Гимн Республики Куба как отражение дискурса кубинской национальной идентичности // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Т. 19. № 1. С. 154–163.
3. Дейк Т. А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 259–336.
4. Nicaragua. Ministerio de Defensa. Ejército de Nicaragua Libro de la Defensa Nacional de Nicaragua / Ministerio de Defensa. Ejército de Nicaragua. 1ra. ed. Managua: Impresión Comercial La Prensa, 2005. 272 p.
5. Ibarra Mayorga S. Monografía del Himno Nacional de Nicaragua. Managua: La Alcaldía de Managua, 2019. 32 p. (Colección Cívica y Patriótica. No. 10).
6. Martínez Reyes M. F. La sirena, un mito pluricultural y sincrético: exploraciones en la narrativa oral en América Latina // El Pez y la Flecha. Revista de Investigaciones Literarias. 2023. Vol. 3. Núm. 7. P. 99–111. DOI: 10.25009/pyfril.v3i7.120.
7. Кофман А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. 320 с.
8. Christiansen A. “El ‘vos’ es el dialecto que inventamos nosotros, la forma correcta es el ‘tú’”. Creencias y actitudes lingüísticas acerca de las formas de tratamiento y la influencia de estas en la educación escolar en Nicaragua // Borealis: An International Journal of Hispanic Linguistics. 2014. Vol. 3. Num. 2. P. 259–297.
9. Alvarado L. La invención lírica de la nación: los himnos nacionales de Centroamérica // Cuadernos Americanos: Nueva Epoca. 2009. Vol. 3. Num. 129. P. 109–136.

REFERENCES

1. Pozharov, I. A. (2025) Features of Interparliamentary Cooperation Relations between the Russian Federation and Latin American States. In: *Society: Politics, Economics, Law*, 5, 121–130. DOI: 10.24158/pep.2025.5.15 (in Russ.).
2. Chesnokova, O. S. & Kotenyatkina, I. B. (2026). Anthem of Republic of Cuba as the Cuban National Identity Discourse. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 19 (1), 154–163.
3. Dijk, T. A. van (1978). Questions of text pragmatics. In: *New in foreign linguistics. Iss. 8: Text linguistics*. Moscow: Progress publ., pp. 259–336 (in Russ.).
4. Ministerio de Defensa. Ejército de Nicaragua (2005). *Nicaragua. Ministerio de Defensa. Ejército de Nicaragua Libro de la Defensa Nacional de Nicaragua*. Managua: Impresión Comercial La Prensa.
5. Ibarra Mayorga, S. (2019). *Monografía del Himno Nacional de Nicaragua*. Managua: La Alcaldía de Managua (Colección Cívica y Patriótica. No. 10).
6. Martínez Reyes, M. F. (2023). La sirena, un mito pluricultural y sincrético: exploraciones en la narrativa oral en América Latina. In: *El Pez y la Flecha. Revista de Investigaciones Literarias*, 3 (7), 99–111. DOI: 10.25009/pyfril.v3i7.120.
7. Kofman, A. F. (1997). *Latin American artistic image of the world*. Moscow: Nasledie publ. (in Russ.).
8. Christiansen, A. (2014). “El 'vos' es el dialecto que inventamos nosotros, la forma correcta es el 'tú’”. Creencias y actitudes lingüísticas acerca de las formas de tratamiento y la influencia de estas en la educación escolar en Nicaragua. In: *Borealis: An International Journal of Hispanic Linguistics*, 3º(2), 259–297.
9. Alvarado, L. (2009). La invención lírica de la nación: los himnos nacionales de Centroamérica. In: *Cuadernos Americanos: Nueva Epoca*, 3 (129), 109–136.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Котеняткина Ирина Борисовна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

<https://orcid.org/0000-0001-7205-7127>; e-mail: kotenyatkina-ib@rudn.ru

Чеснокова Ольга Станиславовна (г. Москва) – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы;

<https://orcid.org/0000-0001-7025-4098>; e-mail: chesnokova-os@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina B. Kotenyatkina (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University);

<https://orcid.org/0000-0001-7205-7127>; e-mail: kotenyatkina-ib@rudn.ru

Olga S. Chesnokova (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University);

<https://orcid.org/0000-0001-7025-4098>; e-mail: chesnokova-os@rudn.ru

Научная статья

УДК 81'2

DOI: 10.18384/2949-5075-2026-2-1-139-157

О СПЕЦИФИКЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ ВРЕМЁН В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

Мельник Е. С.* , Линь Чжао

Уханьский университет, город Ухань, провинция Хубэй, Китайская Народная Республика

* Корреспондирующий автор: e-mail: katemalom@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.12.2025

После доработки 02.03.2026

Принята к публикации 05.03.2026

Аннотация

Цель. На материале заголовков в испаноязычных СМИ выявить функциональный потенциал темпоральных форм испанского глагола. Собрав репрезентативную выборку газетных заголовков и проведя количественный анализ распределения глагольных времён в собранном корпусе, авторы решают две ключевые задачи – качественная интерпретация прагматической роли глагольных форм и их сопоставление на двух временных срезах – за 2021 и 2025 год (данные за эти периоды систематизируются впервые). Объектом исследования выступают временные глагольные формы, анализируемые на предмет их роли в заголовках современных испаноязычных газетных текстов.

Процедура и методы. Использование для статистического анализа языкового материала новейших инструментов, в частности платформы AntConc, обуславливает новизну исследования; кроме того, в рамках междисциплинарного подхода совмещается лингвистический анализ с теорией медиавосприятия, вскрывая механизм того, как временные формы усиливают эффект «эмоционального присутствия» читателя. Методология исследования основывается на сплошной выборке испаноязычных заголовков из онлайн-версий газет “20 minutos” и “El País” за 2021 и 2025 годы (200 и 150 единиц соответственно), подвергнутых поэтапному анализу в двух временных срезах для выявления прагматической роли словоформ и анализа динамики в сопоставительном ключе.

Результаты. После определения критериев отбора языкового материала был проведён качественный, количественный и сравнительно-сопоставительный анализ собранного корпуса заголовков, результаты которого позволили сделать однозначный вывод об абсолютном доминировании граммем *Presente de Indicativo* в значении «исторического настоящего» для выражения актуальности события в обоих временных срезах, а также о значительном приросте употребления граммем *Preterito Perfecto*, обусловленном такими процессами, как глобализация и цифровизация мирового медиапространства. Кроме того, был отмечен полный выход из употребления сложных прошедших времён, что свидетельствует о стремлении к редуцированию восприятия современных газетных заголовков.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные результаты вводят в поле научного обсуждения ранее неописанные функции темпоральных форм испанского глагола в условиях цифровой коммуникации не столько как средства хронологической привязки ситуации, сколь-

ко как прагматического маркера вовлечения аудитории. Это даёт основание для пересмотра традиционного представления о чисто грамматическом значении соответствующих показателей и рассмотрения времени как медиативного ресурса, обеспечивающего эффект «здесь и сейчас». В области практической значимости исследования можно выделить перспективу приложимости двухэтапной процедуры анализа (ручная выборка и AntConc-фильтрация) к материалу других романских языков как инструмента оперативного мониторинга сдвигов в грамматических системах естественных языков. Кроме того, выявленные предпочтения (рост частотности граммем *Presente* и *Perfecto*, исчезновение *Imperfecto*) могут оказаться полезными для журналистов и редакторов как доказательная база при создании «кликабельных» заголовков, ориентированных на мультязычную аудиторию. Наконец, перечень высокочастотных времён и иллюстративные примеры могут быть использованы как учебно-методические материалы к курсам перевода, медиаписьма и стилистики как научно подтверждённая актуальная норма современного испанского.

Ключевые слова: газетный текст, заголовок, язык СМИ, грамматика испанского языка, категория времени глагола, испанские временные формы, специфика употребления, глаголы испанского языка

Для цитирования:

Мельник Е. С., Линь Чжао. О специфике употребления глагольных времён в заголовках газетных текстов (на материале современного испанского языка) // Вопросы современной лингвистики. 2026. № 2. Т. 1. С. 139–157. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-139-157>

Original research article

ON THE SPECIFICS OF VERB TENSE USAGE IN NEWSPAPER HEADLINES (BASED ON CONTEMPORARY SPANISH LANGUAGE MATERIAL)

E. Melnik* , Ling Zhao

Wuhan University, Wuchangqu, Wuhan, Hubei, China;

* Corresponding author, e-mail: katemalom@yandex.ru

Received by the editorial office 08.12.2025

Revised by the author 02.03.2026

Accepted for publication 05.03.2026

Abstract

Aim. The article aims to investigate the functional potential of temporal forms of the Spanish verb using headlines in Spanish-language media. By collecting a representative sample of newspaper headlines and conducting a quantitative analysis of the distribution of verb tenses in the collected corpus, the authors address two key objectives: a qualitative interpretation of the pragmatic role of verb forms and their comparison across two time periods – 2021 and 2025 (data for these periods are being systematized for the first time). The object of study consists of temporal verb forms, analyzed for their role in headlines of contemporary Spanish-language newspaper texts.

Methodology. The use of cutting-edge tools for statistical analysis of linguistic material, particularly the AntConc platform, underpins the study's novelty. Furthermore, the interdisciplinary approach combines linguistic analysis with media perception theory, revealing the mechanism by which tenses enhance the reader's emotional presence. The research methodology is based on a continuous sample of Spanish-language headlines from the online versions of the newspapers “20 minutos” and “El

País” for 2021 and 2025 (200 and 150 units, respectively), subjected to a stepwise analysis across two time periods to identify the pragmatic role of word forms and analyze their dynamics comparatively.

Results. After defining the criteria for selecting the linguistic material, a qualitative, quantitative, and comparative analysis of the collected corpus of headlines was carried out, the results of which allowed us to draw an unambiguous conclusion about the absolute dominance of the grammeme *Presente de Indicativo* in the meaning of “historical present” for expressing the relevance of an event in both time slices, as well as a significant increase in the use of grammemes *Pretérito Perfecto*, caused by such processes as globalization and digitalization of the global media space. Furthermore, a complete decline in the use of complex past tenses was noted, indicating a desire to reduce the perception of modern newspaper headlines.

Research implications. The obtained results introduce previously undescribed functions of Spanish verb temporal forms in digital communication into the field of scientific discussion, not so much as means of chronologically anchoring a situation, but rather as a pragmatic marker of audience engagement. This provides grounds for reconsidering the traditional notion of the purely grammatical meaning of these indicators and considering time as a mediative resource that ensures a “here and now” effect. It is possible to highlight the prospect of applicability of the two-stage analysis procedure (manual selection and AntConc filtering) to the material of other Romance languages as a tool for operational monitoring of shifts in the grammatical systems of natural languages. The identified preferences (the increase in the frequency of the grammatical expressions *Presente* and *Perfecto*, the disappearance of *Imperfecto*) may prove useful for journalists and editors as an evidence base when creating “clickable” headlines aimed at a multilingual audience. Finally, the list of high-frequency tenses and illustrative examples can be used as teaching materials for courses in translation, media writing and stylistics as a scientifically confirmed current norm of modern Spanish.

Keywords: newspaper text, headline, media language, Spanish grammar, verb tense category, Spanish tense forms, usage specifics, Spanish verbs

For citation:

Melnik, E. S. & Ling, Zhao (2026). On the specifics of verb tense usage in newspaper headlines (based on contemporary Spanish language material). In: *Key Issues of Contemporary Linguistics*, 2 (1), pp. 139–157. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2026-2-1-139-157>

Введение

Роль грамматических средств в создании и функционировании современного газетного дискурса очевидна для любого естественного языка. С появлением медиалингвистики как самостоятельного раздела науки о языке, сконцентрированного на функционировании языка в средствах массовой информации, используемые в медиатексте граммы стали представляться как выполняющие не только сугубо формальную функцию, но и реализующие иные задачи, например, наложение определённого идеологического или интерпретационного ракурса, а также реализация конкретных коммуникативных задач. Однако не все естественные языки одинаково хорошо описаны в этом клю-

че. В рамках настоящего исследования рассматривается роль временных форм глагола в формировании определённой репрезентации событий в заголовках газетных текстов на испанском языке. Исследование проводилось в два этапа, полученные на начальной стадии результаты были верифицированы на втором этапе, когда была предпринята попытка проведения повторного сбора массива данных в виде выборки заголовков испанских СМИ и проведён дополнительный анализ, в частности для выявления динамики. Такая двухэтапная процедура позволила не только определить специфику употребления различных временных форм испанского глагола, а также осуществить качественный и функциональный

анализ, но и установить динамику их частотности в заголовках СМИ в двух временных срезах за 2021 и 2025 годы.

Обзор научной литературы по проблеме

Заголовок как объект исследования в области медиалингвистики не раз попадал в фокус научного интереса современных лингвистов. Так, он привлёк внимание Р. С. Батырхановой, исследование которой заложило базу для анализа заголовка как «многофункционального микротекста» [1]. Греческая исследовательница Э. Ифантиду на базе английского языка доказала, что темпоральные и модальные маркеры в заголовках способны конструировать «эмоциональную релевантность», а граммемы *present tense* усиливают эффект «здесь и сейчас» [2]. Определённую лепту в дискуссию о категории времени и вида глагола в испанском языке внесли А. В. Корнеева [3] и С. Гонсалес [4], в своих количественных исследованиях показав, что в XXI в. *Perfecto* вытесняет *Indefinido* не только в разговорной речи, но и в новостных текстах. По мнению исследователей Королевской Академии RAE, «перфект утратил маркер недавно произошедшего события и конкурирует с *Indefinido* как «простое прошлое» [5, p. 440].

В целом глагольная подсистема в испанском языке характеризуется такими грамматическими категориями, как наклонение, залог, лицо, число, время и вид. Как уже отмечалось выше, наличие глагольного вида в испанском языке дискуссионно, обсуждение см. [6, с. 149–152; 7]. Видовые значения в системе также передаются при помощи перифрастических конструкций или путём противопоставления глагольных форм в *Preterito Indefinido de Indicativo* и *Preterito Imperfecto de Indicativo*, что даёт исследователям повод предполагать, что видовое значение глагола в испанском языке является производным от семантики временных форм. В этой связи анализ

именно этой специфически глагольной словоизменительной категории – категории времени – представляется нам показательным и наиболее интересным в данной системе.

Класс глаголов, основным категориальным значением которых является выражение действия или процесса, обладает своими особенностями в различных языковых системах. В испанском языке глагол относится к изменяемой части речи и характеризуется наличием грамматических маркеров, отражающих отношение к действительности (наклонение), локализацию на временной оси относительно момента речи (время), внутреннее время ситуации, учитывающее особенности её протекания (аспект (вид)), субъектно-объектные отношения в рамках описываемой ситуации (залог) и отношение субъекта действия к говорящему (лицо).

Согласно классификации, предложенной О. К. Васильевой-Шведе и Г. В. Степановым [8, с. 336], неличные формы глаголов в испанском языке принято выделять как отличные от прототипических глаголов единицы языка. Эта классификация предполагает существование в данной языковой системе различных по своей грамматической природе единиц:

1) спрягаемые личные формы со сложной, но четкой морфемной структурой, которые могут иметь все шесть типичных для испанского глагола граммем;

2) неличные, неспрягаемые самостоятельно, глагольно-именные формы (*verboides, formas no personales del verbo*), в частности инфинитив (*Infinitivo*), герундий (*Gerundio*) и причастие (*Participio*) [Там же].

С такой классификацией соглашаются не все грамматисты, так, например, А. Бельо не относит неличные формы к глаголам вообще, поскольку они обладают иными – именными, адвербиальными и др. грамматическими свойствами [8, с. 337].

Набор форм конкретного глагола зависит от его семантики и наличия или

отсутствия у него определённых грамматических и семантических особенностей. В лингвистике до сих пор не сложилось единого мнения о принципах глагольной классификации, основаниях и порядке выделения подклассов глаголов. Многие языки в последнее время были довольно подробно описаны и проанализированы с точки зрения особенностей лексического значения и грамматических свойств глаголов, предлагались различные акциональные, аспектуальные, семантико-синтаксические и иные классификации глагольной лексики. Так, применительно к материалу испанского языка можно предложить следующую классификацию глагольных единиц, уточнённую и дополненную нами на базе типологии В. С. Виноградова (см. табл. 1).

Классификация глаголов по способу протекания действия предполагает выделение перфективных и имперфективных глаголов. Имперфективные глаголы обозначают ситуацию процессуального характера, которая изначально не требу-

ет доведения до условной законченности, достижения какой-либо финальной стадии, у таких действий в принципе не ожидается никакого логического результата, например: *brillar* 'сиять', *querer* 'хотеть', *saber* 'знать', *oír* 'слышать', *ver* 'видеть', *nadar* 'плавать' [10, с. 59]. Перфективные глаголы называют полное, законченное действие, например: *saltar* 'прыгнуть', *salir* 'выходить', *entrar* 'входить', *terminar* 'закончить', *morir* 'умереть' [10, с. 60].

С точки зрения морфосинтаксической реализации категории времени, которая выражает одновременность, предшествование или перспективу действия по отношению к моменту речи [11, с. 156], глагольную парадигму в испанском языке составляют простые и составные формы. Первые представлены синтетическими глагольными словоформами флексивного типа, когда все грамматические значения выражаются в структуре знаменательного глагола. Составные глагольные словоформы являют собой пример аналитических единиц в испанском языке и

Таблица 1 / Table 1

Лексико-грамматические классы испанских глаголов / Lexico-grammatical classes of Spanish verbs

Характер глагольного действия	Примеры
моментальное действие (точечное, однократное)	<i>saltar</i> 'прыгать', <i>llamar</i> 'вызывать', <i>firmar</i> 'подписать', <i>chocar</i> 'врезаться', <i>decidir</i> 'решить' и т. п.
действие многократного характера (мультипликативы)	<i>pestañear</i> 'моргать', <i>respirar</i> 'дышать', <i>picotear</i> 'клевать', <i>golpear</i> 'стучать', <i>hojear</i> 'перелистывать', <i>frecuentar</i> 'посещать' и т. п.
действие или состояние процессуального характера (имперфектное)	<i>saber</i> 'знать', <i>vivir</i> 'жить', <i>querer</i> 'хотеть, любить', <i>contemplar</i> 'созерцать', <i>conocer</i> 'быть знакомым', <i>respetar</i> 'уважать' и т. п.
действие предельного характера или самоисчерпывающееся состояние (перфектное)	<i>nacer</i> 'родиться', <i>morir</i> 'умереть', <i>acabar</i> 'закончить', <i>concluir</i> 'завершить' и т. п.
начинательное действие (инхоативное)	<i>amanecer</i> 'светать', <i>enrojecer</i> 'краснеть', <i>comenzar</i> 'начать', <i>empezar</i> 'начать', <i>alborear</i> 'бунтовать' и т. п.
терминативное действие (финитивное)	<i>cesar</i> 'прекращать', <i>terminar</i> 'заканчивать', <i>acabar</i> 'завершать', <i>dejar (de)</i> 'переставать' и т. п.
статальное действие (выражает состояние)	<i>dormir</i> 'спать', <i>alegrarse</i> 'радоваться', <i>descansar</i> 'отдыхать', <i>aburrirse</i> 'скучать' и т. п.

Источник: [9, с. 71]

состоят из двух глагольных по своей природе компонентов: вспомогательного глагола *haber*, в данном случае спрягаемого и принимающего на себя все необходимые в данной предикации граммеры, и причастия основного глагола, выступающего в таком окружении в неизменяемой форме, что позволяет отнести их комбинацию к аналитическим конструкциям.

Распределение испанских глагольных форм представлено в табл. 2

В науке предлагались и иные классификации глагольной лексики испанского языка, в том числе на основании особенностей выражения категории времени, так, в работе Х.Рока Понса [12] было предложено деление испанских глаголов на три подкласса в зависимости от временной отнесенности ситуации (см. рис. 1).

Очевидно, что система глагольных времён в испанском языке устроена не-

Таблица 2 / Table 2

Простые и составные времена в испанском языке / Simple and compound tenses in Spanish

Простые формы	Составные формы
Presente de Indicativo	Pretérito Perfecto de Indicativo
Presente de Subjuntivo	Pretérito Perfecto de Subjuntivo
Futuro Simple de Indicativo	Futuro Perfecto de Indicativo
Futuro Simple de Subjuntivo	Futuro Perfecto de Subjuntivo
Pretérito Indefinido de Indicativo	Pretérito Anterior de Indicativo
Pretérito Imperfecto de Indicativo	Pretérito Pluscuamperfecto de Indicativo
Pretérito Imperfecto de Subjuntivo	Pretérito Pluscuamperfecto de Subjuntivo
Condicional Simple	Condicional Compuesto

Источник: [8, с. 156]

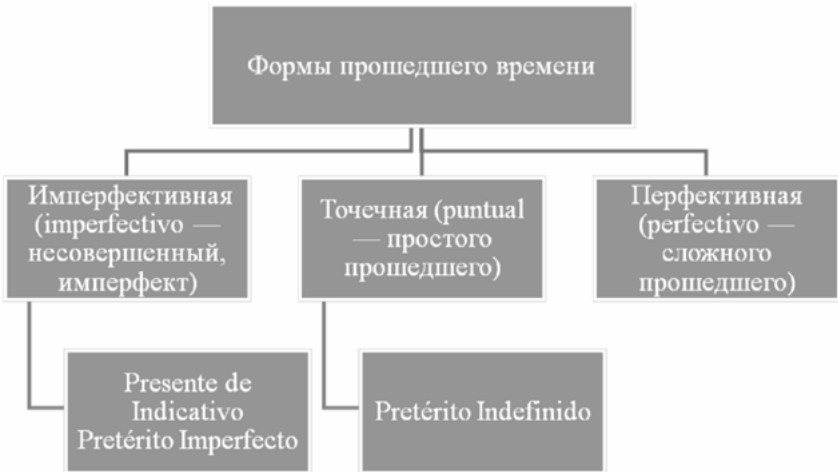

Рис. 1 / Fig. 1. Формы прошедшего времени в испанском языке по Х. Рока Понсу / Past Tense forms in Spanish by H. Roca Pons

Источник: [12, с. 388]

тривиально и может по-разному классифицироваться в зависимости от того, какие задачи ставит перед собой исследователь. В рамках данной работы мы анализировали употребление глагольных словоформ, как выполняющих в газетном заголовке не только информативную функцию, но и иные, типичные для текстов именно этой жанрово-стилистической принадлежности функции. Мы предположили, что из имеющегося в испанском языке набора времён, прототипически используемых для обозначения плана настоящего (настоящие и будущие времена) и времена плана прошедшего (см. табл. 3), не все будут в одинаковой мере представлены в заголовках газетных статей, кроме того, стояла задача выяснить, в каком соотношении будут распределены глагольные формы, встречающиеся в медиатексте на регулярной основе.

Анализ специфики употребления глагольных времён в заголовках газетных текстов

Первый этап исследования

Выбор газетных заголовков в качестве объекта исследования был обусловлен их ключевой ролью в реализации базовых функций медиатекста, включая номинативную, информативную, рекламную, экспрессивную, графически-выделительную, декоративную и функцию убеждения [13]. Особое внимание уделяется функциям

убеждения и экспрессивной, поскольку именно они обеспечивают воздействие на аудиторию посредством специфической подачи информации реципиенту через заголовки газетного текста.

Для достижения данной цели используются разнообразные языковые средства и приёмы. При генерации заголовков применяются: включение стилистически сниженной лексики и фразеологизмов с эмоционально-экспрессивной окраской, адаптация терминологической лексики для упрощения восприятия, лаконичность и экономия языковых средств, а также упрощение синтаксических структур до уровня простых предложений и др. [14, р. 14]. Среди перечисленных приёмов в рамках данного исследования мы ограничились анализом грамматических средств, в частности преимущественно простых предложений и использованных в них темпоральных форм испанского глагола.

Эмпирическую основу исследования составил корпус, составленный автором методом сплошной выборки из электронных материалов интернет-версий двух испаноязычных газетных изданий “20 minutos”¹ и “El país”² за 2021 и 2025 год. Анализу подвергались только простые и

¹ 20 minutos [Электронный ресурс]. URL: <https://www.20minutos.es/> (дата обращения: 13.07.2025). Далее – 20 minutos.

² El país [Электронный ресурс]. URL: <https://elpais.com/> (дата обращения: 28.08.2025). Далее – El país.

Таблица 3 / Table 3

Времена плана настоящего и прошедшего в испанском языке / Tenses of the plan of the present and past in Spanish

План настоящего	План прошедшего
Presente de Indicativo	Pretérito Indefinido de Indicativo
Presente de Subjuntivo	Pretérito Imperfecto de Indicativo
Pretérito Perfecto de Indicativo	Pretérito Imperfecto de Subjuntivo
Pretérito Perfecto de Subjuntivo	Pretérito Anterior de Indicativo
Futuro Simple de Indicativo	Pretérito Pluscuamperfecto de Indicativo
Futuro Simple de Subjuntivo	Pretérito Pluscuamperfecto de Subjuntivo
Futuro Perfecto de Indicativo	Condicional Simple
Futuro Perfecto de Subjuntivo	Condicional Compuesto

сложносочинённые предложения, в качестве особенности методологии выступило исключение конструкций с прямой речью и ограниченная выборка придаточных, где временные формы детерминируются специфическим синтаксисом. На первом этапе исследования материал собирался в режиме реального времени вручную с ежедневным сохранением и последующим кодированием в Excel с фиксацией даты, глагольной формы, ссылки на источник и указанием контекстуального значения. С целью обеспечения максимальной репрезентативности языкового материала исследования выборка осуществлялась из всех имеющихся в данных новостных агрегаторах рубрик с учётом охвата различных тематических областей, что позволило избежать ограниченности эмпирических данных анализа узкими предметными областями.

В собранный авторами корпус испаноязычного материала в итоге вошли 200 синтаксических единиц, реализованных в медиатексте преимущественно как простые и сложные предложения с сочинительной связью между частями. К анализу привлекались лишь некоторые виды сложноподчинённых предложений, в частности, с придаточными определительными и некоторыми другими, т. к. в испанском языке во многих типах полипредикатных структур с подчинительными отношениями употребление времён обусловлено взаимодействием грамматических категорий, а не собственно семантикой предложения.

В результате проведённого количественного и качественного анализа собранного эмпирического материала были выявлены наиболее частотные в медиатекстах этого типа значения временных форм испанского глагола, семантику и употребление которых мы далее опишем и проиллюстрируем прототипическими (на наш взгляд) примерами.

Presente de Indicativo

В анализируемой выборке временная форма *Presente de Indicativo* зафиксиро-

вана в 106 случаях, что соответствует 53% от общего объёма материала. В заголовках испанских публицистических текстов данная глагольная форма выполняет различные функции. Основное значение связано с описанием действия, актуального в момент речи:

(1) *Malala pide que los países abran sus fronteras a los refugiados afganos.*¹ 'Малала призывает страны открыть свои границы для афганских беженцев'².

В заголовках нередко используется форма *Presente de Indicativo* в функции **исторического настоящего** времени, которое служит для обозначения действий, относящихся к прошлому, но представленных как актуальные в момент восприятия:

(2) *El IBEX 35 logra por primera vez superar el umbral de paridad en los consejos de administración con un 41,22% de mujeres.*³ 'Впервые IBEX 35 удалось превысить порог паритета в совете директоров, где доля женщин составляет 41,22%.'

В газетных заголовках на испанском языке форма *Presente de Indicativo* нередко употребляется для передачи общефактического значения, при котором описываемая ситуация интерпретируется как объективный, общепризнанный или неоспоримый факт, не требующий дополнительного обоснования.

(3) *Los trabajos que nadie quiere en Euskadi: estas son las ofertas de empleo con las que conseguir un trabajo rápidamente.*⁴ 'Вакансии, которые никому не нужны в Стране Басков: вот предложения, с помощью которых можно быстро найти работу.'

¹ Yousafzai M. Malala pide que los países abran sus fronteras a los refugiados afganos // El país. URL: <https://clck.ru/3UCWBD> (дата обращения: 17.07.2025).

² Здесь и далее перевод авторов статьи – Е. М., Л. Ч.

³ Larrañeta A. El IBEX 35 logra por primera vez superar el umbral de paridad en los consejos de administración con un 41,22% de mujeres // 20 minutos. URL: <https://clck.ru/3UCXBp> (дата обращения: 06.08.2025).

⁴ Rodríguez L. Los trabajos que nadie quiere en Euskadi: estas son las ofertas de empleo con las que conseguir un trabajo rápidamente // 20 minutos. URL: <https://clck.ru/3UCebg> (дата обращения: 08.08.2025).

Общей чертой заголовков, содержащих форму *Presente de Indicativo*, является временная отнесенность обозначаемой ситуации к моменту восприятия, что способствует реализации цели задать высокую степень реципиенто-ориентированности заголовка [15, с. 144]. Данный приём помещает читателя медиатекста в эпицентр описываемых событий, тем самым привлекая его внимание и подогревая интерес к соответствующей информации.

Pretérito Indefinido de Indicativo

В собранном корпусе насчитывается 39 языковых примеров, содержащих граммему *Pretérito Indefinido de Indicativo*, что составляет 19,5% от всей выборки.

Особенностью темпоральной формы *Pretérito Indefinido de Indicativo*, прежде всего, является описание **действия, завершённого в прошлом, однако не связанного с настоящим или с моментом речи**:

(4) *Los de Luis Enrique tuvieron varias oportunidades para ganar el partido, pero Alisson salvó a los 'reds'*.¹ 'У команды Луиса Энрике было несколько шансов выиграть матч, но Алиссон спас «красных»'.

Формы претерита используются также в испанском языке для обозначения **инхотативной** стадии ситуации в прошлом [16, с. 152]:

(5) *El central del FC Barcelona abrió su propio canal en la plataforma de moda en la que se estrenó de la mano de Ibai*.² 'Центральный защитник футбольного клуба «Барселона» открыл свой собственный канал на модной площадке, премьера которого состоялась при поддержке Ибая'.

Заголовки с формой *Pretérito Indefinido de Indicativo* выполняют функцию информирования о ситуациях с акцентом

на их временной локализации в рамках прошедшего временного плана.

Futuro Simple de Indicativo

В анализируемой выборке временная форма *Futuro Simple de Indicativo* зафиксирована в 22 случаях, что соответствует 11% от общего объёма исследуемого материала. Данная форма выражает семантику **будущего действия**:

(6) *La borrasca Jana continuará descargando lluvia sobre España: estas son las zonas en alerta*.³ 'Шторм «Jana» продолжит лить дожди на Испанию: вот районы, в которых объявлена тревога'.

Проведённый анализ показал, что заголовки с глаголами, содержащими формы *Futuro Simple de Indicativo* в испаноязычных медийных текстах, реализуют преимущественно информативную функцию, сообщая читателю сведения о ситуациях, которые с высокой долей вероятности будут иметь место в будущем.

Pretérito Perfecto de Indicativo

В полученной выборке граммема времени *Pretérito Perfecto de Indicativo* насчитывает 15 включений, что составляет 7,5% от анализируемых глагольных слововоформ из нашего корпуса. В заголовках медийных текстов на испанском языке форма *Pretérito Perfecto de Indicativo* указывает на **завершение действия в некий момент прошлом, которое, однако, продолжает оставаться релевантным в настоящем**, подчёркивается актуальность результата называемой ситуации на момент речи:

(7) *La misteriosa nave de la Fuerza Espacial de EEUU vuelve a la Tierra: el Gobierno no revela qué ha hecho durante sus 434 días en órbita*.⁴ 'Загадочный космический аппарат Космических сил США возвращается на Землю: правительство не раскры-

¹ Los de Luis Enrique tuvieron varias oportunidades para ganar el partido // 20 minutos. URL: <https://clck.ru/3UCee4> (дата обращения: 08.08.2025).

² El central del FC Barcelona abrió su propio canal en la plataforma de moda en la que se estrenó de la mano de Ibai // 20 minutos. URL: <https://clck.ru/3UCet6> (дата обращения: 06.08.2025).

³ La borrasca Jana continuará descargando lluvia sobre España: estas son las zonas en alerta // 20 minutos. URL: <https://clck.ru/3UCewd> / (дата обращения: 12.08.2025).

⁴ La misteriosa nave de la Fuerza Espacial de EEUU vuelve a la Tierra: el Gobierno no revela qué ha hecho durante sus 434 días en órbita // 20 minutos. URL: <https://clck.ru/3UCf62> (дата обращения: 06.08.2025).

вает, что он сделал за 434 дня пребывания на орбите’.

В заголовках, которые содержат форму *Pretérito Perfecto de Indicativo*, с одной стороны, передаётся информация о ситуации, уже завершённой в прошлом, с другой стороны, в отличие от простых претеритных форм, акцентируется релевантность ситуации в момент восприятия, что способствует привлечению внимания реципиента за счёт выделения аспектов, сохраняющих актуальность в настоящем.

Pretérito Imperfecto de Indicativo

В собранном корпусе заголовков граммема *Pretérito Imperfecto de Indicativo* насчитывает 12 употреблений, это примерно 6% от общего количества анализируемых примеров глаголов.

Прежде всего, *Pretérito Imperfecto de Indicativo* реализует такие значения, как **длительный процесс или состояние в прошлом**:

(8) *El colaborador ha expresado en 'Ni que fuéramos' que el enfado que arrastraba hacia Terelu ha perdido fuerza.*¹ В “Ni que fuéramos” соавтор выразил мнение, что гнев, который он испытывал к Терелу, утратил свою силу’.

Также *Pretérito Imperfecto de Indicativo* используется для передачи таксисных значений, в частности подчёркивает **одновременность называемой ситуации какому-то действию в прошлом** [17, с. 172]. Это может быть относительно длительное по времени протекания действие, процесс или состояние, параллельно с которым реализуется называемая ситуация:

(9) *Muere una mujer tras caer de un quinto mientras limpiaba los cristales en Fuenlabrada.*² ‘Женщина умерла после падения с

пятого этажа во время мытья окон в Фуэнлабраде’.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что в заголовках испаноязычных СМИ граммема *Pretérito Imperfecto de Indicativo* используется для достижения интерактивности при восприятии текста, создания эффекта эмпатии или большего погружения читателя в описываемую ситуацию. Вовлечение целевой аудитории достигается за счёт эмфатического выделения отдельных обстоятельств, присущих называемой ситуации, тем самым реализуя свойство реципиенто-ориентированности заголовка.

Pretérito Pluscuamperfecto de Indicativo

В полученной выборке глагольное время *Pretérito Pluscuamperfecto de Indicativo* представлено 6 включениями, что составляет 3% от всей выборки.

В газетных заголовках из собранного корпуса медиатекстов граммема *Pretérito Pluscuamperfecto de Indicativo* типично выражение таксисного значения, соответствующие глагольные словоформы описывают уже реализованную в прошлом ситуацию, которая предшествует какому-то другому действию или состоянию:

(10) *Por qué la familia real griega no había tenido apellido hasta ahora.*³ ‘Почему у греческой королевской семьи до сих пор не было фамилии’.

Для формы *Pretérito Pluscuamperfecto de Indicativo*, встречающейся в заголовках газетных статей, наиболее частотной оказалась реализация её базового значения – предпрошедшего действия, которое акцентирует внимание читателя на давности описываемого события, подчёркивая его удалённость относительно другой ситуации в прошлом.

Опираясь на методику анализа контекстного употребления временных форм испанского глагола в составе газетного заголовка на материале собран-

¹ Chaneta R. Kiko Matamoros aparca su guerra con Terelu Campos: "Me ha dado mucho más de lo que me ha quitado" // 20 minutos. URL: <https://clck.ru/3UCfEm> (дата обращения: 06.08.2025).

² Muere una mujer tras caer de un quinto mientras limpiaba los cristales en Fuenlabrada // 20 minutos. URL: <https://clck.ru/3UCfqV> (дата обращения: 15.09.2025).

³ Rondán Á. Por qué la familia real griega no había tenido apellido hasta ahora / 20 minutos. URL: <https://clck.ru/3UCg7d> (дата обращения: 11.08.2025).

ного нами корпуса языковых примеров мы выявили, что в заголовках испаноязычных медийных текстов проявляется тенденция преимущественного использования следующих граммем категории времени (в порядке уменьшения частотности): *Presente de Indicativo*, *Pretérito Indefinido de Indicativo*, *Futuro Simple de Indicativo*, *Pretérito Perfecto de Indicativo*, *Pretérito Imperfecto de Indicativo*, *Pretérito Pluscuamperfecto de Indicativo*.

Проведённый качественный и количественный анализ 200 отобранных глагольных словоформ, показал, что в данной выборке времена испанского глагола распределяются следующим образом:

- 1) *Presente de Indicativo* – 106 употреблений,
- 2) *Pretérito Indefinido de Indicativo* – 39 употреблений,
- 3) *Futuro Simple de Indicativo* – 22 употребления,
- 4) *Pretérito Perfecto de Indicativo* – 15 употреблений,
- 5) *Pretérito Imperfecto de Indicativo* – 12 употреблений,

6) *Pretérito Pluscuamperfecto de Indicativo* – 6 употреблений.

Количественное соотношение граммем категории времени в глагольных словоформах в нашей выборке представлено на рис. 2.

Качественный анализ эмпирического материала позволил нам сделать вывод о том, что глагольные словоформы в газетных заголовках, содержащие ту или иную граммему времени, выполняют не только традиционную для них информативную функцию, заключающуюся в сообщении о ситуации в настоящем, прошлом или будущем, но также реализуют задачу интерактивного вовлечения целевой аудитории в соответствующую проблематику, обладают экспрессивной функцией, формируя у реципиента определённое отношение к называемой ситуации, а также призваны произвести тот или иной эффект на читателя, что достигается, в частности, за счёт погружения в детализированное описание ситуации, целенаправленно представляемой как актуализированная во временном срезе.

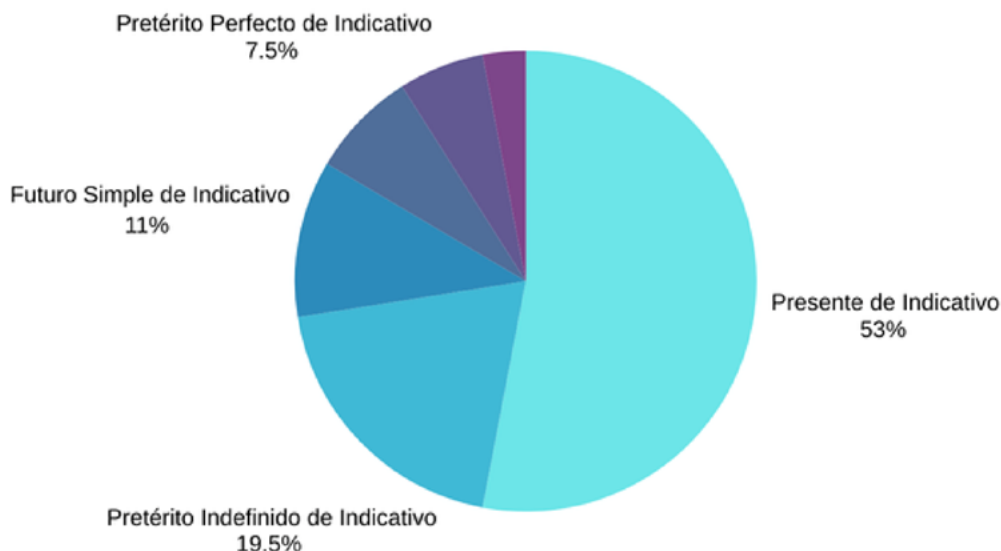

Рис. 2 / Fig. 2. Соотношение временных глагольных словоформ в выборке / The ratio of tense verb forms in the sample

Источник: данные авторов

Второй этап исследования

Практической базой исследования 2025 года послужил корпус из 150 заголовков, отобранных из электронной версии газеты “El país” по тем же критериям, что и в 2021 году. На втором этапе (2025) данные собирались по аналогичной методике, однако для проведения квантитативного анализа был задействован мультиплатформенный программный комплекс AntConc 4.2.0, представляющий собой специализированное решение для лингвистического анализа корпусов текстовых данных, обеспечивающее более эффективное достижение целей эмпирического исследования естественного языка. Данный инструмент, разработанный под руководством профессора Лоуренса Энтони (Университет Васэда, Япония), представляет собой интегрированную аналитическую платформу, позволяющую проводить многомерный лингвистический анализ текстовых массивов в цифровой среде с использованием информационно-компьютерных технологий. Выбор указанного инструментария был обусловлен его потенциалом в стимулировании высокоэффективной исследовательской деятельности и возможности достижения поставленных научно-исследовательских задач автоматизированными методами.

Поиск газетных заголовков испаноязычных СМИ производился по уникальному шаблону, включающему перечень возможных окончаний испанских глаголов, с последующим применением стоп-листа из артиклей и ручной фильтрацией ложных срабатываний; каждая словоформа верифицировалась в дистрибутивном окружении ± 3 слова. Количественная обработка включала подсчёт абсолютной и относительной частотности, качественная – контекстуальную интерпретацию функций времён с присвоением им семантико-прагматических меток (текущее, историческое, общефактическое, результативное и др.). Последующее сопоставление показателей

двух временных срезов 2021 и 2025 года осуществлялось через расчёт процентных различий (delta-метод), что позволило нам выявить тенденции «ускоренной грамматики» заголовка в цифровой медиасреде, для которой характерны мгновенная актуализация и отнесённость к настоящему моменту.

Усовершенствованная методология второго этапа исследования

Первым подэтапом второго этапа исследования стал сбор языковых данных, который проводился на материале электронной версии газеты “El país”. Как и ранее, отбирались, прежде всего, простые и сложносочинённые предложения с прежним ограничением для многих видов придаточных предложений, употребление времён в которых определяется формальными грамматическими правилами, а не семантикой; исключались заголовки, которые содержат прямую речь; заголовки должны были охватывать различные рубрики газет, чтобы избежать ограничения узким набором тематик; временной диапазон источников материала охватил выпуски газеты за период с января по май 2025 года. Отобранные заголовки были собраны в единый документ в формате txt с целью проведения дальнейшего анализа с использованием программы AntConc.

На втором подэтапе исследования проводился непосредственно анализ собранных данных. Для каждого глагольного времени в испанском языке был создан уникальный шаблон поиска, например для **Presente de Indicativo** мы составили следующую поисковую команду по окончаниям: **a *o *e *en*, с помощью которой удавалось найти, например, такие глаголы, как: *habla, come, viven* и т. д. Кроме того, для обеспечения более точных и чистых результатов мы использовали ручную фильтрацию ложных срабатываний (например, *sustantivo* → “*libro*”); фильтрацию через стоп-слово для артиклей (*el, la, los, las*) и анализ окружения, который давал возможность выяснить, является

ли слово действительно глаголом, с какой именной группой находится в предикативных отношениях (что является подлежащим при нём), а также проверить наличие граммем категории времени.

На следующем подэтапе проводилась классификация полученных результатов, а также проведён сравнительный анализ данных за 2021 и 2025 годы, выявлены сходства и отличия двух временных срезов, далее на основе полученных данных формулировались выводы. Результаты исследования для большей наглядности мы представили в виде таблиц и диаграмм.

На втором этапе граммемы категории времени в нашей выборке распределены следующим образом.

Presente de Indicativo

В анализируемой выборке за 2025 временная форма *Presente de Indicativo* встречается в количестве 92 раз, что составляет 61,3% от общего объёма материала. Интересно, что некоторые описываемые события вовсе не относятся к настоящему, а наоборот, имели место в прошлом. Такой приём носит рецепиенто-ориентированный характер и целенаправленно используется журналистами для того, чтобы добиться актуализации соответствующего события:

(11) *Alcaraz alcanza la final de Roma en un Partido con hasta 86 errores no forzados.* 'Алькарас выходит в финал Рима в матче с 86 невынужденными ошибками'.

Ещё одним значением, передаваемым с помощью формы *Presente de Indicativo*, выступает описание общеизвестных истин:

(12) *La educación salva vidas y reconstruye el futuro.* 'Образование спасает жизни и восстанавливает будущее'.

Как показал наш анализ, на фоне наличия подобных, нетипичных с точки зрения учебно-методической литературы, употреблений глагольных форм *Presente de Indicativo* базовое значение текущей ситуации, актуальной на момент речи, остаётся самым частотным:

(13) *Los lectores escriben sobre la brecha salarial en puestos directivos en España, la sanidad pública y el director de cine Julio Medem contesta a la crítica de Javier Ocaña de '8', su última película.* 'Читатели пишут о разрыве в оплате труда на руководящих должностях в Испании, о здравоохранении, а режиссёр Хулио Медем отвечает на рецензию Хавьера Оканьи на его последний фильм «Восемь»'.

Pretérito Perfecto de Indicativo

В полученном корпусе за 2025 год данная граммема была замечена в 18 случаях, что составило 12% от всего отобранного множества. *Pretérito Perfecto de Indicativo* в основном использовалось для передачи прототипического для него грамматического значения: обозначение уже реализованной ситуации, время завершения которой не уточняется, оно может быть и достаточно удалённым от момента речи, однако, с точки зрения говорящего, сохраняет связь с настоящим временем: к ситуации ещё проявляют интерес, её результаты или последствия ещё ощутимы и т. д.:

(14) *Trump ha recaudado ya 4.800 millones con los aranceles a China y 2.000 millones con los de México.* 'Трамп уже собрал 4,8 миллиарда долларов с пошлин на Китай и 2 миллиарда с пошлин на Мексику'.

Pretérito Indefinido de Indicativo

Собранный корпус насчитывает 15 языковых примеров употребления граммемы времени *Pretérito Indefinido de Indicativo*, что составило 10% от общей выборки. Данная темпоральная форма характеризуется прежде всего как выражающая законченное действие в прошлом вне связи с настоящим: Кроме того, в ходе анализа эмпирического материала, помимо случаев прототипического значения форм *Pretérito Indefinido de Indicativo*, мы выявили её употребление для констатации фактов **исторических событий**:

(15) *Así floreció en Toledo la ciencia más antigua del mundo, hace 1.000 años.* 'Так 1000 лет назад в Толедо расцвела старейшая наука в мире'.

Для сравнения основного значения завершённого действия в прошлом, не связанного с моментом речи, представлен следующий пример:

(16) *El gran maestro chino castigó de forma espléndida las imprecisiones del portento argentino Faustino Oro en una lucha vibrante.* 'В захватывающем поединке китайский гроссмейстер проучил аргентинского вундеркинда Фаустино Оро за его промахи.'

Futuro Simple de Indicativo

В анализируемом корпусе было выявлено 12 случаев употребления временной формы Futuro Simple, что составило 8% от общего количества отобранных единиц. Базовым, количественно доминирующим значением в выборке оказалось обозначение действия в будущем, когда реализуется информативная функция сообщения о ситуации, которая с высокой долей вероятности будет иметь место после момента речи:

(17) *El nuevo orden aumentará la volatilidad en la renta fija y en la renta variable.* 'Новый порядок приведёт к росту нестабильности как по фиксированному доходу, так и по акциям.'

Помимо вышеуказанных временных форм, в выборке 2025 года также были отмечены случаи употребления Gerundio (5 примеров) и Infinitivo (8 примеров), что составило 3,3% и 5,3% соответственно. Все употребления Gerundio в собранном корпусе представляли собой перифрастические конструкции, такие как *estar + gerundio* или *seguir + gerundio* с континуативным значением (продолжение действия) [18, с. 79], например:

(18) *La Unión Europea no puede seguir inactiva, tolerando privilegios e injusticias en un asunto como los paraísos fiscales que benefician a las multinacionales estadounidenses.* 'Европейский союз не может продолжать бездействовать, терпимо относясь к привилегиям и несправедливостям в таких вопросах, как налоговые гавани, которые выгодны американским транснациональным корпорациям.'

Форма Infinitivo в нашей выборке чаще всего встречается у глагольных форм в позиции подлежащего, например:

(19) *Repartir riqueza es avanzar, no repartir poder es retroceder.* 'Распределять богатство – значит двигаться вперёд, не распределять власть – значит отступать.'

Кроме того, Infinitivo может выступать и как часть предикативной структуры (составного глагольного сказуемого), например:

(20) *Es necesario proteger y defender cada escuela para garantizar que se cumpla la promesa de la educación como derecho fundamental, incluso en medio del conflicto.* 'Необходимо защищать и оберегать каждую школу, чтобы гарантировать, что обещание образования как базового права будет реализовано даже в условиях конфликта.'

Таким образом, на основании проведённого анализа, с точки зрения частотности, темпоральные формы в испаноязычных заголовках газет 2025 года распределились следующим образом (в порядке убывания):

- 1) Presente de Indicativo (92 употребления);
- 2) Pretérito Perfecto (18 употреблений);
- 3) Pretérito Indefinido de Indicativo (15 употреблений);
- 4) Futuro Simple de Indicativo (12 употреблений);
- 5) Infinitivo и Gerundio (8 и 5 употреблений соответственно).

Визуальная репрезентация количественных данных о частотности временных глагольных форм в нашей выборке представлена на рис. 3.

Исходя из полученных в ходе анализа языковых данных количественных и качественных результатов мы пришли к следующим выводам и обобщениям об использовании временных форм испанского глагола в заголовках газетных текстов за 2025 год. Первое, что можно отметить, это абсолютное доминирование временной формы Presente de Indicativo, которое, помимо своего основного значения для

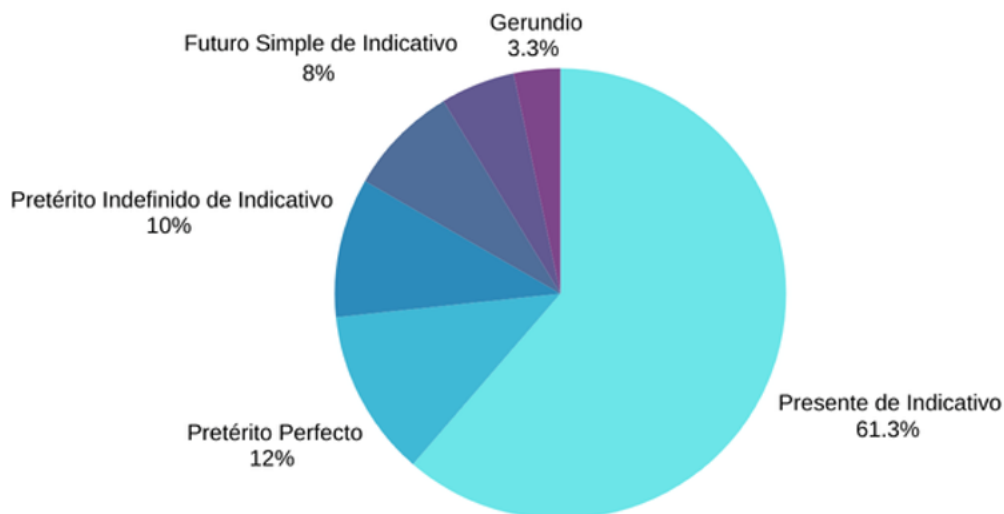

Рис. 3 / Fig. 3. Соотношение граммем категории времени в заголовках испаноязычных газет за 2025 год / The ratio of tense grammatical units in Spanish-language newspaper headlines for 2025

Источник: данные авторов

описания актуальных в момент речи ситуаций, активно используется в функции «исторического настоящего» для актуализации событий в прошлом, а также для передачи общеизвестных истин и констатации фактов. Во-вторых, была выявлена релевантность неличных форм *Infinitivo*, часто выступающих в субъектной позиции или входящих в составное глагольное сказуемое, реализуя в заголовке функцию обобщённого утверждения или призыва. *Gerundio* в свою очередь встречается почти исключительно в перифрастических конструкциях для передачи аспектуальных значений длительности ситуации и продолжающегося действия.

Выводы

Проведённый сравнительно-сопоставительный анализ двух исследований позволяет выявить как существенные сдвиги в употреблении временных форм между 2021 и 2025 годами, так и устойчивые, стабильные тенденции. Количественные данные сравнительного анализа представлены в табл. 4.

Полученные результаты подвели нас к определённым выводам об изменениях

в практике употребления темпоральных форм испанского глагола в заголовках медийных текстов, которые имели место за выбранный нами период – 2021 и 2025 годы. Прежде всего, бросается в глаза значительный скачок доли граммы *Presente de Indicativo*, прирост использования которой составил 8,3%. Такое усиление доминирования значения настоящего времени над остальными может быть обусловлено стремлением к максимальной актуализации и немедленному вовлечению читателя в описываемые события, свойственному эпохе информационных перегрузок. Настоящее время создаёт для реципиента ощутимый эффект «здесь и сейчас», что критически важно для привлечения внимания в цифровых медиа. Кроме того, важно отметить рост популярности форм *Pretérito Perfecto* с общей прибавкой в употреблении, составившей 4,5% на фоне резкого спада частотности *Pretérito Indefinido* с количественным уменьшением в объёме 9,5%. Журналисты предпочитают формы *Pretérito Perfecto* (связь прошлого с настоящим) классическому *Indefinido* (завершённое действие в прошлом), что,

Таблица 4/ Table 4

Динамика частотности употреблений отдельных граммем категории времени испанского глагола / Dynamics of the frequency of use of individual grammatical units of the Spanish verb tense category

Временная форма	2021 год (n=200)	2025 год (n=150)	Изменение (%)
Presente de Indicativo	106 (53.0%)	92 (61.3%)	+8.3%
Pretérito Perfecto	15 (7.5%)	18 (12.0%)	+4.5%
Pretérito Indefinido	39 (19.5%)	15 (10.0%)	-9.5%
Futuro Simple	22 (6.0%)	12 (8.0%)	-3.0%
Pretérito Imperfecto	12 (6.0%)	0 (0.0%)	-6.0%
Pretérito Pluscuamperfecto	6 (3.0%)	0 (0.0%)	-3.0%
Infinitivo	Не учитывался	8 (5.3%)	-
Gerundio	Не учитывался	5 (3.3%)	-

на наш взгляд, связано с глобализацией и цифровизацией медиапространства. Pretérito Perfecto лучше передаёт идею того, что ситуация, имевшая место в недавнем прошлом, продолжает оставаться актуальной, её последствия ощущаются в момент речи. Это соответствует мироощущению современного человека, живущего в постоянной динамике и непрерывном потоке информации.

Другим заметным аспектом сдвига в употреблении глагольных форм и изменений в трактовке описываемой ситуации выступает полное исчезновение сложных прошедших времён, в частности Pretérito Pluscuamperfecto. Такое явление можно объяснить тем, что в XXI веке медийные заголовки стали ещё более лаконичными, они должны быть доступными для считывания и понимания практически мгновенно, тогда как сложные темпоральные формы, описывающие длительность (Imperfecto) или предшествование (Pluscuamperfecto), требуют больше усилий со стороны реципиента, не отвечают требованию моментальности, что приводит к принципиальному отказу от этих грамматических форм в языке. Подобные тенденции фиксируются и на материале других естественных языков.

Однако в ходе проведённого исследования были обнаружены и устойчивые тенденции, в том числе – неизменность прагматических функций темпоральных

форм. Граммема Presente используется для обозначения «исторического настоящего» и описания общеизвестных фактов; Futuro Simple сохраняет свою базовую функцию простого сообщения о предстоящих событиях; Pretérito Perfecto продолжает использоваться в контекстах, когда говорящий хочет подчеркнуть значимость или актуальность прошлого события для временного плана настоящего. Также важно отметить, что в обоих временных срезах заголовков играет особую роль: выбор той или иной граммемы категории времени – это не просто следование имеющимся грамматическим правилам, а мощный инструмент воздействия на реципиента, создания эффекта присутствия, вовлечения и управления вниманием читателя газеты.

Заключение

В ходе проведённого нами первичного анализа собранного корпуса заголовков испаноязычных средств массовой информации было установлено, что наибольшей частотностью характеризуются глагольные словоформы, имеющие граммему времени Presente de Indicativo. Преобладание данной формы над другими членами глагольной парадигмы в испанском языке объясняется её способностью описывать событие, вокруг которого строится газетная статья, с максимальным эффектом присутствия в ней для адресата. Это под-

тверждает распространённый на современном этапе тезис о высокой степени антропоцентричности, а если быть совсем точными, реципиенто-ориентированности современного подхода к организации информационного пространства в целом, что подтверждают новейшие исследования в медиалингвистике.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что использование тех или иных времён в глагольных словоформах в газетном заголовке на испанском языке в частности и, как представляется, в медиатексте вообще является общезыковой тенденцией, когда даже грамемы в составе целого комплекса языковых средств используются в публицистическом дискурсе для взаимодействия с целевой аудиторией и для непосредственного воздействия на неё.

Проведённый в дальнейшем вторичный анализ, охвативший новый корпус испаноязычных заголовков, собранных по тем же критериям с использованием той же методологии, что и на первом этапе, за исключением впервые задействованной программы AntConc 4.2.0, за выбранный период с января по май 2025 года вновь подтвердил абсолютное доминирование *Presente de Indicativo* над остальными временными формами. Немаловажным открытием для нас стала актуальность неличных форм *Infinitivo* как маркера обобщённого утверждения или призыва к действию, а также исполь-

зование форм *Gerundio* с целью передачи продолжающего действия или процесса.

Выполненный сравнительный анализ выявил эволюцию в рамках устойчивой тенденции в данной языковой системе. Базовые функции временных форм остаются неизменными, но их соотношение довольно резко сместилось в сторону большей актуализации и мгновенной релевантности.

Таким образом, в качестве основной тенденции в указанный период можно отметить усиление функции реципиенто-ориентированности газетных заголовков 2025 года по сравнению с 2021, растущее воздействие на читателя в режиме реального времени (в момент погружения реципиента в текст СМИ). Количественно это выражается в росте доли *Presente* и *Perfecto* (увязывающих описываемую ситуацию с моментом «сейчас») и отказе от сложных, более «нарративных» по своей природе прошедших времён (*Imperfecto*, *Pluscuamperfecto*). Данный сдвиг является прямым следствием усиления роли цифровых медиа и социальных сетей, где борьба за клик и быстрое усвоение информации диктует свои правила языкового узуса.

Вопросы, затронутые в ходе нашего исследования, могут послужить основой для дальнейшего изучения функционирования глагольных времён как в различных типах медиатекстов, так и в других романских языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батырханова Р. С. Заголовок как объект лингвистического исследования // Наука и инновации – 2012: материалы конференции [Электронный ресурс]. URL: https://www.rusnauka.com/28_NII_2012/Philologia/1_117490.doc.htm (дата обращения: 06.11.2025).
2. Ifantidou E. Newspaper headlines, relevance and emotive effects // *Journal of Pragmatics*. 2023. Vol. 218. P. 17–30. DOI: 10.1016/j.pragma.2023.09.013.
3. Корнеева А. В. Вид глагола: к вопросу о существовании данной категории в испанском языке (Does the category of verbal aspect exist in the Spanish language?) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т. 6. № 4. С. 3–12. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-1.
4. González S. H. The journalistic conditional in Spanish-speaking news headlines // *Estudios de lingüística-universidad de alicante-elua*. 2021. Núm. 35. P. 163–178. DOI: 10.14198/ELUA2021.35.8.
5. Nueva gramática de la lengua española : Morfología. Sintaxis. Madrid: Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española, 2009. 3885 p.

6. Горбова Е. В. О строении аспектуально-темпоральной системы испанского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. 2012. Т. 8. № 2. С. 149–180.
7. Горбова Е. В. Акциональная характеристика испанских глаголов, частотно реализуемых в перфективно-имперфективных формах // *Вопросы языкознания*. 2009. № 3. С. 50–71.
8. Васильева-Шведе О. К., Степанов Г. В. Теоретическая грамматика испанского языка. Морфология и синтаксис частей речи: учебное пособие. М.: Высшая школа, 1972. 339 с.
9. Виноградов В. С. Грамматика испанского языка. Практический курс. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 432 с.
10. Алимova М. В. Аспектуальные характеристики испанского глагола в теории функциональной грамматики // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2010. № 4. С. 56–60.
11. Фирсова Н. М. Стилистика испанского глагола: учебное пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1976. 215 с.
12. Roca Pons J. El aspecto verbal español // *Lingüística antverpiensia*. 1968. No. 2. P. 385–399.
13. Finkbeiner R. The pragmatics of headlines. Central issues and future research avenues // *Journal of Pragmatics*. 2024. Vol. 222. P. 17–22. DOI: 10.1016/j.pragma.2024.01.006.
14. Hadidi Ya., Taghiyev I., Ahmadova S. Linguistic Devices Used in Newspaper Headlines // *Khazar Journal of Humanities and Social Sciences*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 5–21. DOI: 10.5782/2223-2621.2022.25.2.5.
15. Иноземцева Н. В. Функциональные особенности заголовков англоязычных газетных статей // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2015. № 11 (186). С. 142–146.
16. Титаренко Н. В. Основные явления в грамматике современного испанского языка // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2022. № 9 (172). С. 151–153.
17. Райтаровский В. В. Коннотативный «онирический имперфект» в испанском языке и его аналог в русском и английском языках // *Вестник Московского Международного Университета*. 2024. № 2 (2). С. 172–179.
18. Придатыко А. А. Глагольные перифразы как грамматическое средство выражения будущего времени в современном испанском языке // *Бюллетень гуманитарных исследований в междисциплинарном научном пространстве*. 2022. № 1 (2). С. 77–81.

REFERENCES

1. Batyrkhanova, R. S. (2012). Headline as an object of linguistic research. In: *Science and Innovation – 2012: conference materials*. URL: https://www.rusnauka.com/28_NII_2012/Philologia/I_117490.doc.htm (accessed: 06.11.2025) (in Russ.).
2. Ifantidou, E. (2023). Newspaper headlines, relevance and emotive effects. In: *Journal of Pragmatics*, 218, 17–30. DOI: 10.1016/j.pragma.2023.09.013.
3. Korneeva, A. V. (2020). Does the category of verbal aspect exist in the Spanish language? In: *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6 (4), 3–12. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-1.
4. González, S. H. (2021). The journalistic conditional in Spanish-speaking news headlines. In: *Estudios de lingüística-universidad de alicante-elua*, 35, 163–178. DOI: 10.14198/ELUA2021.35.8.
5. *Nueva gramática de la lengua española : Morfología. Sintaxis* (2009). Madrid: Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española.
6. Gorbova, E. V. (2012). A sketch of the Spanish aspectual-temporal system. In: *Acta Linguistica Petropolitana*, 8 (2), 149–180 (in Russ.).
7. Gorbova, E. V. (2009). Actional properties of perfective-imperfective forms (with reference to mark davies' "corpus of Spanish"). In: *Topics in the Study of Language*, 3, 50–71 (in Russ.).
8. Vasilyeva-Shvede, O. K. & Stepanov, G. V. (1972). *Theoretical Grammar of the Spanish Language. Morphology and Syntax of Parts of Speech: A Study Guide*. Moscow: Vysshaya Shkola publ. (in Russ.).
9. Vinogradov, V. S. (2000). *Grammar of the Spanish language. Practical course*. Moscow: Knizhnyy dom «Universitet» publ. (in Russ.).
10. Alimova, M. V. (2010). Aspect of Spanish verb from the point of view of the functional grammar theory. In: *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 4, 56–60 (in Russ.).
11. Firsova, N. M. (1976). *Stylistics of the Spanish verb*. Moscow: Vysshaya Shkola publ. (in Russ.).

12. Roca Pons, J. (1968). El aspecto verbal español. In: *Lingüística antverpiensia*, 2, 385–399.
13. Finkbeiner, R. (2024). The pragmatics of headlines. Central issues and future research avenues. In: *Journal of Pragmatics*, 222, 17–22. DOI: 10.1016/j.pragma.2024.01.006.
14. Hadidi, Ya., Taghiyev, I. & Ahmadvova, S. (2022). Linguistic Devices Used in Newspaper Headlines. In: *Khazar Journal of Humanities and Social Sciences*, 25 (2), 5–21. DOI: 10.5782/2223-2621.2022.25.2.5.
15. Inozemtseva, N. V. (2015). The functional peculiarities of the newspaper article titles in the English newspaper discourse. In: *Vestnik of the Orenburg State University*, 11 (186), 142–146 (in Russ.).
16. Titarenko, N. V. (2022). The fundamental phenomena in the grammar of the modern Spanish language. In: *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 9 (172), 151–153 (in Russ.).
17. Raitarovskiy, V. V. (2024). The connotative “oniric imperfect” in Spanish and its counterpart in Russian and English languages. In: *Vestnik of Moscow International University*, 2 (2), 172–179 (in Russ.).
18. Pridatko, A. A. (2022). Verbal periphrases as a grammatical means of expressing the future tense in modern Spanish. In: *The Bulletin of Interdisciplinary Humanities Research*, 1 (2), 77–81 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мельник Екатерина Сергеевна (г. Санкт-Петербург) – аспирант кафедры лингвистики и литературы английского языка Уханьского университета;

<https://orcid.org/0009-0004-0101-9931>; e-mail: katemalom@yandex.ru

Линь Чжао (г. Ухань, Китай) – профессор, научный руководитель аспирантов в Институте Иностранных языков и Литературы Уханьского университета;

<https://orcid.org/0000-0003-3892-6274>; e-mail: lingzhao@whu.edu.cn

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina S. Melnik (Saint-Petersburg) – postgraduate student, program of English Linguistics and Literature; Wuhan University;

<https://orcid.org/0009-0004-0101-9931>; e-mail: katemalom@yandex.ru

Ling Zhao (Wuhan, China) – Prof., Ph.D. supervisor in College of Foreign Languages and Literature, Wuhan University;

<https://orcid.org/0000-0003-3892-6274>; e-mail: lingzhao@whu.edu.cn

ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2026. № 2. Т. 1

Над номером работали:

Ответственный редактор И. А. Потапова
Литературный редактор М. С. Тарасова
Переводчик, корректор М. С. Тарасова
Компьютерная вёрстка – А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.linguamgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 10, уч.-изд. л. 12.

Подписано в печать: 28.04.2026 г. Дата выхода в свет: 30.04.2026 г. Заказ № 2026/04-05.

Отпечатано в Государственном университете просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 1

Бесплатно